ФГБОУ ВО «ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

АРДАШЕВ РОМАН ГЕОРГИЕВИЧ

РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВ, СОПРЯЖЕННЫХ С ПОСТКРИМИНАЛЬНЫМ СУИЦИДОМ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

специальность 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

диссертация
на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист РФ
Китаев Николай Николаевич

Иркутск
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....3

Глава 1. Посткриминальный суицид лиц, совершивших преступление, как способ противодействия расследованию: понятие и криминалистические особенности.....12

1.1. Понятие и криминалистические особенности посткриминального суицида убийц.....12
1.2. Посткриминальный суицид убийцы в системе противодействия расследованию.....29

Глава 2. Особенности раскрытия и расследования убийств, осложненных суицидом лица, совершившего преступление.....50

2.1. Исторический анализ проблем раскрытия и расследования убийств, осложненных суицидом виновных лиц.....50
2.2. Особенности возбуждения уголовного дела, типовые ситуации и версии.....66
2.3. Тактические аспекты осмотра места происшествия и трупа.....75
2.4. Особенности допросов при расследовании убийств, сопряженных с суицидом лица, совершившего преступление.....93
2.5. Взаимодействие следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, при выявлении и расследовании убийств, сопряженных с суицидом лица, совершившего преступление.....104

Глава 3. Использование специальных знаний при раскрытии и расследовании убийств, осложненных суицидом лица, совершившего преступление.....118

3.1. Участие специалистов при розыске трупов.....118
3.2. Использование специальных знаний в форме экспертизы при расследовании убийств, сопряженных с суицидом правонарушителей.....136
3.2.1. Тактика назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз.....136
3.2.2. Тактические особенности назначения и производства криминалистических экспертиз.....162
3.2.3. Проблемы назначения и проведения судебно-психиатрических, судебно-психологических, судебных психолого-психиатрических экспертиз.....168

Заключение.....185
Список литературы.....191
Приложения.....227

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Особая острота борьбы государственных органов с посягательствами на жизнь людей очевидна, поскольку, согласно ст. 20 Конституции РФ, право на жизнь провозглашается первым в числе личных прав и свобод человека, что делает его высшей личной ценностью.

Российская Федерация относится к числу государств с наиболее сложной криминальной ситуацией и одним из самых высоких показателей смертности от убийств и самоубийств (суицидов). За 2016 год в результате преступных посягательств в нашей стране погибло 29,2 тыс. человек, остались нераскрытыми 932 убийства и покушений на убийство[1]. Следует признать, что официальные статистические данные не в полной мере отражают истинную картину событий и являются по разным причинам заниженными[2].

Классически считается, что раскрытие преступления происходит тогда, когда преступник установлен, задержан и ему предъявлено обвинение в содеянном. Но существует категория уголовных дел, по которым убийца не попадает на скамью подсудимых, поскольку совершает суицид, порой – не на месте деяния, в условиях неочевидности, через определенный промежуток времени. В таких ситуациях зачастую искажается само содержание криминального события, осложняется поисково-познавательная деятельность следователя, что влечет неопределенность выдвигаемых версий, нарушение причинно-следственных связей между фактом убийства и его последствиями (суицидом убийцы).

В США ежегодно от 1000 до 1500 человек, совершивших убийство, прибегают затем к суициду[3]. В Российской Федерации таких деяний каждый год совершаются сотни, но никакой их статистики не ведется и отсутствуют

---

[1] Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://мвд.рф/reports/item/9338947/ (дата обращения 01.02.2017 г.).

[2] Лунеев В.В. О криминализации экономических преступлений предпринимателей // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 4. С. 9.

[3] Yekeen A.Aderibigbe, Violence in America: A Survey of Suicide Linked to Homicides, Journal of Forensic Sciences 42, no. 4 (1997): 662–665.

научно-практические рекомендации для следователей и оперативных сотрудников органов дознания, посвященные отдельным вопросам методики расследования дел названной категории, отчего качество их расследования нельзя назвать высоким. В отечественных диссертациях и монографиях по криминалистике также не нашли освещения проблемы расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя.

С учетом изложенного актуальность темы настоящего исследования обусловлена как ее недостаточной научной разработанностью, так и существенной практической важностью для раскрытия и расследования преступлений против жизни.

Степень разработанности проблемы. По методике раскрытия и расследования отдельных видов убийств широкую известность получили работы А.И. Бородулина, Л.Г. Видонова, В.К. Гавло, Г.А. Густова, Ю.П. Дубягина, В.Н. Исаенко, А.Х. Кежояна, Н.Н. Китаева, В.П. Колмакова, А.А. Корчагина, Г.И. Кочарова, В.А. Образцова, А.А. Протасевича, А.Л. Протопопова, Д.А. Рассейкина, Д.А. Степаненко, С.В. Шошина, В.И. Шиканова, В.В. Яровенко и др. авторов.

По теме расследования убийств, замаскированных инсценировками (в том числе – инсценировкой суицида), а также по расследованию доведения до самоубийства – содержательные работы принадлежат В.С. Бурдановой, В.Е. Коноваловой, Г.Н. Мудьюгину. Однако до сих пор в России монографических исследований, посвященных раскрытию и расследованию преступлений против жизни, сопряженных с самоубийством самого правонарушителя, не предпринималось.

Объектом исследования является преступная деятельность, отраженная в материалах уголовных дел об убийствах, по которым преступник впоследствии совершил суицид, а также деятельность следователя по раскрытию и расследованию убийств с последующим суицидом лица, совершившего преступления.

Предметом исследования являются закономерности совершения убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, и соответствующие им закономерности раскрытия и расследования указанных деяний.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является выявление и рассмотрение теоретических и практических проблем раскрытия и расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя.

Достижение поставленной цели обусловило необходимость решения следующих задач:

– исследовать криминалистические аспекты посткриминального суицида убийц;

– провести анализ проблем расследования убийств, осложненных суицидом виновных лиц;

– рассмотреть посткриминальный суицид убийцы как один из способов противодействия расследованию;

– выявить особенности возбуждения уголовных дел об убийствах, осложненных суицидом убийцы;

– разработать научные рекомендации по тактике проведения отдельных следственных действий по делам исследуемой категории;

– определить основные направления взаимодействия следственных и оперативных подразделений в противодействии убийствам, сопряженным с суицидом виновного лица;

– обосновать возможности и исследовать различные формы использования специальных знаний при раскрытии и расследовании убийств, осложненных суицидом правонарушителя.

Методологическая основа исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляет диалектико-материалистический метод научного познания, который отражает взаимосвязь теории и практики. Автором использовались общенаучные и частнонаучные методы познания

такие, как анализ, синтез, индукция, дедукция, наблюдение, сравнение, моделирование, историко-правовой метод, интервьюирование, анкетирование, а также ситуационный и системно-структурный подходы.

Нормативную базу диссертационной работы составляют Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный и Уголовный кодексы РФ, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» иные нормативные правовые акты, ведомственные приказы и инструкции.

Теоретическую основу исследования составили труды известных криминалистов: О.Я. Баева, Р.С. Белкина, И.М. Быховского, Л.Г. Видонова, А.И. Возгрина, Т.С. Волчецкой, А.Ф. Волынского, В.К. Гавло, А.Ю. Головина, Г.А. Густова, Л.Я. Драпкина, Е.С. Дубоносова, В.Д. Зеленского, Г.Г. Зуйкова, В.Н. Карагодина, Д.В. Кима, И.М. Комарова, Н.Н. Китаева, В.И. Комиссарова, В.П. Лаврова, А.А. Леви, И.М. Лузгина, Н.П. Майлис, И.А. Макаренко, В.А. Образцова, А.А. Протасевича, А.В. Руденко, Е.В. Смахтина, Д.А. Степаненко, Т.В. Толстухиной, Л.Г. Шапиро, В.И. Шиканова и других авторов. Учитывая, что тема самоубийства является мультидисциплинарной, в теоретическую основу работы легли также и труды известных ученых в области социологии, философии, криминологии, уголовного права, уголовного процесса, суицидологи, судебной медицины, психиатрии, психологии.

Эмпирическую базу диссертации составили:

- Результаты изучения материалов 134 уголовных дел об убийствах, сопряженных с суицидом подозреваемых (обвиняемых), и 24 материала, по которым в возбуждении уголовного дела по факту совершенного убийства было отказано (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Изучались материалы уголовных дел по двадцати четырем субъектам РФ: республик Хакасия, Башкортостан, Тыва, Татарстан, Саха-Якутия, Мордовия, Марий-Эл, Карелия, Чеченская Республика, Красноярский, Алтайский, Хабаровский края, Московская, Ленинградская, Тверская, Кемеровская, Иркутская, Ростовская, Пензенская,

Самарская, Магаданская, Воронежская, Томская области, Ханты-Мансийский автономный округ.

- Результаты анкетирования 63 следователей, проходивших обучение в Иркутском юридическом институте (филиале) Академии Генеральной прокуратуры РФ и 56 оперативных сотрудников уголовного розыска по УМВД РФ Иркутской области;
- Результаты интервьюирования руководителей бюро судебно-медицинских экспертиз в 30 субъектах РФ; руководителей структур уголовного розыска в 41 субъекте РФ, а также руководителей 8 главных управлений МВД РФ по федеральным округам и руководителей всех управлений МВД РФ на транспорте.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые на монографическом уровне проведено комплексное исследование теоретических и практических проблем расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом. На основе изучения следственной и судебной практики, результатов анкетирования работников правоохранительных органов, теоретических положений криминалистики и других наук, а также с позиции ситуационного подхода описаны особенности расследования названной категории преступлений, в совокупности с научно-практическими рекомендациями, повышающими эффективность следственных действий.

В диссертации сформулировано понятие посткриминального суицида, изложены типичные следственные ситуации и предложены типовые программы их разрешения. Проанализированы особенности взаимодействия представителей следственных и оперативных подразделений, высказаны предложения по совершенствованию такого взаимодействия.

На основе выявленных закономерностей разработаны научно-практические рекомендации по использованию специальных знаний при раскрытии и расследовании убийств, осложненных суицидом правонарушителей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Авторское определение понятия «посткриминальный суицид», под которым следует понимать добровольное, умышленное лишение себя жизни лицом непосредственно после совершения им преступления или спустя некоторое время, причинно-обусловленное совершенным преступлением. Суицид может быть рассмотрен в качестве «улики поведения» лица в тех ситуациях, когда установлена причинно-следственная связь между фактом данного самоубийства и убийством, совершенном ранее в условиях неочевидности.

2. Посткриминальный суицид может являться специфическим видом противодействия расследованию преступлений и одним из способов сокрытия преступления, входящих в группу «уничтожение». Преступник, как носитель криминалистически значимой информации, после совершения убийства лишает себя жизни с целью уклонения от уголовной ответственности или по иным причинам. Анализ практики позволил выявить специфические особенности, связанные с характеристикой субъекта, оказывающего противодействие, мотивом его поведения и целью, которую он преследует, а также временем и местом противодействия.

3. Суицид, как таковой, может входить в способ совершения преступления и охватывать действия, как по совершению, так и по сокрытию преступления (совершение террористического акта террористом-смертником).

4. При раскрытии и расследовании убийств для следователей и сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, целесообразно учитывать фактор возможного посткриминального суицида скрывшегося (неизвестного) преступника, что требует соответствующей проверки самоубийц (в первую очередь в районе совершенного убийства) на причастность к расследуемому преступлению.

5. Расследование убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя нецелесообразно представлять в виде частной кри-

миналистической методики, это - по сути, конкретизация и ситуационная детализация частной криминалистической методики расследования убийств.

6. При планировании производства допросов и иных следственных действий в процессе расследования убийств необходимо учитывать возможность попытки посткриминального суицида обвиняемого (подозреваемого) и при необходимости заранее предусматривать мероприятия по предотвращению названного вида противодействия расследованию.

7. Исследование целесообразности применения различных видов специальных знаний при раскрытии и расследовании убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом показало эффективность использования:

а) иммуногистохимических исследований и дерматоглифики в судебно-медицинских экспертных исследованиях для установления предрасположенности к суицидальному поведению и его реализации. Это позволяет исключить возможную инсценировку суицида, а также использовать такие экспертные заключения при проведении посмертных судебных - психолого-психиатрических экспертиз;

б) математических методов при экспертной диагностике суицида путем самоповешения, для выявления инсценировок самоубийства.

8. Осмотр места происшествия по фактам суицида убийц обладает особой спецификой, выражающейся в необходимости широкого использования специальных знаний. Так, для повышения эффективности розыска трупов людей в водоемах целесообразно использовать помощь специалистов в области судебной медицины, гидрологии и палеонтологии (тафономии).

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что сформулированные в диссертации теоретические выводы могут внести определенный вклад в развитие науки криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и судебно-экспертной деятельности, что позволит сформировать основу для дальнейшей научной разработки криминалистических аспектов посткриминального суицида преступников, а также подготовке научных трудов по проблематике диссертации.

Практическая значимость исследования состоит в том, что выводы, рекомендации, изложенные в диссертации, могут применяться:

– в практической деятельности органов предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности при раскрытии и расследовании убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом преступника;

– в практической деятельности специалистов и экспертов в области криминалистики, судебной медицины, судебной психиатрии, психологии, гидрологии, палеонтологии и др., привлекаемых для расследования указанной категории уголовных дел;

– в учебном процессе образовательных учреждений юридического профиля в ходе преподавания дисциплины «Криминалистика» и специальных курсов, связанных с раскрытием и расследованием преступлений против личности;

– при повышении квалификации следователей, оперативных сотрудников, судей, судебных экспертов.

Апробация и внедрение результатов исследования. Результаты проведенного исследования докладывались диссертантом на международных и всероссийских научно-практических и межведомственных конференциях, круглых столах, проходивших в Академии Следственного Комитета Российской Федерации (2014), Балтийском федеральном университете им. И. Канта (2012, 2016), Волгоградском государственном университете (2012), Восточно-Сибирском филиале ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (2015), Восточно-Сибирском институте МВД России (2012, 2013).

Положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского национального исследовательского технического университета.

Изложенные в диссертационном исследовании научные положения внедрены в практическую деятельность различных подразделений ФСИН России, МВД России, ФСБ России, ФСО России, МЧС России, Прокуратуры

России, Следственного Комитета РФ, Министерства юстиции РФ, Министерства обороны РФ, Росгвардии. Ряд положений, содержащихся в работе, используется за рубежом: в деятельности Академии МВД Республики Беларусь, Военной Академии Республики Беларусь, Института Национальной Безопасности Республики Беларусь, Алма-атинской академии МВД Республики Казахстан, Академии МВД Кыргызской Республики, Академии МВД Республики Таджикистан, Академии МВД Республики Узбекистан, Университета Правоохранительной службы Монголии, что подтверждается соответствующими актами. Также отдельные положения диссертационного исследования нашли свое применение в учебном процессе Башкирского государственного университета, Воронежского государственного университета; Дальневосточного федерального университета, Казанского (Приволжского) федерального университета, что подтверждается соответствующими актами.

Данные исследования изложены в двух изданиях монографии, и 17 статьях, из которых 12 размещены в изданиях, входящих в перечень, утвержденный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами проведенного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих в себя девять параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений.

ГЛАВА 1. ПОСТКРИМИНАЛЬНЫЙ СУИЦИД УБИЙЦ КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ: ПОНЯТИЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

1.1. Понятие и криминалистические особенности посткриминального суицида убийц

В криминалистике проблема суицида рассматривается при разработке криминалистической методики расследования убийств и методики расследования доведения до самоубийства.

Не изученным аспектом проблемы суицидального поведения является посткриминальный суицид. В науке отсутствует определение данного понятия, не освещаются причины его возникновения, не разработаны меры его предупреждения и др.

В связи с тем, что посткриминальный суицид чаще всего сопровождает убийства, чем другие виды преступлений, на наш взгляд, его исследование должно представляет первостепенный научный интерес.

Изучение работ по криминологии, уголовному праву, криминалистике, судебной психиатрии, юридической психологии и оперативно-розыскной деятельности выявило отсутствие научных изысканий, посвященных такой форме посткриминального поведения, как самоубийство лиц, совершивших убийство.

По данным Всемирной организации здравоохранения Россия на протяжении последних лет ежегодно входит в пятерку стран, имеющих наиболее высокий уровень смертности населения от самоубийств. Несмотря на тенденцию снижения суицидальной смертности, наблюдающуюся с начала 2000-х гг., среднероссийский показатель с 1990-го года превышает предельно критическое значение, установленное ВОЗ (20 случаев на 100 000 населения).

Для сравнения в странах Европы среднее число случаев самоубийств составляет 15,5 на 100 тыс. человек[1].

По прогнозам экспертов, к 2020 г. суицид выйдет на второе место в мире как причина смерти, обойдя онкологию, и уступив первенство лишь сердечно-сосудистым заболеваниям[2].

Таким образом, самоубийства продолжают оставаться одной из наиболее актуальных социальных проблем человечества.

В настоящее время к исследованию феномена суицида привлекаются сведения из различных областей знаний (социологии, психиатрии, медицины, психологии, философии, правоведения), которые позволяют изучать его с мультидисциплинарных позиций и это необходимо учитывать при проведении научных исследований.

Следует отметить, что с уголовно-правовой точки зрения понятие «посткриминальное поведение» стало рассматриваться с начала 80-х годов XX века. Такие ученые, как И.Э. Звечаровский, Р.А. Сабитов ввели в научный оборот указанное понятие, разработали его механизм, показали влияние такого поведения на уголовную ответственность и наказание, на устранение вредных последствий совершенного преступления.

В уголовном праве посткриминальное поведение правонарушителя трактуется как правовое поведение лица с момента совершения преступления, осуществляемое в рамках и в связи с реализацией охранительного уголовного правоотношения[3]. При этом авторы указывают на два основных вида посткриминального поведения: 1) положительное (явка с повинной; чистосердечное раскаяние; активное способствование раскрытию преступления и

---

[1] Морев М.В. Факторы риска суицидального поведения и их преодоление // Проблемы развития территории. 2013. Вып. 1 (53). С. 99; Морев М.В., Шматова Ю.Е., Любов Е.Б. Динамика суицидальной смертности населения России: региональный аспект // Суицидология. 2014. № 1 (14).

[2] Краснопольская И. Линия смерти // Российская газета. 2013. 15 марта.

[3] Звечаровский И.Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование. Иркутск, 1993. С. 17

т.п.); 2) отрицательное (уклонение от уголовной ответственности; оговор заведомо невиновного; уклонение от отбывания наказания и т.п.)[1].

Названные авторы рассматривают посткриминальное поведение в широком смысле, когда его конечной границей является прекращение уголовно-правовых последствий совершенного субъектом преступления (в самом общем виде – погашение или снятие судимости).

Криминологии также изучают посткриминальное поведение. Например, А.В. Яшин предлагает рассматривать постпреступное (посткриминальное) поведение в узком смысле – как элемент механизма преступного поведения и называет его составные части:

1) анализ содеянного и наступивших последствий;

2) планирование вариантов постпреступного поведения;

3) оценка результатов планирования и выбор варианта поведения;

4) реализация принятого решения[2].

С 90-х годов 20 века поведение преступника стало исследоваться с криминалистических позиций. Ученые-криминалисты, занимавшиеся данной проблемой (В.А. Образцов, Е.А. Миронова, С.В. Лаврухин, Г.Н. Мухин), затрагивали и вопрос о посткриминальном (постпреступном, послепреступном) поведении с целью систематизации знаний об обнаружении, фиксации и изъятии следов совершенного преступления, а также для разработки вопросов тактики и методики расследования преступлений.

При этом ряд авторов замечают, что понятие «преступное поведение» не тождественно понятию «поведение преступника» (Г.Н. Мухин, С.В. Лаврухин). Если первое относится к преступлению, то второе значительно шире по объему и включает в себя непреступное поведение.

Определение понятия «поведение преступника» в криминалистике предлагают несколько авторов. Дольше всех и обстоятельно разрабатывает

---

[1] Авдеев В.А. Правовое регулирование посткриминального поведения несовершеннолетних: история и современность. Иркутск, 2001. С. 6–7; Сабитов Р.А. Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения им преступления и вынесения ему приговора. М., 2013. С. 28–32.

[2] Яшин А.В. Постпреступное поведение: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 114.

данный вопрос С.В. Лаврухин. Его взгляды на содержание рассматриваемой категории криминалистики с течением времени меняются. В 1998 году данный ученый определяет поведение преступника как «динамическую систему его поведенческих актов до, во время и после совершения преступления, направленных на подготовку, совершение, сокрытие преступления, использование криминального результата, содействие или воспрепятствование раскрытию преступного деяния либо относящихся к различным вариантам деструктивного поведения (уликам поведения), свидетельствующим о причастности субъекта к преступлению»[1]. В 2015 году С.В. Лаврухин предлагает следующее определение поведения преступника – «это детерминированная объективными и субъективными факторами сложная динамическая система разнообразных внутренних и внешних проявлений активности и пассивности человека до, во время и после совершения преступления, связанных преимущественно с некриминальными и криминальными поступками, образом жизни и отраженных в объективной действительности и в сознании человека в виде материальных и идеальных следов»[2].

Несложно заметить, что новое определение более широкое по содержанию, и охватывает акты непреступного поведения, в том числе после совершения преступления.

Криминалисты по-разному описывают структуру поведения преступника. Е.А. Миронова, а также Г.Н. Мухин с соавторами выделяют в криминалистической структуре поведения преступника преступные и непреступные действия, реализуемые до совершения преступления, в момент его совершения и послепреступный период[3]. Кроме того, Е.А. Миронова отмечает внешнюю (физическую) и внутреннюю (психическую) стороны поведения преступника.

---

[1] Лаврухин С.В. Понятие криминалистики // Государство и право. 1998. № 4. С. 74.
[2] Лаврухин С.В. Механизм поведения преступника. М., 2015. С. 64.
[3] Миронова Е.А. Поведение преступника: криминалистический и процессуальный аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1997. С. 13 ; Мухин Г.Н., Каразей О.Г., Исютин-Федотков Д.В. Криминалистическое моделирование личности неустановленного преступника и его преступного поведения. М., 2012. С. 75.

В.В. Николайченко усматривает в поведении преступника пять этапов:

1) допроцессуальное поведение лица, совершившего преступление;

2) поведение подозреваемого и обвиняемого;

3) поведение подсудимого;

4) поведение заключенного (пенитенциарное поведение, связанное с совершением преступления);

5) поведение лица, освобожденного из мест лишения свободы (постпенитенциарное поведение, связанное с совершением преступления)[1].

По мнению С.В. Лаврухина, структура системы «поведения преступника» включает в себя следующие элементы:

1. Образ жизни преступника – интегративная характеристика жизнедеятельности преступника, отражающая своеобразие его поведения в трудовой, семейной и других сферах.

2. Поведенческий акт преступника – подсистема его поведения деятельностного вида, причинно связанная с совершением общественно опасного деяния.

3. Иное волевое поведение преступника – варианты его контролируемого поведения, не подпадающего под признаки поведенческого акта (например, уликовое поведение преступника).

4. Неволевое поведение – не контролируемое сознанием поведение преступника (вербальное и невербальное)[2].

С.В. Лаврухин также классифицирует на междисциплинарном уровне виды механизма поведения преступника:

1) по отраслям знаний – уголовно-правовой, криминологический, криминалистический и пенитенциарный;

2) по времени поведение преступника разделяется на допроцессуальное, процессуальное и постпроцессуальное[1].

---

[1] Николайченко В.В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления как объект криминалистического исследования. Ч. 1. Саратов, 2005; Николайченко В.В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления как объект криминалистического исследования. Ч. 2. Саратов, 2006.

[2] Лаврухин С. В. Механизм поведения преступника. М., 2015. С. 66–68.

Очевидно, что классификация В.В. Николайченко – это чуть более развернутая классификация поведения преступника «по времени», предложенная С.В. Лаврухиным.

Посткриминальный суицид этими исследователями не изучался, лишь вкратце упоминается в работе С.В. Лаврухина[2].

В отдельных работах по криминалистике рассматривается вопрос о криминалистическом значении непреступного поведения. В частности, Е.А. Миронова обосновывает необходимость исследования не только преступного, но и непреступного поведения, использования данных о нем в качестве источника криминалистически значимой для следствия информации, реализуемой в процессуальном порядке. Данный исследователь констатирует профессиональную недооценку со стороны следствия криминалистического значения непреступных элементов поведения субъекта преступления для доказательственного процесса и называет главную причину этого – отсутствие у следствия установки на выявления указанных обстоятельств[3].

С.В. Лаврухин, рассматривая некриминальный компонент осознанного поведения человека, связанного с совершением преступления, отмечает, что в сферу интересов криминалистики «входят все ипостаси поведения человека, исследование которых в той или иной степени способствует получению доказательственной либо тактической информации по уголовному делу»[4].

О необходимости изучения преступления в связи с допреступными и постпреступными событиями упоминает Ю.В. Пономаренко, указывая на выявление корреляций между преступлением и сопутствующими ему некриминальными событиями[5].

---

[1] Лаврухин С.В. Механизм поведения подозреваемого и обвиняемого // Вестник криминалистики. 2010. № 1 (33). С. 23.
[2] Лаврухин С.В. Указ. раб. С. 25.
[3] Миронова Е.А. Указ. раб. С. 24, 27.
[4] Лаврухин С.В. Механизм поведения преступника. М., 2015. С. 71.
[5] Пономаренко Ю.В. Применение метода криминалистической ретроспекции при расследовании преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Минск, 2003. С. 13; Пономаренко Ю.В. Применение метода криминалистической ретроспекции при проведении проверок по фактам смерти // Научные труды молодых ученых, аспирантов, студентов: материалы 58 науч. конф. аспирантов и студентов Белорусского гос. университета (Минск, 25–26 апр., 2001 г.). Минск, 2001. Ч. 2. С. 133–136.

В отечественной криминалистике отсутствует определение понятия «посткриминальное поведение», однако, ученые, занимающиеся проблемами поведения преступника, отмечают, что посткриминальное поведение – это объемное понятие, которое включает в себя не только действия по сокрытию факта преступного события и его отражения в окружающей среде, но и поведение во время следствия[1]. Полагаем, что границы данного понятия должны быть расширены: в него следует включить и стадию судебного разбирательства, в ходе которой могут быть применены криминалистические приемы и средства, влияющие на поведение подсудимого.

С конца XX века учеными-криминалистами обосновывается необходимость формирования криминалистического учения о поведении преступника (М.И. Еникеев, В.А. Образцов), криминалистической теории поведения преступника (Е.А. Миронова, Г.Н. Мухин и др.), криминалистической концепции поведения преступника (С.В. Лаврухин).

В начале XXI века обсуждается вопрос о создании криминалистического учения о посткриминальном поведении лиц, связанных с преступной деятельностью (А.С. Андреев), под которым предлагается понимать «системное образование криминалистических знаний о явлениях, процессах объективной действительности и соответствующих закономерностях (формирования, функционирования, отражения) как посткриминального поведения лиц, связанных с преступной деятельностью, так и деятельности по раскрытию, расследованию преступлений (в некоторых случаях судебного разбирательства), направленных на воздействие и управление им (посткриминальным поведением), и основанные на них криминалистические приемы, средства и методы»[2].

Исследователи, ратующие за создание данной частной криминалистической теории, справедливо отмечают, что посткриминальное поведение лиц, связанных с преступной деятельностью, нередко затрудняет процессы рас-

---

[1] Мухин Г.Н., Каразей О. Г., Исютин-Федотков Д.В. Указ. раб. С. 76.
[2] Андреев А.С. Содержание и структура криминалистического учения о посткриминальном поведении лиц, связанных с преступной деятельностью // Казанская наука. 2015. № 3. С. 122–123.

крытия и расследования отдельных преступлений, поэтому «существует необходимость разработки научных рекомендаций по распознаванию фактов и ситуаций негативного посткриминального поведения, применению средств и методов его преодоления следователем…»[1].

Поскольку посткриминальный суицид является частным случаем посткриминального поведения лиц, связанных с преступной деятельностью, рекомендации о посткриминальном суициде убийц могут быть использованы при разработке учения о посткриминальном поведении как частной криминалистической теории.

Следует также обратить внимание на то, что в многочисленных диссертационных исследованиях, посвященных раскрытию и расследованию убийств, тема посткриминального суицида правонарушителей не нашла отражения. П.И. Ивахов даже утверждает, что «самоубийство не подлежит криминалистической и уголовно-правовой оценке, поскольку не является преступлением»[2]. Такое утверждение неверно, поскольку, например, факт доведения до самоубийства требует доказывания и уголовно-правовой оценки. Кроме того, следственная и судебная практика полна примерами, когда убийца после совершенного им деяния, прибегает к суициду, покушению на самоубийство, либо инсценирует суицид мнимого правонарушителя, убивая невиновных лиц[3]. В уголовно-правовом плане суицид отграничивается от убийства на базе понятия «убийства» и его признаков. Серьезные трудности у работников правоохранительных органов могут возникнуть при отграничении самоубийства от несчастного случая, не содержащего признаков состава преступления. Наконец, по отдельным уголовным делам, возбужденным в

---

[1] Варданян А.В. Андреев А.С. Поскриминальное поведение и элементы криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьей 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (часть 1) // Юристъ-Правовед. 2016. № 2 (75). С. 26.

[2] Ивахов П.И. Криминалистические проблемы расследования и предупреждения убийств в современных условиях: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2003. С. 11.

[3] См., например: Муравьев Н.С. Разоблачение инсценировки самоповешения // Следственная практика. Вып. 34. М., 1958. С. 22–29; Крачнаков В.Э. Своевременный и тщательный осмотр места происшествия и трупа – залог успешного раскрытия убийства // Следственная практика. Вып. 112. М., 1976. С. 79–85; Валеев М.Х., Борисова А.Г. Осмотр места происшествия и трупа при подозрении на инсценировку самоповешения // Южно-Уральские криминалистические чтения. Сб. № 8. Уфа, 2000. С. 56–61.

связи с нарушением правил техники безопасности труда или движения автомототранспорта, вполне реальным является наступление смерти в результате стремления потерпевшего покончить с собой[1].

Названные обстоятельства требуют особой тщательности предварительной проверки и проведения неотложных следственных действий, осложняют расследование и судебное рассмотрение подобных дел. При этом возникает немало сложных вопросов не только криминалистического, но также экспертного и оперативно-розыскного характера. По тем же основаниям самоубийство является важным предметом изучения для судебных медиков и судебных психиатров[2]. Как указывал П.Ф. Булацель, «…во все времена человеческой истории самоубийство существовало, то подвергаясь осуждению философов и законодателей, то напротив того, находя себе ярых защитников среди представителей мысли и науки»[3].

Таким образом, криминалистика и следственная практика нуждаются в разработке целого ряда проблемных вопросов, касающихся расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом.

Нужно признать, что успешное исследование и практическое решение вышеназванных и многих иных вопросов, в той или иной степени соприкасающихся с самоубийством как явлением, невозможно без глубокого изучения самого явления. В суицидологии, являющейся мультидисциплинарной отраслью знания, проблемы самоубийства давно изучаются представителями различных научных направлений, хотя, по мнению некоторых авторов, «…даже комплексный подход к суициду не открывает его сути, оставаясь

---

[1] Солохин А.А. Судебно-медицинская экспертиза в случаях автомобильной травмы. М., 1968. С. 114.

[2] См. подробно: Мишин Е.С. Судебно-медицинская экспертиза удавления петлей: автореф. дис. … докт. мед. наук. СПб., 1997; Молин Ю.А. Судебно-медицинская экспертиза повешения. СПб., 1996; Подпоринова Е.Э. Судебно-медицинская экспертиза удавлений руками: автореф. дис. … канд. мед. наук. СПб., 1997; Загрядская А.П., Джемс-Леви Д.Е. Судебно-медицинская оценка способности к активным действиям при смертельных механических повреждениях. Горький, 1978; Красавин С.М., Колпащиков Е.Г. Установление последовательности действий при комбинированном способе самоубийства // Судебно-медицинская экспертиза. 1987. № 4. С. 61; Кузнецов В.Е. Этапы развития отечественной дореволюционной суицидологии: психиатрический и междисциплинарный аспекты: автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 1987; Полякова И.В. Особенности ситуационных реакций и психогенных депрессий в суицидологической практике: автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 1987; Пелипас В.Е. Суицидальные явления в клинике некоторых форм психопатии: автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 1971.

[3] Булацель П.Ф. Самоубийство с древнейших времен до наших дней. СПб., 1900. С. 146.

способом регистрации и систематизации эмпирических причин и фактических обстоятельств самоубийства»[1]. И.Б. Паперно сообщает: «В научном сознании самоубийство…представляется неразрешенной загадкой, ученые затрудняются не только в объяснении, но и в определении самоубийства… В 1973 году «Британская энциклопедия» заказала статью «Самоубийство» председателю Американской Ассоциации суицидологи Эдвину Шнейдману; вот что говорит его устами энциклопедия: «На самом деле никто не знает, почему люди кончают жизнь самоубийством»[2].

В специальной литературе имеется много определений самоубийства. Французский социолог Эмиль Дюркгейм (1858–1917 гг.) дал такую формулировку суицида: «Самоубийством называется всякий случай смерти, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах. Покушение на самоубийство – это вполне однородное действие, но только не доведенное до конца»[3]. М.И. Еникеев определяет самоубийство (суицид) как «…чрезвычайный, трагический акт в жизнедеятельности человека, при котором травмирующие психику обстоятельства по своей силе превосходят даже самый сильный человеческий инстинкт – инстинкт самосохранения. Самоубийства совершаются на фоне двух разновидностей остроконфликтных психических состояний: 1) при глубокой депрессии, обусловленной крушением основных личностных ценностей, утратой смысла жизни, субъективно трактуемой безвыходностью положения или 2) в результате внезапно возникшего аффекта, фрустрации, связанных с личностно-аварийной ситуацией. Суицид может быть вызван и длительным накоплением отрицательных эмоций в крайне неблагоприятных условиях жизни, в результате психопатизации лич-

---

[1] Дуткин М.П. Гносеологическое основание изучения суицида: автореф. дис. … канд. философ. наук. Якутск, 2006. С. 2.
[2] Паперно И.Б. Самоубийство как культурный институт. М., 1999. С. 5.
[3] Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1998. С. 26.

ности…»[1]. Посткриминальный суицид убийц, как правило, относится ко второму пункту данного определения.

В «Большой психологической энциклопедии» содержится более суженное понятие: «Суицид (от лат. sui – сам себя + saides – убийство) – самоубийство, которое является результатом тяжелого психического расстройства или заболевания и воспринимается индивидом как простейший способ справиться с кризисной ситуацией»[2]. Здесь следует согласиться с мнением А.Г. Амбрумовой, В.А. Тихоненко и Л.Л. Бергельсон, что «…точка зрения, согласно которой суицид отождествляется с болезнью, распространена преимущественно в среде психиатров»[3].

М.И. Ковалев определяет самоубийство как осмысленное и добровольное лишение себя жизни по любым причинам, кроме случаев сознательного воздействия на человека со стороны других лиц, при котором он принимает решение уйти из жизни не добровольно, а в силу безвыходной ситуации, сложившейся по воле этих лиц[4]. «С точки зрения уголовного права под самоубийством надлежит понимать осознанные, добровольные действия, направленные на лишение себя жизни»[5].

Л.З. Трегубов и Ю.Р. Вагин пишут: «Самоубийство, если дать ему краткое определение, есть сознательное, самостоятельное лишение себя жизни. В этих двух основных дефинициях заключается его коренное отличие от убийства, в котором, по понятным соображениям, отсутствует элемент самостоятельности, и от несчастного случая, в котором отсутствует элемент сознательности и доминирует случайность»[6].

С.В. Бородин и А.С. Михлин отмечают: «При самоубийстве лицо имеет цель и мотив, который побуждает его к действию. Целью является соверше-

---

[1] Еникеев М.И. Энциклопедия. Общая и социальная психология. М., 2002. С. 476.
[2] Большая психологическая энциклопедия. М., 2007. С. 448.
[3] Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А., Бергельсон Л.Л. Социально-психологическая дезадаптация личности и профилактика суицида // Вопросы психологии. 1981. № 4. С. 97.
[4] Ковалев М.И. Правовые проблемы защиты жизни, здоровья и генетического достоинства человека. Екатеринбург, 1996. С. 26.
[5] Сафонова Н.А. Спорные вопросы понятия «самоубийство» // Российский юридический журнал. 2000. № 4. С. 45.
[6] Трегубов Л.З., Вагин Ю.Р. Эстетика самоубийства. Пермь, 1993. С. 11.

ние акта самоубийства, желание лишить себя жизни. В качестве мотива выступают осознанные побуждения, которые создают решимость человека реализовать указанную цель – совершить самоубийство. Особенностью самоубийств является то, что далеко не всегда удается установить их мотив»[1]. Так, статистические сведения о самоубийствах в нашей стране, опубликованные в 1929 г., свидетельствовали, что мотивы около 70 % суицидов оказались неустановленными[2]. Н.В. Говорин и А.В. Сахаров[3], сообщая о множестве классификаций мотивов суицидального поведения, данных различными отечественными и зарубежными авторами, делают обоснованный вывод о том, что эти классификации не в состоянии охватить весь спектр возможных суицидально-поведенческих мотивов. «Вероятно, это и невозможно, так как мотивы самоубийств во многом субъективны, зависят от различных характеристик суицидента: возраста, пола, образования, профессии, мировосприятия и т.д. Бесспорно только одно, что любое конкретное самоубийство имеет свои причины и мотивы»[4].

В психиатрии существует термин «расширенное самоубийство», при котором «…по мотивам патологической любви, без эгоистических побуждений совершается убийство дорогих и близких лиц с последующим самоубийством»[5]. Кандидат медицинских наук Г.В. Зеневич утверждал, что «…расширенные самоубийства могут возникать на почве реактивной психогенной, в том числе и вызванной тяжелой ситуацией и тяжелыми жизненными условиями, депрессии…Сам акт совершается чрезвычайно последовательно и с большим хладнокровием»[6]. Однако здесь речь идет фактически об об убийстве близких лиц (детей, родителей), которые сами не изъявляли же-

---

[1] Бородин С.В., Михлин А.С. Мотивы и причины самоубийств // Актуальные проблемы суицидологи. М., 1978. С. 29.
[2] Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 гг. М., ЦСУ СССР, 1929. С. 20.
[3] Говорин Н.В., Сахаров А.В. Суицидальное поведение: типология и факторная обусловленность. Чита, 2008. С. 26–28.
[4] Говорин Н.В., Сахаров А.В. Указ. раб. С. 28.
[5] Зеневич Г.В. Анализ так называемых расширенных самоубийств при меланхолических состояниях. Л., 1938. С. 1.
[6] Зеневич Г.В. Указ. раб. С. 19.

лания совершить суицид, и лишь потом правонарушитель прибегает к самоубийству.

Суицидальное поведение – понятие более широкое, помимо суицида, включает в себя: а) мысли о суициде (или идеацию); б) планирование самоубийства; в) суицидальные попытки (парасуициды); г) сам суицид[1]. По мнению А.Г. Амбрумовой, степень желания смерти при истинных и симулятивных попытках суицида различна, что находит отражение в условиях и способах суицидального действия[2]. Отсюда – выбор способа суицида может являться индикатором истинности намерения умереть[3]. Однако использование способа, который не завершился летальным исходом, необязательно указывает на то, что намерение суицидента было несерьезным[4]. Исследователи отмечают, что в современной России «…поведенческая структура незавершенных самоубийств, кажущаяся относительно стабильной, постепенно эволюционирует в сторону образцов, характерных для фатальных суицидов»[5].

Одни и те же действия могут иметь различную квалификацию в зависимости от цели, которую они преследуют. Такие широко распространенные телесные повреждения, как самопорезы в области предплечий, могут быть отнесены: а) к истинным суицидальным попыткам, если конечной целью была смерть от потери крови; б) к разряду демонстративно-шантажных покушений, если целью была демонстрация окружающим желания умереть при отсутствии такового; в) к самоповреждению, если целью было испытать физическую боль (характерно для психопатических личностей в период аффективных разрядок или при наркотическом опьянении); г) к несчастным случаям – если по бредовым мотивам самоповреждения преследуют мистическую

---

[1] Предотвращение самоубийств. Глобальный императив: доклад ВОЗ, 2014. С. 13 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/world_report_2014/ru.

[2] Амбрумова А.Г. Индивидуально-психологические аспекты суицидального поведения // Актуальные проблемы суицидологи: труды Московского НИИ психиатрии. М., 1978. С. 45.

[3] Гилод В.М. Клинико-социальные и клинико-психопатологические характеристики вариантов суицида у пациентов кризисного стационара: автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 2003. С. 17.

[4] Современная медицинская энциклопедия. СПб., 2002. С. 337.

[5] Мягков А.Ю., Смирнова Е.Ю. Структура и динамика незавершенных самоубийств // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 95.

цель[1]. Например, к пункту «б» можно отнести «ситуативных членовредителей» в среде осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Такое демонстративное членовредительство называется некоторыми исследователями «фокальным суицидом»[2]. Риск суицидального поведения у больных с психическими расстройствами в 35 раз выше, чем в общей популяции[3]. П.М. Попов и И.В. Самсонова указывают, что больные шизофренией с суицидальными тенденциями часто совершают гомоцидные акты (умерщвление людей)[4].

Изучение статистики самоубийств в России показывает, что число суицидальных попыток (парасуицидов) примерно в 8 раз превышает число зарегистрированных завершенных самоубийств[5]. Статистика парасуицидов колеблется от 60 до 220 на 100 тыс. человек[6]. Из тех, кто совершил парасуицид, цид, как правило, 20–60 % повторяет его в течение первого последующего года, причем в 50 % случаев такое повторение завершается смертью[7]. Достаточно надежных критериев прогноза повторной суицидальной попытки пока не выработано[8]. Н.В. Конончук, ссылаясь на книгу канадского суицидолога А. Рассела (1968), пишет: «Различие феноменов завершенного суицида и покушения подтверждает и тот факт, что если в контингенте завершенных суицидов преобладают психически больные, то среди пациентов с суицидальными попытками превалируют лица с пограничными расстройствами, а также здоровые в психическом отношении люди с ситуационными реакциями в

---

[1] Сидоров П.И., Парняков А.В. Клиническая психология. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М., 2008. С. 760.

[2] Мягков А.Ю. Темпоральные характеристики самоубийств // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 83–92.

[3] Положий Б.С., Распопова Н.И. Факторы риска повторных суицидальных действий у больных с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. 2011. № 5. С. 46.

[4] Попов П.М., Самсонова И.В. Общественная опасность больных шизофренией с суицидальными тенденциями // Судебно-психиатрическая экспертиза. Сб. науч. тр. № 32. М., 1979. С. 71.

[5] Амбрумова А.Г. Теоретико-методологические и организационные проблемы суицидологической превенции // Проблемы профилактики и реабилитации в суицидологи. М., 1984. С. 8–26; Сидоров П.И., Парняков А.В. Указ. раб. С. 754.

[6] Лопатин А.А. Суициды и парасуициды (клинико-эпидемиологические и социально-организационные аспекты): автореф. дис. … докт. мед. наук. М., 2000. С. 18.

[7] Говорин Н.В., Сахаров А.В., Гамойленко А.С. Алкогольный фактор в криминальной агрессии и аутоагрессии. Чита, 2009. С. 13.

[8] Лапин И.А. Факторы риска повторного суицидального поведения женщин с умеренно выраженными и тятяжелыми депрессивными расстройствами: автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 2005. С. 13.

момент совершения попытки»[1]. Однако здесь нужно учесть, что исследования А. Рассела не касались суицида (парасуицида) лиц, совершивших преступления.

По оценкам суицидологов, женщины совершают попытки самоубийств примерно в три раза чаще, чем мужчины. Женщины «…чаще совершают суицидальные попытки с применением «щадящих» средств, позволяющих контролировать ситуацию и оставляющих шанс на выживание. Мужчины, напротив, склонны использовать насильственные и более радикальные способы самоубийств, обладающие высокой степенью летальности»[2].

Л.В. Франк и Н.А. Ин справедливо отмечают: «Самоубийство в той или иной связи тесно соприкасается с другими антиобщественными явлениями, в частности с преступностью, причем в самой острой ее форме – посягательством на жизнь человека»[3]. Каждый год в России совершаются сотни убийств, сопряженных с последующим суицидом подозреваемых, но статистика таких комбинированных деяний отсутствует[4]. Подобные суицидальные ные тенденции могут возникать у психически здоровых людей, у душевнобольных, а также у психопатических личностей, стоящих на границе душевной нормы и психической болезни[5]. По обоснованному мнению В.Е. Пелипаса, данные тенденции являются причиной убийства или покушения на него, расширенного самоубийства и других криминальных поступков[6]. П. Ольхин полагал, что «…по своим убеждениям человек, склонный покуситься на свою жизнь, опасен для общества…От охоты умереть легко перейти к охоте убивать»[7]. Б.С. Положий и Н.И. Распопова отмечают, что суицидаль-

---

[1] Конончук Н.В. О психологическом смысле суицидов // Психологический журнал. 1989. № 5. С. 95.
[2] Мягков А.Ю., Смирнова Е.Ю. Структура и динамика незавершенных самоубийств // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 90, 94.
[3] Франк Л.В., Ин Н.А. О самоубийстве и его предупреждении (опыт конкретно-социологического микроисследования) // Вопросы криминалистики и криминологии. Душанбе, 1968. С. 62.
[4] Ардашев Р.Г. О некоторых процессуальных нарушениях в ситуациях посткриминального суицида убийц // Закон и право. 2012. № 4. С. 95; Лазарев П.В. Суицидальные тенденции в криминальной среде // Правовые проблемы Восточно-Сибирского региона конца второго тысячелетия. Иркутск, 1999. С. 38–39.
[5] Пелипас В.Е. Суицидальные явления в клинике некоторых форм психопатии: автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 1971. С. 3.
[6] Пелипас В.Е. Указ. раб. С. 6.
[7] Ольхин П. Последние дни самоубийц. СПб., 1863. С. 294.

ное поведение далеко не всегда непосредственно связано с наличием у суицидента психических расстройств, оно является результатом сложного взаимодействия психопатологических, личностных и ситуационных факторов, доля участия которых в каждом конкретном случае неодинакова[1].

Самоубийство, представляющее собой акт поведения, имеет свои основы и рассматривается исследователями как один из фрагментов деятельности человека. По мнению А.Г. Амбрумовой и Л.И. Постоваловой, суицидальное поведение в самых различных его проявлениях представляет собой поведенческую модель, распространенность которой в том или ином обществе зависит от многих социокультурных переменных[2]. При множестве провоцирующих суицид факторов А.Г. Амбрумова выделяет следующие шесть условий, постоянно встречающихся при исследовании категории суицидентов:

1. Сниженная толерантность к эмоциональным нагрузкам.

2. Своеобразие интеллекта (в одних случаях являющееся постоянным свойством психики, в других – появляющееся в периоды особого состояния).

3. Неблагополучие, неполноценность коммуникативных, контактных систем.

4. Неадэкватная личностным возможностям (заниженная, лабильная или повышенная) самооценка.

5. Слабость личностной психологической защиты.

6. Снижение или утрата ценности жизни[3].

По мнению А.Г. Амбрумовой, сочетания всех этих элементов разными путями и с разной вероятностью приводят к снижению и потере адаптации, они связаны прежде всего с потерей активности протекания какого-либо из психических процессов и могут быть названы суицидогенными комплексами[4].

---

[1] Положий Б.С., Распопова Н.И. Факторы риска повторных суицидальных действий у больных с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. 2011. № 5. С. 46.
[2] Амбрумова А.Г., Постовалова Л.И. Анализ предсмертных записок суицидентов // Научные и организационные проблемы суицидологи. М., 1983. С. 61.
[3] Амбрумова А.Г. Индивидуально-психологические аспекты суицидального поведения // Актуальные проблемы суицидологи. М., 1978. С. 53.
[4] Амбрумова А.Г. Указ. раб. С. 53.

Исследования С.В. Бородина и А.С. Михлина дают возможность классифицировать мотивы и поводы самоубийств на несколько групп:

I. Лично-семейные конфликты; в том числе:

1) семейные конфликты, развод;
2) болезнь, смерть близких;
3) одиночество;
4) неудачная любовь;
5) оскорбления со стороны окружающих;
6) половая несостоятельность.

II. Состояние здоровья; в том числе:

1) психические заболевания;
2) соматические заболевания;
3) уродства.

III. Конфликты, связанные с антисоциальным поведением суицидента; в том числе:

1) опасение уголовной ответственности;
2) боязнь иного наказания или позора;
3) самоосуждение за неблаговидный поступок.

IV. Конфликты, связанные с работой или учебой; в том числе:

1) конфликты на работе;
2) неуспехи в учебе.

V. Материально-бытовые трудности.

VI. Другие мотивы[1].

Третья группа названных мотивов вполне соответствует наиболее распространенным ситуациям посткриминального суицида.

А.Г. Амбрумова и В.А. Тихоненко обоснованно отмечают, что при боязни уголовной ответственности суицидальные действия более серьезны, чем при опасениях иного наказания. В целом, лица, совершающие самоубийства

[1] Бородин С.В., Михлин А.С. Мотивы и причины самоубийств // Актуальные проблемы суицидологи. М., 1978. С. 32–33.

по указанному мотиву, характеризуются с отрицательной стороны и обнаруживают предшествующий суициду период антисоциального поведения[1].

Проведенное исследование позволяет утверждать, что некоторые убийцы, совершившие затем суицид, при жизни не раз высказывали угрозы будущим потерпевшим (родным, знакомым) покончить с ними, а затем с собой. Таким образом, мысленное моделирование будущего преступления, сопряженного с собственной гибелью, у таких лиц имело место задолго до исполнения своего замысла (за несколько месяцев и даже лет).

С учетом изложенного, можно заключить, что *посткриминальный суицид – это добровольное, умышленное лишение себя жизни лицом непосредственно после совершения им преступления или спустя некоторое время, причинно-обусловленное совершенным преступлением.*

1.2 Посткриминальный суицид убийцы в системе противодействия расследованию

За последние десятилетия проблема противодействия раскрытию и расследованию преступлений приобрела характер остро негативного социального явления. Практически почти не один случай выявления, раскрытия, судебного разбирательства не обходится без преодоления противодействия, подчас весьма серьезного, со стороны преступников.

Анализ отечественной литературы свидетельствует о том, что в период 70-х – 80-х гг. XX в. имел место явный рост интереса ученых-криминалистов к проблемам противодействия расследованию, когда при углубленном изучении криминалистических аспектов совершенного преступления выявлялись способы сокрытия следов этого преступлений. В указанный период рядом авторов были исследованы особенности сокрытия отдельных видов преступлений и отдельные способы такого сокрытия, а также созданы теоретические основы о сокрытии преступлений, что нашло свое отражение в рабо-

[1] Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения (Методические рекомендации). М., 1980. С. 26.

тах Р.С. Белкина, Г.Г. Зуйкова, В.П. Лаврова, И.М. Лузгина, Г.М. Мудьюгина, В.А. Овечкина, Г.А. Гельманова[1] и др.

С начала 90-х годов объектами научных исследований российских криминалистов стали выступать не только проблемы сокрытия преступлений, но также иные аспекты противодействия расследованию.

В это время получила активное развитие сама теория преодоления противодействия расследованию, которая ныне входит в структуру частных криминалистических теорий, нашедшая отражение в докторских диссертациях В.Н. Карагодина (1992), И.А. Николайчука (2000), В.В. Трухачева (2001). Дальнейшую свою разработку теоретические вопросы противодействия расследованию получили в трудах Р.С. Белкина, А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова, Н.П. Яблокова, А.Ф. Лубина, А.Ю. Головина[2] и ряда других авторов. Данная проблема нашла разностороннее отражение в кандидатских диссертациях С.Ю. Журавлева (1992), И.А. Бобракова (1997), В.В. Дементьева (1997), О.Л. Стулина (1999), А.Н. Петровой (2000), А.С. Андреева (2001), А.Ю. Федоренко (2001), Р.Ш. Осипяна (2009) и других авторов.

Разными авторами изучались как отдельные способы противодействия и приемы такой деятельности, так и криминалистические средства и методы их преодоления.

При этом серьезное внимание исследователей уделялось проверке и разоблачению ложного алиби (В.И. Шиканов, Н.В. Кручинина[3],

---

[1] Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. М., 1979. Т. 3.; Зуйков Г.Г. Развитие криминалистического учения о способе совершения преступления и проблема способа сокрытия преступления / Повышение эффективности расследования преступления и проблема способа сокрытия преступления // Повышение эффективности расследования преступлений. Иркутск, 1986; Лузгин И.М., Лавров В.П. Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение. М., 1980; Мудьюгин Г.М. Расследование убийств, замаскированных инсценировками. М., 1973; Овечкин В.А. Общие положения методики расследования убийств, скрытых инсценировками. Харьков, 1975; Гельманов Г.А. Криминалистическое значение способа сокрытия преступления против жизни и здоровья граждан и методы его разоблачения: дис. … канд. юрид. наук. М., 1982.

[2] Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 3; Волынский А.Ф., Лавров В.П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // Организованное противодействие расследованию преступлений и меры его нейтрализации: материалы науч.-практ. конф. (Руза-Москва, 29–30 октября 1996 г.). М., 1997; Яблоков Н.П. Способы противодействия следствию при раскрытии преступлений // Основы борьбы с организованной преступностью. М., 1999; Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Н. Новгород, 1991; Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. М., 2002.

[3] Кручинина И.В., Шиканов В.И. Теоретические проблемы алиби, их прикладное значение в уголовном судопроизводстве. Иркутск, 1992.

А.Т. Тимербаев[1]), воздействию на участников расследования и мерам по его нейтрализации (И.А. Бобраков), сущности и методам разоблачения криминальной инсценировок и лжи (Г.Н. Мудьюгин[2], В.А. Овечкин[3], Е.В. Баранов[4], В.Н. Фадеев[5], В.В. Дементьев[6], А.Р. Ратинов[7], А.А. Закатов[8], А.А. Шмидт[9], Р.Г. Мартыненко[10] и др.), психологическим аспектам преодоления противодействия расследованию (Л.И. Полтавцева[11]) и т.д.

Существенный интерес многих исследователей вызывали вопросы выявления и преодоления расследованию отдельных видов преступлений, в том числе убийств[12].

Вышеназванными авторами проведены важные теоретические исследования, в результате чего констатирована актуальность проблемы противодействия расследованию и необходимость его преодоления, определено понятие «противодействие» и его соотношение с понятием «сокрытие преступления», исследована коммуникативная природа противодействия, сформированы основные элементы частной криминалистической теории о преодолении проти-

---

[1] Тимербаев А.Т. Алиби подозреваемого и обвиняемого: дис. … канд. юрид. наук. М., 1975.
[2] Мудьюгин Г.М. Расследование убийств, замаскированных инсценировками. М., 1973.
[3] Овечкин В.А. Общие положения методики расследования убийств, скрытых инсценировками. Харьков, 1975.
[4] Баранов Е.В. Криминалистическая сущность инсценировок и методы их разоблачения при расследовании преступлений. М., 1997.
[5] Фадеев В.И. Расследование инсценировок преступных событий: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 1998.
[6] Дементьев В.В. Научные и практические проблемы расследования инсценировки как способа сокрытия преступления: дис. … канд. юрид. наук, Саратов, 2004.
[7] Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967.
[8] Закатов А.А. Ложь и борьба с ней. Волгоград, 1984.
[9] Шмидт А.А. Тактические основы распознания ложных показаний и изобличение лжесвидетелей: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1973.
[10] Мартыненко Р.Г. Коммуникативное противодействие расследованию: способы, выявление, преодоление: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.
[11] Полтавцева Л.И. Интеграция достижений психологии в криминалистику: дис. … докт. юрид. наук. Волгоград, 2003.
[12] Шошин С.В. Расследование умышленных убийств, совершенных на бытовой почве: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2000; Варфоломеев Е.В. Противодействие расследованию убийств, совершаемых военнослужащими, и криминалистические методы его преодоления: дис. … канд. юрид. наук. М., 2002; Тагирова Д.Т. Особенности первоначального этапа расследования убийств в регионах с преобладанием мусульманского населения: по материалам Республики Дагестан: дис. … канд. юрид. наук, СПб., 2004; Звягин А.И. Противодействие расследованию убийств по найму и криминалистические методы его преодоления: дис. … канд. юрид. наук, М., 2004; Рывкин С.Ю. Особенности расследования и предупреждения убийств, совершенных военнослужащими: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2005; Пирбудагов Г.Н. Противодействие расследованию преступлений против жизни и здоровья: дис. … канд. юрид. наук, М., 2010.

водействия[1], разработаны тактические рекомендации по преодолению умышленного противодействия расследованию уголовного дела.

Однако ряд вопросов рассматриваемого криминалистического учения остается не до конца изученными, а некоторые вопросы вообще не поднимались исследователями. В частности, не был предметом научного обсуждения вопрос о посткриминальном суициде преступника как способе (виде) противодействия расследованию преступлений.

С 2002 г. Э.У. Бабаева предприняла попытку изучить вопросы противодействия уголовному преследованию. По мнению данного ученого, произошло перерастание теории преодоления противодействия предварительному расследованию в общую криминалистическую теорию преодоления противодействия уголовному преследованию[2]. Э.У. Бабаева полагает, что «…по «…по объему понятие противодействия уголовному преследованию шире понятия противодействия предварительному расследованию и объективно отражает реально существующее положение вещей, поскольку достаточно часто лицо, только еще заподозренное в совершении преступного деяния, препятствует выявлению преступления уже на стадии возбуждения уголовного дела. Кроме того, противодействие уголовному преследованию продолжается в стадии судебного следствия…».

Кроме того, в пользу употребления термина «противодействие уголовному преследованию» свидетельствует тот факт, что на стадии предварительного расследования умышленное противодействие преимущественно оказывается только с целью помешать изобличению подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления»[3].

В контексте проводимого исследования целесообразно использовать термин «противодействие расследованию». Во-первых, противодействие уголовному преследованию предполагает, что лицо, совершившее преступ-

---

[1] Стулин О.Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 6.
[2] Бабаева Э.У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию. М., 2006. С. 38.
[3] Бабаева Э.У. Указ. соч. С. 57–58.

ление и осуществляющее противодействие, известно правоохранительным органам; более того, в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона РФ, оно имеет процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого. Однако чаще всего преступления, в том числе убийства, совершаются в условиях неочевидности, и уголовные дела возбуждаются не в отношении конкретного лица, а по факту совершения преступления. Во-вторых, В.Н. Карагодин – один из основоположников криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию– отмечал, что противодействие предварительному расследованию может начаться на стадии возбуждения уголовного дела, продолжаться на стадии предварительного расследования и в суде, где оно перерастает в противодействие правосудию, которое имеет еще более широкие цели и задачи[1].

С позиции предмета исследования мы рассматриваем посткриминальный суицид убийцы как способ противодействия расследованию убийства на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

С учетом этого наиболее полным представляется предложенное А.Ф. Волынским определение противодействия расследованию, как «…системы умышленных, противоправных действий (бездействия) лиц, направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по собиранию, исследованию и использованию розыскной и доказательственной информации в процессе возбуждения и расследования уголовного дела, а в итоге – на воспрепятствование правосудию»[2]. Однако оно нуждается в уточнении. Как справедливо отмечает Э.У. Бабаева, многие акты противодействия не являются противоправными, и тем более не относятся к преступной деятельности[3]. Таковым, например, является посткриминальный суицид. Именно поэтому в рамках данной работы под противодействием расследованию мы будем понимать систему умышленных действий (бездей-

---

[1] Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск, 1992. С. 13–14.
[2] Криминалистика / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 47.
[3] Бабаева Э.У. Указ. раб. С. 64.

ствия) лиц, направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по собиранию, исследованию и использованию розыскной и доказательственной информации в процессе возбуждения и расследования уголовного дела, а в итоге – на воспрепятствование правосудию.

Структура противодействия расследованию состоит из следующих элементов:

– субъект, оказывающий противодействие расследованию;

– цель, мотив противодействия расследованию;

– способ противодействия расследованию;

– объект противодействия расследованию;

– время, место, обстановка противодействия расследованию;

– результат оказанного противодействия[1].

Исходя из данной структуры раскроем характеристику посткриминального суицида (покушение на самоубийство) как способа противодействия расследованию убийств. Информация об указанных элементах противодействия расследованию позволяет получить представление о криминалистических особенностях посткриминального суицида, механизме его осуществления и выбрать наиболее эффективные методы его пресечения и предупреждения.

Субъектом посткриминального суицида выступает сам преступник. Характеризуя субъект противодействия, следует отметить, что на выбор способа противодействия влияет не только характер самого преступления и его последствия, но и психические свойства личности преступника[2].

Анализ материалов уголовных дел показал, что женщины-убийцы совершили посткриминальный суицид в 11 случаях (8 %), остальные субъекты – мужчины. 93 человека (70 %) ранее привлекались к уголовной ответственности, из них 78 человек (58 %) были осуждены за убийство, умышленное причинение вреда здоровью и хулиганство. По возрастному признаку лиди-

---

[1] Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. М., 2002. С. 153.
[2] Белкин Р.С. Курс криминалистики. 3-е изд., дополн. М., 2001. С. 774.

рует группа в возрасте до 32 лет (84 человека – 63 %), затем – от 33 до 50 лет (36 человек – 27 %). Уровень образования у мужчин и женщин, совершивших посткриминальный суицид, примерно одинаков. 121 человек (90 %) имел неполное среднее и среднее образование[1].

Цель осуществления противодействия путем посткриминального суицида (покушение на самоубийство) – это уклонение преступника от уголовной ответственности. Основным мотивом противодействия со стороны преступника, прибегнувшего к суициду (покушение на самоубийство), выступает боязнь уголовной ответственности, нежелание нести наказание в виде лишения свободы на длительный срок или пожизненно. Кроме того, нельзя исключать наличие таких мотивов, как боязнь позора, самоосуждение за неблаговидный поступок[2].

В качестве общего объекта противодействия расследованию выступают правоотношения, возникающие в процессе решения вопроса о возбуждении уголовного дела и его последующего расследования[3]. Как указывает И.В. Тишутина, «…непосредственный объект имеет место в ситуациях оказания противодействия только с использованием способов воздействия на криминалистически значимую информацию. Так, в ситуациях оказания противодействия посредством уклонения лица по собственной инициативе от контакта с правоохранительными органами непосредственный объект отсутствует»[4].

Способы осуществления посткриминального суицида (покушение на самоубийство) различны: самоповешание, самоутопление, самоубийство с помощью колющих и режущих предметов, лишение себя жизни путем использования огнестрельного оружия, ядовитых веществ, падение с высоты, самоподрыв путем ручных гранат или взрывчатых устройств, иные — самосожжение, использование силы движущегося транспорта и т.п. В суицидоло-

---

[1] Нами было проанализировано 134 уголовных дела об убийствах в 24 субъектах РФ.
[2] Белкин Р.С. Курс криминалистики. 3-е изд., дополн. М., 2001. С. 772.
[3] Тишутина И.В. Об общей характеристике противодействия расследованию // Вестник криминалистики. 2013. Вып. 1 (45). С. 26.
[4] Тишутина И.В. Указ. раб. С. 26.

гии разные авторы в зависимости от подхода различают от 8 до 16 возможных способов самоубийства, но «нет такого предмета, который бы нельзя было использовать как средство самоубийства»[1].

Важным элементом противодействия расследованию выступает время, место и обстановка его осуществления.

Фактор времени используется рядом ученых-криминалистов для построения классификации актов противодействия.

В.Н. Карагодин по отношению к расследованию предлагает выделять противодействие, оказываемое до начала расследования, в период его ведения и после его завершения. В свою очередь акты противодействия, осуществляемые до начала расследования, разделяются на выполняемые до проведения доследственной проверки и на стадии возбуждения уголовного дела. Противодействие же, оказываемое в период расследования, классифицируется на акты, совершаемые во время участия субъектов в производстве следственных действий и вне их рамок[2].

О.Л. Стулин по времени возникновения выделяет противодействие, совершенное в период: 1) до совершения преступления или непосредственно после; 2) латентности преступления; 3) от возбуждения уголовного дела до раскрытия преступления; 4) от раскрытия преступления до окончания следствия; 5) от окончания следствия до завершения судебного разбирательства[3].

Э.У. Бабаева предлагает многоуровневую классификацию видов противодействия уголовному преследованию. На первом уровне виды противодействия группируются с учетом деятельности по противодействию субъектов и выявления актов воспрепятствования на следующих стадиях: до возбуждения уголовного дела и начала уголовного судопроизводства; после возбуждения уголовного дела и начала уголовного судопроизводства; в досудебном, а затем в судебном производстве по уголовному делу.

---

[1] Трегубов Л.З., Вагин Ю.Р. Эстетика самоубийства. Пермь, 1993. С. 72–73.
[2] Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск, 1992. С. 31.
[3] Стулин О.Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 73–74.

До возбуждения уголовного дела деятельность по противодействию осуществляется преступником на стадии подготовки преступления и реализации преступного замысла, которая включает в себя несколько этапов: подготовка к совершению преступления (предкриминальная деятельность), совершения преступления (криминальная деятельность лиц), посткриминальная деятельность.

В стадии возбуждения уголовного дела противодействие уголовному преследованию осуществляется на двух этапах: один из них – выявление признаков преступления при проверке сообщения о преступлении; второй – осмотр места происшествия.

На стадии предварительного расследования следователь сталкивается с противодействием на первоначальном этапе расследования, после предъявления обвинения, по окончании предварительного расследования[1].

Таким образом, вышеизложенные классификации строятся с учетом этапов преступной деятельности и стадий уголовного судопроизводства.

Посткриминальный суицид (покушение на самоубийство) реализуется после совершения убийства, как до обнаружения признаков преступления, так и после обнаружения таковых. Рассматриваемый способ противодействия расследованию имеет место на стадии возбуждения уголовного дела, при этом правоохранительные органы сталкиваются, как правило, с посткриминальным суицидом; на стадии предварительного расследования и на стадии судебного разбирательства имеет место как посткриминальный суицид, так и покушение на самоубийство подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

Рассматривая классификации способов противодействия расследованию, С.В. Лаврухин называет способы исключения и затруднения расследования. К атипичным способам исключения расследования он, в частности, относит самоубийство подозреваемого вследствие душевной болезни, угрызений совести, либо в знак протеста против необоснованного обвинения[2]. По

---

[1] Бабаева Э.У. Указ. раб. С. 145–149.
[2] Раскрытие убийств: монография / под ред. С.В. Лаврухина. М, 2016. С. 86.

определению данного автора, «…противодействие расследованию – это подсистема активного и (или) пассивного конфликтного поведения (отдельное действие либо бездействие), направленного на исключение или затруднение расследования преступления»[1].

Место осуществления посткриминального суицида: на стадии возбуждения уголовного дела – место совершения преступления или иные места, где скрывается преступник, где его пытались задержать сотрудники правоохранительных органов; на стадии предварительного расследования – ИВС (изолятор временного содержания), СИЗО; любое иное место в ситуациях, когда к правонарушителю не применено заключение под стражу[2]; место производства следственного действия или иные места, если преступник не установлен, не задержан; на стадии судебного разбирательства – СИЗО, зал судебного заседания (покушение на самоубийство).

Таким образом, противодействие расследованию убийств в виде посткриминального суицида (покушения на самоубийство) преступника обладает рядом специфических особенностей, связанных с характеристикой субъекта, оказывающего противодействие, мотивом его поведения и целью, которые он преследует, временем, местом оказываемого противодействия.

Одним из основных способов противодействия расследованию является способ сокрытия преступления, который, в отличие от иных форм противодействия расследованию, изучается в криминалистике весьма продолжительное время.

Сокрытие преступления рассматривается рядом ученых как в рамках способа совершения преступления, так и вне его. По мнению Р.С. Белкина, при отсутствии единого преступного замысла, охватывающего все стадии преступной деятельности, способ сокрытия преступления существует самостоятельно[3]. Р.С. Белкин определял сокрытие преступления как

---

[1] Лаврухин С.В. Механизм поведения преступника. М., 2015. С. 242.

[2] Имеют место случаи, когда обвиняемый в убийстве, признававший вину и находящийся на свободе, прибегал к посткриминальному суициду до окончания предварительного расследования. – *Прим. авт.*

[3] Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 3. С. 359–360.

«…деятельность (элемент преступной деятельности), направленную на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и преступника и их носителей»[1].

Данный ученый предложил разделять по содержательной стороне способы сокрытия преступления на следующие группы: утаивание, уничтожение, маскировка, фальсификация информации и (или) ее носителей, а также смешанные способы (инсценировка)[2].

Раскрывая содержание такой группы способов, как *уничтожение*, Р.С. Белкин отмечает: «Эти способы сокрытия преступления можно подразделить в зависимости от их направленности на уничтожение следов преступления либо следов преступника. При этом имеется в виду уничтожение как самой доказательственной информации, так и ее носителей. Уничтожение может быть полным и частичным»[3]. В.А. Овечкин, рассматривая способы сокрытия преступлений, называл «…уничтожение материальных, а в некоторых случаях и идеальных (люди) источников информации о преступлении»[4].

Вышеизложенное позволяет утверждать, что посткриминальный суицид является одним из способов сокрытия преступления, входящих в группу *уничтожение*. Преступник, как носитель доказательственной информации, после совершения убийства лишает себя жизни с целью уклонения от уголовной ответственности или по иным причинам.

Следует отметить, что суицид, как таковой, может входить в способ совершения преступления и охватывать действия как по совершению, так и по сокрытию преступления. Например, в случае осуществления террористического акта террористом-смертником. Данная разновидность криминального суицида нами всесторонне не изучалась, хотя было установлено, что по РФ ежегодное число лиц, совершающих преступления террористического характера, прибегающих к суициду в процессе их задержания, составляет более 30

---

[1] Там же. С. 364.
[2] Там же. С. 366.
[3] Там же. С. 366–367.
[4] Овечкин В.А. Общие положения методики расследования преступлений, скрытых инсценировками. Харьков, 1975. С. 7.

человек[1]. В.А. Соснин определяет суицидальный терроризм как «…политически, религиозно и/или идеологическую атаку, осуществляемую одним или несколькими индивидами, которые сознательно отказываются от своей жизни ради нанесения максимального ущерба гражданам и/или гражданским объектам»[2].

В деятельности органов предварительного расследования данные об оказываемом противодействии могут использоваться для его распознавания и преодоления. По мнению В.Н. Карагодина, под распознаванием следует понимать выявление реализованных актов противодействия. Преодоление противодействия он определяет как деятельность, направленную на разоблачение субъекта противодействия и установление объективной истины по делу[3].

Э.У. Бабаева рассматривает преодоление противодействия уголовному преследованию как целостную интегративную систему действий лиц, осуществляющих уголовное преследование на различных стадиях досудебного производства. Эта деятельность состоит из совокупности следующих функций: распознавание, которое направлено на выявление ранних признаков противодействия; пресечения противодействия; устранения противодействия уголовному преследованию или его нейтрализации.

Распознавание заключается в выявлении и обнаружении признаков, по совокупности которых в действиях определенных лиц устанавливается сам факт оказания противодействия расследованию. Только после распознавания возможно применение мер по пресечению, устранению либо нейтрализации противодействия.

---

[1] Ардашев Р.Г. О некоторых криминалистических аспектах суицида лиц, совершающих преступления террористического характера // Закон и право. 2012. № 9. С. 93–94; Ардашев Р.Г. Проблемные вопросы назначения судебно-психологической экспертизы по делам террористов-смертников // Современное состояние и проблемы уголовного и уголовно-процессуального права, юридической психологии. Волгоград, 2012. С. 508–512.

[2] Соснин В.А. Психология суицидального терроризма в XXI веке: исторические параллели и современные геополитические тенденции // Психологический журнал. 2011. т. 32. № 4. С. 31.

[3] Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск, 1992. С. 79.

Под пресечением понимается деятельность лиц, осуществляющих уголовное преследование, направленная на прекращение выявленного противодействия.

Нейтрализация противодействия расследованию – блокирование (обезвреживание) действий субъектов противодействия[1].

Посткриминальный суицид является специфическим видом противодействия расследованию преступлений, о преодолении которого говорить не приходиться. Возможно пресечь попытку суицида подозреваемого (обвиняемого) в убийстве случайно, либо в ходе профилактики суицида у таких лиц.

Именно поэтому, на наш взгляд, необходимо говорить о предупреждении противодействия расследованию в виде посткриминального суицида и разрабатывать соответствующие меры. Д.А. Корецкий справедливо отмечает, что в механизме противодействия преступности отсутствует наступательность, работа «на опережение»[2].

Изучение научных работ показало, что разработке мер по предупреждению противодействия расследованию уделяется недостаточное внимание. Если термин «предупреждение противодействия расследованию» употребляется авторами, то его содержание обычно не раскрывается.

Только в кандидатской диссертации А.А. Хараева предупреждение противодействия определяется как «…деятельность по прогнозированию возможного поведения противодействующих субъектов и принятию опережающих мер, направленных на создание условий, в которых противодействие не может быть реализовано или не принесет желаемых результатов»[3].

Указанное определение касается следственных ситуаций, при которых суицид правонарушителя не учитывается в качестве способа противодействия расследованию. Так, в кандидатской диссертации Е.Ю. Фроловой к мерам предупреждения противодействия расследованию относятся: заключение

---

[1] Бабаева Э.У. Указ. раб. С. 73–74.
[2] Корецкий Д. Идеологические проблемы борьбы с преступностью // Законность. 2004. № 5. С. 5-6.
[3] Хараев А.А. Преодоление противодействия расследованию преступлений против собственности: дис. … канд. юрид. наук. Нальчик, 2005. С. 117.

подозреваемых и обвиняемых под стражу; своевременное проведение первоначальных следственных действий; обеспечение охраны заявителей и членов их семей[1]. Нетрудно убедиться, что данные рекомендации неприменимы к теме нашего исследования. Еще в XIX в. И.П. Лебедев отмечал, что предупредить покушение на самоубийство часто бывает невозможно[2]. А.Н. Жардецкий также пишет, что «…остается неясным, существуют ли в судебно-следственной ситуации критические этапы с достоверно высоким риском суицида»[3]. Посткриминальный суицид убийц возможен на различных стадиях расследования преступлений[4].

Как справедливо указывает В.А. Комлев, основным содержанием общего направления профилактической работы по недопущению аутоагрессии (суицида) в исправительных учреждениях является «…ослабление и устранение социальных и социально-психологических причин и условий, способствующих формированию и проявлению суицидального поведения осужденных и подследственных, формированию суицидальной обстановки в следственных изоляторах и колониях»[5]. Работа по предупреждению суицида должна проводиться в неразрывной связи с воспитательной, режимной и медицинской службами названных учреждений, включая в себя три этапа: 1) диагностику (выявление биографических факторов и личностных качеств подследственного и осужденного, способствующих совершению суицида); 2) контроль за взаимоотношениями с социальной средой и психоэмоциональным состоянием субъекта; 3) работу по предупреждению аутоагрессии в течение всего периода нахождения субъекта в учреждении ФСИН[6].

---

[1] Фролова Е.Ю. Методика расследования коррупционной деятельности в правоохранительных и судебных органах: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 142–143.
[2] Лебедев И.П. О самоубийстве в нормальном и болезненном состоянии. СПб., 1888. С. 35.
[3] Жардецкий А.Н. Аутоагрессивное поведение обвиняемых (типология, судебно-психиатрическая оценка, прогноз): дис. … канд. медиц. наук. М., 2003. С. 6.
[4] Ардашев Р.Г., Китаев Н.Н. Классификация посткриминального суицида серийных убийц // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 2. С. 35–39.
[5] Комлев В.А. Прогнозирование аутоагрессивного поведения осужденных в исправительных учреждениях: дис. … канд. психол. наук. СПб., 2010. С. 140.
[6] Комлев В.А. Указ. раб. С. 140-141.

Диагностика, указанная в п. 1, помогает осуществлять прогноз индивидуального поведения обвиняемого, в том числе суицидального, что является основанием для применения предупредительных мер[1].

Согласно исследованиям А.Н. Жардецкого, реализация комплекса мероприятий по предупреждению аутоагрессивного поведения в условиях судебно-следственной ситуации во многом затруднена не только в силу специфики учреждений, в которых содержатся арестованные обвиняемые, но также из-за недостаточной материально-технической и медицинской базы[2]. Он выделяет следующие факторы, которые затрудняют как диагностику, так и профилактику суицидального поведения обвиняемого после его заключения под стражу: дефицит информации о подследственных, особенно на первоначальном этапе расследования; неосведомленность лиц, осуществляющих задержание, о достаточно высокой вероятности совершения актов аутоагрессии в первые часы-сутки после ареста; отсутствие в отделении полиции, изоляторе временного содержания специалистов, способных выявить лиц с повышенным риском совершения аутоагрессивных действий; отсутствие баз данных для выявления лиц, совершавших аутоагрессивные действия в прошлом; камерный режим содержания, скученность арестованных, отсутствие технических средств наблюдения и недостаточные меры контроля поведения задержанных; ограниченные возможности надзора за поведением таких лиц в ночное время; традиционно существующее в тюрьмах нежелание сокамерников «вмешиваться» в личные переживания соседей по камере и сообщать об их суицидальных намерениях администрации учреждений, а также предотвращать своими действиями подготовку и совершение аутоагрессивных действий; недостаточное взаимодействие следователей с врачами и сотрудника-

---

[1] Антонян Ю.М. Изучение индивидуального поведения в целях предупреждения преступлений // Соц. законность. 1977. № 6. С. 66–68.

[2] Жардецкий А.Н. Аутоагрессивное поведение обвиняемых (типология, судебно-психиатрическая оценка, прогноз): дис. … канд. мед. наук. М., 2003. С. 127.

ми пенитенциарной системы в предупреждении и профилактике аутоагрессивных действий, отсутствие методологии подобного сотрудничества и т.п[1].

Для профилактики суицидальных актов подозреваемых, обвиняемых в убийстве, заключенных под стражу, необходимо сотрудничество следователя с представителями ФСИН РФ. При этом следователь должен своевременно предоставлять работникам следственных изоляторов ставшую ему известной информацию по особенностям личности арестованных, требуя принятия немедленных надлежащих мер с целью недопущения ситуации аутоагрессии со стороны обвиняемых[2]. Надо учитывать, что медицинские подразделения учреждений уголовно-исполнительной системы и психологические службы учреждений УИС обязаны постоянно выявлять попытки суицида и правонарушений в среде подозреваемых, обвиняемых и осужденных, осуществляя профилактику и пресечение данных действий[3].

Посткриминальный суицид как улика поведения

В последние 15 лет в России по теме, посвященной различным аспектам расследования преступлений против жизни, защищен ряд докторских и кандидатских диссертаций. Вместе с тем в данных работах не нашло места изучение посткриминального суицида как своеобразного «индикатора» убийств, совершенных ранее, когда самоубийство выступает в качестве улики поведения.

Разные авторы неоднозначно относятся к определению и роли улик поведения в изобличении виновного лица. Например, М.М. Гродзинский называл таковыми «…действия обвиняемого, направленные на сокрытие истины…с целью избежать ответственности за совершенное им преступление»[4]. М.С. Строгович относил к ним «…поведение обвиняемого после совершения

---

[1] Жардецкий А.Н. Указ. раб. С. 127–129.

[2] О выявлении следователем информации, касающейся склонности обвиняемого к суициду, говорится в параграфе, посвященном особенностям допроса (вторая глава настоящей работы). – *Прим. авт.*

[3] Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы: утв. Приказом Министра юстиции РФ № 72 от 20 мая 2013 г. // Российская газета. 2013. 5 июня.

[4] Гродзинский М.М. Улики в советском уголовном процессе // Ученые записки ВИЮН. Вып.VII. М., 1945. С. 111.

преступления, обусловленное фактом совершения им преступления»[1]. По мнению А.И. Винберга, Г.М. Миньковского и Р.Д. Рахунова, к уликам поведения относятся: заведомая ложность показаний, фальсификация доказательств; данные, свидетельствующие о знании обвиняемым определенных обстоятельств расследуемого события; данные о том, что обвиняемый при обыске отказался добровольно выдать отыскиваемую вещь, заявив заведомо ложно, что у него ее нет; данные о том, что обвиняемый преднамеренно уклоняется от явки к следователю или в суд[2].

Н.Т. Ведерников в свое время отмечал, что при уликах поведения психологическая сторона поведения обвиняемого обусловливается, с одной стороны, «естественным» стремлением виновного избежать разоблачения и наказания, с другой – неосознанным проявлением своей причастности к преступлению при видимом желании скрыть ее (причастность)[3].

Г.Н. Мудьюгин выделял следующие виды таких улик: 1) поведение, направленное на уклонение от грозящего наказания; 2) проявление обвиняемым виновной осведомленности; 3) поведение, косвенно свидетельствующее о признании обвиняемым своей вины[4]. Позднее этот автор расширил данный перечень[5]. А.И. Ковалев дает слишком неопределенное понятие улик поведения, рассматривая их как «…поступки (действия, бездействие), не входящие в объективную сторону состава преступления, совершенные до, во время и после преступления, обусловленные им, и потому способные выступать в качестве косвенных доказательств»[6]. В своей диссертационной работе А.И. Ковалев выделяет 5 групп улик поведения: по времени совершения; в зависимости от процессуального положения лиц (субъектов поведения); в за-

---

[1] Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 373.
[2] Винберг А.И., Миньковский Г.М., Рахунов Р.Д. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1956. С. 58–59.
[3] Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Томск, 1978. С. 59.
[4] Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1962. С. 14–15.
[5] Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками. М., 1973. С. 134–136.
[6] Ковалев А.И. Роль улик поведения в планировании расследования убийств // Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений. Свердловск, 1980. С. 72.

висимости от цели; по смысловому содержанию и в зависимости от характера проявления[1]. В.К. Лисиченко и А.С. Зеленковский, считая улики поведения разновидностью негативных обстоятельств, определяют их как «…самые различные проявления диссимуляции, которая может выражаться как в форме противоречивых, иногда с существенными пробелами объясненных обстоятельств события и действий его участников, так и иных не контролируемых волей проявлениях повышенной внутренней психической активности и эмоциональной напряженности, обусловленных предметом допроса или содержанием вопросов»[2]. Известны и другие определения улик поведения[3]. Так, Н.И. Малыхина относит к последним «…действия (бездействия) и высказывания лиц, события, факты, по которым можно установить причинную связь между лицом и совершенным преступлением»[4]. Последнее определение, представляется, наиболее точным.

Анализ трудов отечественных и зарубежных авторов показывает, что улики поведения с древности служили важным средством изобличения виновных в убийстве, по данной категории дел они встречаются гораздо чаще, чем в других преступлениях[5]. А.И. Ковалев объясняет это тем, что убийцы чаще других преступников прибегают к уничтожению или фальсификации изобличающих их доказательств, симулируют психическое заболевание, стараются подкупить свидетелей и представителей потерпевших – с целью уйти от ответственности[6].

Известно, что «…человек, скрывающий свои намерения, вынужден внимательно следить не только за тем, что он хочет сказать, но и за тем, что

---

[1] Ковалев А.И. Улики поведения и их роль в расследовании преступления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. С. 11.

[2] Лисиченко В.К., Зеленковский А.С. О понятии негативных обстоятельств и механизме их возникновения // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 39. Киев, 1989. С. 7.

[3] Чегодаева С.С. Криминалистическое исследование улик поведения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. С. 9.

[4] Малыхина Н.И. Криминалистические методы и средства установления лица, совершившего преступление: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 22.

[5] Ковалев А.И. Улики поведения (исторический обзор) // Развитие советского права: доклады конференции правоведов. Свердловск, 1972. С. 46; Шнейкерт Г. Тайна преступника и пути к ее раскрытию. М., 1925. С. 7-10, 18–24.

[6] Ковалев А.И. Роль улик поведения в планировании расследования убийств // Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений. Свердловск, 1980. С. 72–74.

он не хочет сказать своему собеседнику»[1]. Несмотря на эту психологическую закономерность варианта человеческого поведения, криминалисты давно отметили особое напряженное состояние психики убийц, боящихся разоблачения, что вызывает «неодолимую потребность говорить о своем деянии»[2], и этим объясняются «проговорки» преступников, обнаруживающие их виновную осведомленность, «…то есть такие знания обстоятельств и хода расследуемого события, которыми допрашиваемый может располагать только при условии причастности к преступлению»[3]. В.К. Лисиченко и А.С. Зеленковский указывают, что подобные улики поведения, обусловленные неоднозначными причинами, имеют психофизиологическую природу, и «…сущность этих, не контролируемых волей внешних проявления, в судебной психологии не изучена»[4].

В контексте изложенного представляется важным показать проблему выявления «улик поведения» при расследовании убийств, сопряженных с суицидом правонарушителя.

Можно констатировать, что в российской юриспруденции названная тема остается неизученной. Так, в диссертации А.И. Ковалева указана эмпирическая база более 950 уголовных дел[5], в диссертации С.С. Чегодаевой – 548 уголовных дел[6], однако по результатам анализа этого впечатляющего информационного массива нет никаких упоминаний о самоубийстве лиц, обусловленным совершением преступлений против жизни. В диссертации Н.И. Малыхиной приведена классификация улик поведения, по которым возможно провести поиск неизвестного преступника, где в шестой группе признаков говорится, в частности, о действиях лица, направленных на противодействие расследованию, но посткриминальный суицид правонарушителя

---

[1] Мелибруда Е. Я–Ты–Мы. Психологические возможности улучшения общения. М., 1986. С. 51.
[2] Гельвиг А. Современная криминалистика. М., 1925. С. 51.
[3] Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 209.
[4] Лисиченко В.К., Зеленковский А.С. О понятии негативных обстоятельств и механизме их возникновения // // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 39. Киев, 1989. С. 7.
[5] Ковалев А.И. Улики поведения и их роль в расследовании преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. С. 5.
[6] Чегодаева С.С. Криминалистическое исследование улик поведения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. С. 5.

здесь не указан[1]. Нет такого указания также в работе Н.А. Селиванова и Л.Г. Видонова, где говорится об уликах поведения при выдвижении типовых версий по делам об убийствах[2].

Анализ практической деятельности сотрудников следственного комитета РФ и полиции в разных регионах показывает, что подавляющее число суицидальных актов убийц совершается в условиях достаточной очевидности, на бытовой почве, в состоянии алкогольного опьянения, аффективно. Такими случаями выступает суицид лиц, совершивших на почве ссоры, ревности, мести убийство родных, знакомых или третьих лиц. Трупы самоубийц при этом, как правило, находятся вблизи своих жертв. Подавляющее большинство таких случаев в общей массе изученных актов суицида отмечали отечественные и зарубежные исследователи еще в XIX в[3].

Гораздо сложнее устанавливать обстоятельства совершенного преступления, когда на месте происшествия имеются только тела потерпевших – при отсутствии информации о подозреваемом и обстоятельствах случившегося[4].

Так, в Ростовской области на поле, в районе хуторов В. Ерохин и Плешаков Каменского района 11 декабря 2007 г. обнаружили два трупа местных жителей с огнестрельными ранениями головы и живота. Обстоятельства происшедшего были неясны, пока не поступила информация, что через несколько часов после выявления данного преступления в соседнем пос. Глубокий «безмотивно» застрелился из охотничьего ружья у себя дома пенсионер Ш. Судебно-баллистическая экспертиза установила, что из этого оружия были убиты и потерпевшие в поле. При расследовании выяснили, что покойные длительное время отказывались вернуть Ш. крупный денежный долг[5].

В данном случае сам факт суицида, безусловно, выступает уликой поведения.

---

[1] Малыхина Н.И. Криминалистические методы и средства установления лица, совершившего преступление: автореф. дис. … канд. юрид наук. Саратов, 2007. С. 22–23.

[2] Селиванов Н.А., Видонов Л.Г. Типовые версии по делам об убийствах: справочное пособие. Горький, 1981. С. 14.

[3] Ольхин П. Последние дни самоубийц. СПб., 1863. С. 362.

[4] Федоров Ю.Д. Выдвижение и проверка версий в ходе осмотра места происшествия при раскрытии убийств убийств // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Сб. 2. Душанбе, 1962. С. 122–124; Франк Л.В., Ин Н.А. О самоубийстве и его предупреждении (опыт конкретно-социологического микроисследования) // Вопросы криминалистики и криминологии. Душанбе, 1968. С. 63.

[5] Архив Каменского межрайонного СО СУ СК РФ по Ростовской области, 2008. Уголовное дело № 2007227676.

К суициду убийцы могут прибегнуть и через долгое время после совершения преступления.

Так, в частном доме г. Хабаровска были убиты из огнестрельного оружия 5 человек, трупы которых увезены за город и сожжены. В процессе оперативно-розыскных мероприятий была получена информация о четырех подозреваемых, которых задерживали поэтапно. В то же время в Хабаровске покончили с собой Т. и К. При расследовании выяснилось, что последние тоже входили в банду, совершившую названное преступление, а к суициду прибегли лишь после начала ареста их сообщников. Указанная улика поведения нашла отражение в приговоре суда над оставшимися в живых бандитами (листы 6–9, 75 приговора от 20 августа 1996 г.)[1].

Изложенное позволяет прийти к выводу, что самоубийство является уликой поведения в тех случаях, когда можно установить причинную связь между фактом данного суицида и убийством, совершенным этим лицом ранее в условиях неочевидности.

[1] Архив Хабаровского краевого суда, 1996. Уголовное дело № 2-114-96.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ, ОСЛОЖНЕННЫХ СУИЦИДОМ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ.

2.1. **Исторический анализ проблем расследования убийств, осложненных суицидом виновных лиц**

Разработка эффективных рекомендаций по расследованию убийств, сопряженных с суицидом убийцы, невозможна без исследования проблем, с которыми сталкивались правоохранительные органы разных государств в разные периоды при расследовании данной категории уголовных дел.

В правовых актах государств Древнего мира (Египет, Китай, Индия, Междуречье и др.) уже несколько тысяч лет назад были упомянуты различные виды преступлений (кражи, изнасилования, грабежи, убийства, причинение увечий и т.п.). «Основы деятельности по расследованию преступлений таятся в глубокой древности, в той, где таится первое из наиболее «знаковых» преступлений на земле – убийство Авеля»[1]. Вполне естественно, что у некоторой части государственных чиновников появились специфические функции раскрытия и расследования данных преступлений[2], что требовало специальных знаний. Последние формировались постепенно, в ходе многолетней правоприменительной и практической деятельности, которую сейчас называют судебной, криминалистической и экспертной.

По утверждению Р.С. Белкина, «…это были чисто эмпирические рекомендации и установления, основанные на житейском опыте и используемые в рамках существовавших процессуальных процедур обычного или писанного права»[3]. Однако нужно признать, что в те далекие эпохи существовали сведующие лица (в основном – медики), специальные знания которых играли важнейшую роль при раскрытии и расследовании преступлений[4].

---

[1] Баев О.Я. Основы криминалистики: Курс лекций. М., 2001. С. 10.
[2] Возгрин И.А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. СПб., 2003. С. 14.
[3] Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М., 1999. С. 1.
[4] Авакян Н.М., Макарян Е.А., Торосян А.С. Очерки истории судебной медицины Армении. Ереван, 1970; Миронов А.И. Судебная медицина древнего Китая // Судебно-медицинская экспертиза. 1961. № 3. С. 44–48; Черваков В.Ф. Вопросы судебной медицины и экспертизы в трудах Амбруаза Паре // Сборник трудов бюро

Борьба с преступностью с древних времен также являлась частью государственной политики, но приемы изобличения виновных лиц очень скудно упоминаются в дошедших до нас письменных источниках. Разумеется, не стоит искать в формах использования специальных знаний в древности прямых аналогий с современностью, это было бы неверно.

В контексте сказанного несомненный интерес представляют медико-криминалистические аспекты расследования убийств и суицида в эпохи древнего мира и средневековья. Так, есть документальные основания утверждать, что еще в XII веке в Армении производилось вскрытие трупов людей, казненных через повешение, а медики располагали проверенным эмпирическим материалом, позволяющим выявлять смерть от удушения[1]. Судебники средневековой Армении допускали, что в ходе расследования причин самоубийств может быть обнаружен иной состав преступления[2]. Речь идет в первую очередь о выявлении убийств, замаскированных инсценировками суицида[3]. В целом же вопросы расследования убийств и суицида в Армении той поры «…поднялись до уровня научно-обоснованных знаний»[4]. Вполне понятно, что освещение подобных вопросов не могло быть самоцелью, а необходимость в них возникла благодаря практическим требованиям юриспруденции.

В древних литературных источниках содержатся ссылки на факты криминальных инсценировок. Так, об инсценировке гибели человека при отсутствии его тела повествуется еще в Ветхом Завете. Иосиф – одиннадцатый сын патриарха Иакова, вызвавший ненависть своих братьев, был продан ими в рабство проезжим купцам. Для правдоподобного объяснения исчезновения юноши его братья «…взяли одежду Иосифа и закололи козла, и вымарали одежду кровью, и послали разноцветную одежду, и доставили к отцу своему,

---

Главной судебно-медицинской экспертизы и кафедры судебной медицины Ереванского мединститута. Ереван, 1956. С. 36–48.

[1] Авакян Н.М., Макарян Е.А., Торосян А.С. Указ. раб. С. 86–87.

[2] Там же. С. 87.

[3] Там же. С. 55–59, 77.

[4] Там же. С. 91.

и сказали: мы это нашли; посмотри, сына ли твоего эта одежда или нет» (Бытие. 37: 31–32). Когда Иаков увидел знакомую одежду, запятнанную кровью, он подумал, что Иосифа разорвали хищные звери[1].

В правовом документе Древней Индии «Законах Ману» говорится о поиске в ходе судопроизводства: истины, свидетелей, места, времени и обстоятельств преступления[2]. Здесь особый интерес для исследователей представляет древнеиндийский трактат «Артхашастра», который является сводом специальных знаний в сфере раскрытия и расследования преступлений, как составной части государственного управления. Так, при расследовании убийств «…следует подвергнуть допросу лиц, имеющих близость к убитому, было ли совершено убийство по поручению, разбойниками с целью грабежа…»; «…рассмотрев найденные на теле несчастного: предмет, употреблявшийся им, принадлежности (дорожные), одежду, особые принадлежности одеяния или украшения – надлежит подвергнуть допросу лиц, имевших дело с убитым, относительно его связей, жилища, причин пребывания (в данном месте), рода занятий и дел, и, в соответствии с этим, наводить следствие»[3].

В разделе 82 «Артхашастры» говорится об исследовании трупа для выявления признаков насильственной смерти: «Если у трупа плотно закрыты глаза и зажат задний проход, если язык прикушен и вздут живот, то следует заключить, что он нашел смерть в воде»; «Если труп забрызган кровью, если члены тела надломаны, то следует видеть в этом смерть от ударов палками или плетьми»; «Если было извержение мочи и кала, если полость живота вздута, если ноги и руки являются распухшими, если глаза открыты и если имеются следы на шее, то следует знать, что данный человек был удушен путем задержки дыхания»; «Если у трупа руки, ноги, зубы и ногти темного цвета, если мясо, волосы и кожа его дряблы и если рот в пене, то следует знать, что он был отравлен»; «На основании указанных признаков следует заключить, что данное лицо было убито одним из вышеуказанных способов или же

---

[1] Большой путеводитель по Библии. М. 1993. С. 220–221.
[2] Законы Ману. М., 1960. С. 147–184.
[3] Артхашастра или Наука политики. М.-Л., 1959. С. 237.

что (убийца), лишив его жизни, из страха перед наказанием повесил его или перерезал ему горло (чтобы придать делу вид самоубийства)»[1]. Последняя фраза свидетельствует о том, что убийство, замаскированное инсценировкой суицида, имело в Древней Индии весьма широкое распространение.

О разоблачении подобных инсценировок самоубийства с помощью специальных знаний говорится и во второй книге средневекового китайского трактата «Си юань лу» («Как смыть несправедливость»), составленного в середине 13 века. Эта книга посвящена различным видам смерти и определению причин ее по повреждениям и другим признакам. В разделе «Убийство» говорится о самоубийствах и саморанениях, о симуляции самоповешения после удушения и избиения, об утоплении, об ожогах пламенем и жидкостью[2]. Исследователи отмечают, что в период династии Сун в Китае (960–1279 гг. н. э.) были созданы два медико-криминалистических трактата, предшествующие «Си юань лу» – «Нэй су лу» («Записки о помиловании»), «Пин юань лу» («Установление невиновности»), которые в дальнейшем были введены в правоприменительную деятельность в качестве обязательных правил. В период с 1241 г. по 1248 г. председатель уголовного суда Сун Ху-фу (он же Сун-цы) собрал все правила и сведения, относящиеся к применению медицины в расследовании преступлений, отредактировал их, добавив свои материалы, издал единый сборник «Си юань ди лу» (Буквальный перевод «Смывание несправедливой обиды», или «Снятие ложного обвинения»). Вначале сборник состоял из двух книг, но позднее он дополнялся много раз и его объем вырос до шести томов[3]. Эта замечательная работа имела важнейшее значение для последующего развития судебной медицины и криминалистики не только в Китае, но также в Корее и Японии, намного опередив по времени европейские исследования по данным отраслям знаний.

---

[1] Артхашастра или Наука политики. М.-Л., 1959. С. 238 –239.
[2] Миронов А.И. Судебная медицина Древнего Китая // Судебно-медицинская экспертиза. 1961. № 3. С. 45, 47.
[3] Миронов А.И. Указ. раб. С. 44–48.

В специальной работе, посвященной истории самоубийства, П.Ф. Булацель приводит массу примеров из истории Древнего мира и Средневековья, когда лица, совершившие преступления, прибегали к посткриминальному суициду. Так, во II-м веке в Риме получили распространение случаи, когда люди, обвиняемые в преступлении, влекущем за собою в случае его доказанности, конфискацию имущества, стали предупреждать судебное разбирательство суицидом. С целью пресечения подобных прецедентов император Адриан (117–138 гг.) и император Антонин (138–161 гг.) издавали декреты, в силу которых самоубийц предписывалось лишать погребения, имущество их конфисковать, а родственникам их запрещалось носить по ним публичный траур. Если преступнику, заключенному в темницу, удавалось лишить себя жизни, то тюремщика за это строго наказывали[1]. Вследствие этих декретов «…количество самоубийц среди обвиняемых значительно уменьшилось»[2].

В средневековой Европе светское законодательство очень строго преследовало суицид (самоубийц лишали погребения, совершали обряды публичного глумления над их телами и т.п.). Аналогично поступали с трупами самоубийц в Древней Индии (если суицид совершался по «недостойным» мотивам)[3], но «…если человек сам повесился, то надлежит навести справки, не был ли (погибший) несправедливо обижен»[4]. Средневековые нормандские законы различали самоубийство преступников, как способ избежать заслуженного наказания, от самоубийства, совершенного под влиянием болезни или тяжелого горя. В первом случае имущество самоубийцы подвергалось конфискации, а во втором случае – суицид оставался без правовых санкций[5].

О посткриминальном суициде сообщалось в Энциклопедии, выходившей под редакцией Дидро (Том 15 за 1765 г., стр. 639), когда «…боязнь нака-

---

[1] Булацель П.Ф. Самоубийство с древнейших времен до наших дней. Исторический очерк философских воззрений и законодательств о самоубийстве. СПб., 1900. С. 50–51.
[2] Ольхин П. Последние дни самоубийц. СПб., 1863. С. 305.
[3] Артхашастра или Наука политики. М.-Л., 1959. С. 240.
[4] Артхашастра или Наука политики. М.-Л., 1959. С. 239.
[5] Булацель П.Ф. Указ. раб. С. 65.

зания и позора часто приводят людей к самоубийству,…то не следует забывать, что оно часто бывает вызвано предосудительным поведением, за которое на самоубийце лежит ответственность»[1]. В XVIII столетии в странах Европы законодательство еще продолжало смотреть на суицид как на преступление. Так, кодекс австрийского императора Иосифа II (1787 г.) в главе IV предусматривал: если самоубийца избежал наказание за совершенное ранее преступление, то его имя с названием того преступления должно быть вывешено на площади возле виселицы и повсеместно объявлено. Аналогичную норму содержал и Уголовный австрийский кодекс от 3 сентября 1803 г. (ч. 1 параграфа 203)[2].

Указанные законы свидетельствуют о том, что посткриминальный суицид преступников (в том числе, убийц) – представлял собой весьма распространенное явление. П.Ф. Булацель, изучивший ряд работ европейских исследователей XIX в., утверждал, что «…самоубийство особенно свойственно преступникам против личности»[3].

В старых работах специалистов по криминологии, уголовному праву, криминалистике нам не встретились исследования, посвященные такой форме посткриминального поведения, как суицид лиц, совершивших убийство. Так, в библиографическом указателе литературы по криминалистике М.Н. Гернета, включающем 1321 опубликованную работу за XIX в. и первую треть XX в., источников на указанную тему нет[4].

Между тем только в журнале «Вестник полиции», издававшемся в нашей стране в период 1907–1916 гг., можно обнаружить ежемесячные хроникальные сообщения о фактах убийств, сопряженных с суицидом виновных лиц. Аналогичные сведения публиковались в таких дореволюционных периодических изданиях, как «Жизнь и суд», «Судебное обозрение», «Судебный

---

[1] Булацель П.Ф. Указ. раб. С. 106–107.
[2] Булацель П.Ф. С. 130–131.
[3] Булацель П.Ф. Указ. раб. С. 178.
[4] Гернет М.Н. Систематический библиографический указатель литературы по криминалистике. Минск, 1936. – 62 с.

вестник», «Юридическая газета», «Право», «Судебные драмы», «Народный законовед» и др.

В дореволюционной России убийства, сопровождаемые посткриминальным суицидом, можно условно разделить: а) на совершенные на религиозной почве; б) совершенные по иным основаниям. Религиозные мотивы названных деяний декларировались виновными лицами достаточно широко, а сами правонарушители совершали умерщвление близких лиц и последователей, в основном, с ведома потерпевших, после чего прибегали к суициду (самосожжение, утопление, закапывание живьем в землю и т.п.). Расследование подобных изуверских деяний, как правило, не вызывало особых трудностей ввиду явной очевидности событий[1]. Известный русский ученый-психиатр И.А. Сикорский видел в подобных эпидемиях убийств и суицида религиозно-психическую основу: «В самоистреблениях мы встречаемся не просто с историческими или бытовыми явлениями, но в известной степени с явлениями патологическими, относящимися к разряду так называемых психических эпидемий…Бред помешанных, галлюцинации алкоголиков гораздо менее подлежат изменяющему действию времени и обстоятельств и остаются в течение веков шаблонными и стереотипными»[2].

С учетом специфики исследуемой темы, в зависимости от времени совершения, посткриминальный суицид убийц в дореволюционной России можно классифицировать следующим образом:

1. Посткриминальный суицид убийц, которые не задерживались правоохранительными органами. Так, 18 сентября 1873 г. в Санкт-Петербурге Тимофей Комаров, имевший степень кандидата права, убил выстрелом из револьвера Анну Суворину, в которую был безнадежно влюблен, после чего застрелился сам. Поскольку потерпевшая являлась женой известного журналиста А.С. Суворина, это уголовное дело получило широкую огласку в сред-

---

[1] Сапожников Д.И. Самосожжения в русском расколе (со второй половины XVII века до конца XVIII), СПб., 1891; Пругавин А.С. Религиозные отщепенцы. Очерки современного сектанства. М., 1906. Пругавин А.С. Бунт против природы (О хлыстах и хлыстовщине). М., 1917; Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектанством. М., 1906.

[2] Сикорский И.А. Эпидемические вольные смерти и смертоубийства в Терновских хуторах. Киев, 1897. С.83.

ствах массовой информации[1]. А вообще российские газеты начали печатать сообщения о самоубийствах с конца 30-х годов XIX века[2].

2. Суицид убийц при их задержании сотрудниками полиции или иными лицами. Как правило, такое задержание происходило «по горячим следам», в ходе преследования преступников, или же в результате спланированной операции, когда виновный находился в объявленном розыске[3]. К этой же группе надлежит отнести и случаи покушения на убийство с последующим суицидом[4].

3. Посткриминальный суицид убийц на стадии предварительного расследования после заключения их под стражу[5]. О подобных случаях неоднократно сообщалось в журнале «Тюремный вестник»[6]. Начальник Главного Тюремного Управления Российской империи П.К. Гран 24 апреля 1914 г. подписал Циркулярное отношение № 24, направленное на имя губернаторов, начальников областей и градоначальников, «О порядке дознания о происшедших в местах заключения случаях самоубийств или скоропостижной смерти». В данном документе чинам тюремной администрации предписывалось при самоубийствах или скоропостижной смерти заключенного «…немедленно, доведя о случившемся до сведения прокурорского надзора, производить обстоятельное об этом происшествии дознание, неуклонно подвергая трупы умерших арестантов тщательному медицинскому освидетельствованию через тюремного или полицейского врача, а в сколько-нибудь сомнительных случаях – и вскрытию»[7].

4. Суицид убийц после вынесения им обвинительного приговора. Характерный случай имел место 28 февраля 1908 г. в Орловской губернской

---

[1] Е.К. Гласные драмы интимной жизни // Неделя. 1873. № 39. С. 1415; Онгирский Б. Статистические итоги самоубийств // Дело. 1873. № 11. С. 1.
[2] Паперно И.Б. Самоубийство как культурный институт. М., 1999. С. 99.
[3] Вестник полиции. 1908. № 6. С. 21; № 8. С. 20.
[4] О купеческом сыне Александре Шапошникове, осужденном за покушение на убийство и на самоубийство // Русские уголовные процессы. Том 3. СПб., 1867. С. 94–106.
[5] Прозоров Л. Самоубийства в тюрьмах и около тюрем по данным 1906/07г. // Медицинское обозрение. 1908. № XII. С. 56–68.
[6] См.: Лучинский Н.Ф. Систематический алфавитный указатель неофициального отдела журнала «Тюремный вестник» за XV лет (1893–1907). СПб., 1908; Тюремный вестник. 1908. № 5. С. 420.
[7] См.: Тюремный вестник. 1914. № 5. С. 1168–1169.

тюрьме, где выведенные на прогулку пять человек, осужденных к смертной казни, внезапно напали на стражников, завладели их огнестрельным оружием, и «…после довольно продолжительной перестрелки все взбунтовавшиеся арестанты были убиты»[1]. Эту акцию, обреченную заведомо на неудачу, вследствие существующих сильных постов наружной охраны, объясняли тем, что арестанты «…как осужденные к казни, искали смерти»[2]. Подобные случаи неоднократно описаны в специальной литературе.[3]

Расследование убийств, осложненных посткриминальным суицидом правонарушителей, проводилось в дореволюционной России с учетом указаний, содержащихся в специальной литературе. При этом дознаватели и следователи прибегали к помощи судебных медиков[4], а также использовали различные наставления, пособия, содержащие процессуальные указания и методические следственные рекомендации.

Ряд таких книг был написан самими практиками. Так, Н. Смирнов являлся бывшим судебным следователем[5]; другое пособие, включающее в себя криминалистические и судебно-медицинские рекомендации, издал судебный следователь Владимирского окружного суда С.А. Алякринский[6], что получило впоследствии высокую оценку Р.С. Белкина[7].

При расследовании убийств, сопряженных с суицидом правонарушителей, важную роль играли: осмотр места происшествия и трупа; допросы свидетелей (и потерпевших, оставшихся в живых); заключения экспертов в области судебной медицины, судебной психиатрии и тех исследований, которые ныне именуются криминалистическими.

---

[1] Кубе Э. К вопросу о вооружении надзирателей // Тюремный вестник. 1908. № 5. С. 425.
[2] Кубе Э. Указ. раб. С. 427.
[3] Ольхин П. Последние дни самоубийц. СПб., 1863. С. 378–379.
[4] Наставление врачам при судебном осмотре и вскрытии мертвых тел. М., 1830; Гвоздев И.М. Первичный наружный осмотр мертвого тела известной личности. Казань, 1887; Гвоздев И.М. О самоубийстве с социальной и медицинской точки зрения. Казань, 1889; Лебедев И.П. О самоубийстве в нормальном и болезненном состоянии. СПб., 1888; Лебедев И.П. О самоубийстве с медицинской точки зрения. СПб., 1897.
[5] Смирнов Н. Предварительное следствие по циркулярам и инструкциям Министерства Юстиции, циркулярным указам Правительствующего Сената и решениям Общих Собраний 1-го и Кассационных Департаментов Правительствующего Сената, последовавшим в 1866–1888 гг. СПб., 1889.
[6] Алякринский С.А. Схема предварительного следствия по уставу уголовного судопроизводства. М., 1912.
[7] Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М., 1999. С. 9.

Следователи дореволюционной России успешно выявляли и такие сложные преступления, как убийство, замаскированное под суицид[1].

При изучении стадии развития криминалистических знаний и следственной практики в 20-е годы минувшего века в нашей стране, несомненный интерес представляет опыт раскрытия и расследования убийств, сопряженных с суицидом правонарушителя. Обусловлено это тем, что в указанный период времени начала активно издаваться специальная литература, посвященная изучению убийств в криминалистическом, криминологическом и психологическом аспектах[2]. Так, печатались периодические сборники «Судебно-медицинская экспертиза», пособия для следователей и дознавателей, где, например, указывались признаки отличия суицида от убийства[3], переводы книг известных зарубежных криминалистов.

В 1918 г. в составе Центрального статистического управления (ЦСУ) был создан отдел моральной статистики во главе с известным ученым-юристом М.Н. Гернетом. Инициатива последнего способствовала проведению в СССР ряда глубоких исследований, которые рассматривали, в частности, время, место, мотивы и способы актов суицида, приводились весьма обширные сведения о личности самоубийц[4]. Как отмечает Е.Г. Ермолаева, «…столь подробные сведения с тех пор не публиковались в России и до настоящего времени»[5].

Проблемные вопросы, возникающие перед правоохранительными органами при обнаружении фактов суицида, требовали нормативного разрешения. В соответствии с приказом № 4 от 2 июля 1920 г. по отделу Центророзыска Главного управления милиции, сотрудники милиции обязаны были

---

[1] Шохин Т. Случай с «немыми свидетелями» // Вестник полиции. 1908. № 26. С. 8–9.

[2] Браиловский В.В. Опыт био-социального исследования убийц. Ростов-н/Д., 1929; Ленц. Криминальные психопаты. Л., 1927; Саврасов Л.А. Мотив в убийстве // Пролетарская революция и право. 1918. № 8–10; Татиев К. Первоначальное исследование трупа на месте обнаружения. Баку, 1928; Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925.

[3] Бокариус Н.С. Наружный осмотр трупа на месте происшествия. М., 1928; Леонтьев А. Убийство или самоубийство? // Судебно-медицинская экспертиза. Кн. 5. 1927.

[4] Гернет М.Н. Преступность и самоубийство во время войны и после нее. М., 1927; Гернет М.Н. Самоубийства в СССР в 1922–1925 гг. М., 1927.

[5] Ермолаева Е.Г. Суицид и преступность: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С.27.

немедленно сообщать о каждом случае суицида ближайшему розыскному или следственному органу для дальнейшего разбирательства и принятия правового решения[1]. А. Учеватов по этому писал: «Так как имеющийся материал дает основания предполагать, что в пятидесяти случаях из ста трудно бывает провести строгую грань между убийством и добровольным лишением себя жизни, органы дознания, проводя расследования самоубийств, должны не только искать явных следов насилия, но также выяснять все условия жизни, в которые был поставлен самоубийца перед смертью…»[2].

В специальной литературе тех лет не раз встречаются ссылки на небрежность, поверхностное отношение дознавателей и следователей при выяснении обстоятельств суицида, и даже на возможность существования фактов ухищренных убийств, замаскированных под суицид. В. Халфин, изложивший сведения о самоубийствах в 67 административных единицах РСФСР с населением, превышающим 93 млн. человек, прямо писал: «В задачи милиции не входит детальное и подробное исследование причин самоубийства, поэтому возможно, что среди фиксированных случаев самоистребления попадаются иногда несчастные случаи и даже убийства»[3]. М. Дубровский и А. Липкин критиковали органы прокуратуры Московской губернии за «формализм» и «большие дефекты», обнаруженные авторами в материалах по фактам самоубийства такой социально привилегированной категории граждан, как члены ВЛКСМ и коммунистической партии. При этом указывалось, что суицид некоторых лиц носил посткриминальный характер, был обусловлен совершенным преступлением[4].

О невысоком качестве расследования убийств, сопряженных с суицидом правонарушителей, можно судить и по содержанию уникальной книги психиатра Н.П. Бруханского, который провел социально-психиатрическое обследование 359 случаев суицида и покушения на него в г. Москве за пол-

---

[1] Учеватов А. Самоубийства и органы дознания // Рабоче-крестьянская милиция. 1924. № 7–8. С. 21–23.
[2] Учеватов А. Указ. раб. С. 22.
[3] Халфин В. Самоубийство (По материалам ЦАУ НКВД) // Рабоче-крестьянская милиция. 1924. № 1. С. 17.
[4] Дубровский М., Липкин А. О самоубийствах // Революция и культура. 1929. № 5. С. 33–36.

года наблюдений (декабрь 1923 г. – май 1924 г.). При этом автор выявил более десяти фактов посткриминального суицида убийц, причем преступления некоторых из них оставались нераскрытыми вплоть до факта смерти правонарушителя[1]. Несмотря на постоянные публикации о случаях самоубийства подозреваемых в совершении убийств, помещенные в специальной периодической литературе («Административный вестник», «Вестник советской юстиции», «Еженедельник советской юстиции», «Рабоче-крестьянская милиция», «Рабочий суд», «Суд идет!»), ни одного специального исследования на данную тему нам обнаружить не удалось.

Указанные обстоятельства позволяют прийти к выводу, что качество расследования уголовных дел названной категории в 20-х годах минувшего столетия являлось невысоким, чему способствовала и низкая квалификация сотрудников правоохранительных органов[2]. Как отмечал И.М. Леви (1928), «…наш следователь больше заботится о формальной стороне дела, чем о существе его…Мы до сих пор еще очень редко сталкиваемся с делами, из которых видно было бы, что следователь работал над делом, вкладывая в него все свои знания, всю свою инициативу, что он, как бы сказать, «с любовью» его разрабатывал. Таких дел мало. Точнее будет, если мы скажем: таких дел почти нет»[3].

В период 30–40-х годов советским следователям была известна специальная литература по расследованию различных видов убийств[4], но дела названной категории, сопряженные с посткриминальным суицидом подозре-

---

[1] Бруханский Н.П. Самоубийцы. Л., 1927. С. 30–31, 40, 43, 46–47, 50, 58–59, 61–62, 64–65, 94–95.
[2] Померанц В. Дефекты дознанческой работы (заметки практиканта) // Административный вестник. 1928. № 12. С. 32–36.
[3] Леви И.М. О следственном аппарате // Вестник советской юстиции. 1928. № 21. С. 635.
[4] См., например: Голунский С.А., Рогинский Г.К. Техника и методика расследования преступлений. Вып.1. М., 1934. С. 11–19; Семеновский П.С., Цикулин А.Я. Краткое пособие по опознанию неизвестных трупов. М., 1938; Дело К.Д. Семенчука и С.П. Старцева. Л.,1936. С. 8–23; Голунский С.А., Шавер Б.М. Криминалистика. М., 1939. С. 290–335; Голунский С. Методика расследования дел об убийствах // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 57–63; Громов В., Кочубинский В., Савицкий В. Расследование дел об убийствах. Пособие для следователей. М., 1938; Колмаков В.П. Методическое письмо о методах установления личности расчлененного трупа. Харьков, 1947.

ваемого, могли представлять большую сложность для их раскрытия[1], и по ним даже выносили неправосудные приговоры невиновным лицам[2].

Обобщение литературных источников и практики расследования преступлений против жизни показывает, что факт обнаружения трупа с признаками насильственной смерти достаточен для возбуждения уголовного дела не только в том случае, когда имеются основания предполагать убийство, но и когда очевидно самоубийство[3]. В Советском Союзе до 1962 г. действовало указание Генерального прокурора СССР № 3/114 от 19 июня 1954 г. об обязательном расследовании всех случаев самоубийства без каких-либо предварительных проверок, поскольку последние осуществлялись нередко со значительным опозданием, что влекло ослабление качества борьбы с преступностью[4]. А 17 августа 1962 г. Генеральный прокурор СССР своим распоряжением отменил обязательное расследование всех случаев самоубийств, предложив возбуждать уголовные дела по фактам суицида только в тех случаях, когда имеются признаки уголовного преступления. Ряд авторов обоснованно отмечает, что методами проверки сообщений о совершенном преступлении не всегда можно всесторонне выяснить обстоятельства случившегося, мотивы самоубийства, а следовательно, нельзя обоснованно решить вопрос и о возбуждении уголовного дела[5].

Ретроспективный анализ отечественной следственной практики свидетельствует, что именно благодаря указанию Генерального прокурора СССР (1954) в стране имела место наибольшая раскрываемость убийств, замаскированных инсценировками суицида. Об этом, в частности, свидетельствует библиография более 1300 публикаций, помещенных в сборнике «Следствен-

---

[1] Наговский В.Л. К вопросу о выявлении замаскированных убийств // Судебная медицина и пограничные области. М.-Л. 1934. С. 49–52; Хитров А.А. Определение самоубийства по следам на руках // Там же. С.166.
[2] Голинков Д.Л. «Осложненное» дело // Следственная практика. Вып. 72. М., 1966. С. 106–124.
[3] Бурданова В.С. Расследование уголовных дел об убийствах, замаскированных инсценировкой самоубийства, и дел о доведении до самоубийства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Л., 1966; Бурданова В.С. Расследование доведения до самоубийства: методич. пособие. Л.-М., 1982; Зеленковский С.П. Уголовно-процессуальное и криминалистическое значение изучения личности потерпевшего при расследовании убийств // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 14. Киев, 1977. С. 21–28.
[4] Сборник действующих приказов и инструкций Генерального прокурора СССР. М., 1958. С. 33–43.
[5] Бурданова В.С. Процессуальные и тактические вопросы проверки обстоятельств самоубийств // Вестник Ленинградского университета. Серия экономики, философии и права. 1966. № 5. С. 126.

ная практика» (1950–1965 гг.), где специально выделена рубрика «Убийства, замаскированные различными инсценировками»[1] – 26 публикаций. Наибольшее число таких преступлений составляли инсценировки самоповешения[2].

В дальнейшем, когда обязательный порядок расследования случаев самоубийств был отменен, количество выявленных криминальных инсценировок суицида значительно сократилось. Так, в библиографическом указателе сборника «Следственная практика» (выпуски № 61–73) указано всего четыре публикации под рубрикой «Убийства, замаскированные различными инсценировками»[3]. В библиографическом указателе «Следственной практики» (выпуски 116–125) таких публикаций только три[4]. В других библиографических алфавитно-предметных указателях к «Следственной практике» вообще нет раздела, посвященного источникам по убийствам с инсценировками[5]. Позднее «Следственная практика» помещала лишь единичные публикации, посвященные данному виду преступлений против жизни[6]. В сборниках Следственного комитета РФ «Предварительное следствие» тема посткриминального суицида убийц вообще отсутствует, кроме упоминания случая инсценировки самоубийства преступника, который затем был обнаружен и задержан[7]. Не обнаружено таких рекомендаций и в современной библиографии

---

[1] Следственная практика. Вып. 70. М., 1966. С. 130–131.

[2] Некоторые недостатки расследования убийств, сопровождавшихся инсценировкой самоубийства и разбойного нападения (по материалам ВНИИ криминалистики) // Следственная практика. М., 1954. Вып. 17. С. 208–232; Муравьев Н.С. Разоблаченные инсценировки самоповешения // Следственная практика. Вып. 34. М., 1958. С. 22–29; Куликов И.В. Разоблаченная инсценировка самоубийства // Следственная практика. Вып. 40. М., 1960. С. 104–112; Бурак О.Б. К вопросу об инсценировке убийств // Следственная практика. Вып. 41. М., 1960. С. 158–162; Бурданова В.С., Любарский М.Г. Женоубийца // Следственная практика. Вып. 46. М., 1961. С. 127–130; Милявский В.А. Раскрытие инсценированного самоубийства // Следственная практика. Вып. 57. М., 1962. С. 124–129; Цимбалист Л.Д. Разоблаченная инсценировка самоубийства // Следственная практика. Вып. 58. М., 1963. С. 91–97.

[3] Гацихо О.И. Библиографический алфавитно-предметный указатель к сборникам «Следственная практика» (вып. № 61–73) // Следственная практика. Вып. 76. М.,1967. С. 114.

[4] Капица Л.В. Библиографический алфавитно-предметный указатель к сборникам «Следственная практика» (вып. 116–125) // Следственная практика. Вып. 126. М., 1980. С. 103.

[5] Измайлова Ф.Ш. Библиографический алфавитно-предметный указатель к сборникам «Следственная практика» (вып. № 86–95) // Следственная практика. Вып. 96. М., 1972. С. 134–167.

[6] Фролов В.М. Умышленное убийство с инсценировкой несчастного случая // Следственная практика. Вып. 1 (158). М., 2003. С. 59–68; Маковеев Д.В. «Сыворотка правды» // Следственная практика. Вып. 2 (163). М., 2004. С. 98–106.

[7] Левченко Е.А. Косвенные доказательства в деле об убийстве // Предварительное следствие. Вып. 1 (7). М., 2010. С. 133–146.

фии по отечественной криминалистике, публикуемой в каждом номере журнала «Вестник криминалистики».

В заключении исторического анализа проблем расследования убийств, осложненных суицидом правонарушителя, необходимо сделать следующие выводы:

1. В памятниках права отдельных государств и работах по судебной медицине Древнего мира и Средневековья содержались положения о выявлении убийств, замаскированных суицидом.

2. Профилактика поскриминального суицида правонарушителя в Древнем Риме и Индии, в Европе в эпоху раннего средневековья сводилась к мерам материального и морального воздействия, применяемых к родственникам преступника-суицидента, а также к лишению погребения тела самоубийцы, наказанию сотрудников пенитенциарных учреждений, где преступник покончил жизнь самоубийством (Древний Рим).

3. Научные труды, посвященные правовым, процессуальным, криминалистическим аспектам исследования посткриминального суицида лиц, совершивших убийство, в 19 в. и первой половине 20 века не издавались. Вместе с тем в российских периодических юридических печатных изданиях с 1907 по 1916 гг. публиковались сообщения о фактах убийств, сопряженных с суицидом правонарушителя.

4. В дореволюционной России по времени возникновения посткриминальный суицид убийц можно классифицировать на следующие виды: 1) посткриминальный суицид убийц, которые не задерживались правоохранительными органами; 2) суицид убийц при их задержании сотрудниками полиции или иными лицами; 3) посткриминальный суицид убийц на стадии предварительного расследования после заключения их под стражу; 4) суицид убийц после вынесения им обвинительного приговора.

5. В дореволюционной России расследование убийств, сопряженных с поскриминальным суицидом правонарушителей, проводилось с учетом рекомендаций правового, процессуального и методического характера, содер-

жащихся в литературе, посвященной процессуальным вопросам расследования преступлений, судебной медицине.

6. В 20-е годы 20 века в России не было опубликовано специальных исследований, содержащих рекомендации по расследованию убийств, осложненных посткриминальным суицидом убийцы. На практике такие случаи либо оставили без внимания правоохранительных органов, либо их расследование осуществлялось на основе рекомендаций об отличии суицида от убийства, содержащихся в работах по судебно-медицинской экспертизе и работах отечественных и зарубежных криминалистов по расследованию убийств.

7. В 30-40-е годы 20 века увеличилось количество отечественных специальных работ по расследованию различных видов убийств, но в них по-прежнему отсутствовали рекомендации по расследованию убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя. Отчасти поэтому данная категория уголовных дел по-прежнему представляла большую сложность для расследования.

8. В 50-е и начале 60-х годов 20 века в нашей стране в связи с тем, что действовало указание Генерального прокурора СССР № 3/114 от 19 июня 1954 г. об обязательном расследовании всех случаев самоубийства без каких-либо предварительных проверок, имело место наибольшая раскрываемость убийств, замаскированных инсценировками суицида. Однако столь пристальное внимание правоохранительных органов к случаям самоубийств не вызвало появление криминалистических работ, содержащих рекомендации по расследованию убийств, сопряженных с суицидом правонарушителя.

9. В научно-практическом сборнике Генеральной прокуратуры СССР (РФ) «Следственная практика», сборнике Следственного Комитета РФ «Предварительное следствие» имеется несколько статей, в которых кратко освещается положительный опыт расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом убийцы. Однако отдельные публикации не восполнят существующий пробел в системе научно-обоснованных рекомендаций по расследованию данной категории убийств.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что проблемы раскрытия и расследования убийств, сопряженных с суицидом виновных лиц, являются злободневными для современных российских следователей и имеют большое значение как для теоретических аспектов криминалистики и оперативно-розыскной деятельности, так и для практики борьбы с преступностью.

2.2. Особенности возбуждения уголовного дела, типовые ситуации и версии

В 2010 г. прокуроры ряда субъектов Российской Федерации изучили 1869 постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел по фактам смерти людей, после чего они пришли к выводу: значительное число убийств остается латентным в связи с тем, что сотрудники правоохранительных органов «…недостаточно тщательно проверяют обстоятельства гибели людей, охотно используют в качестве оснований для отказа в возбуждении уголовного дела даже примитивные инсценировки, посредством которых преступники маскируют убийства под несчастные случаи и самоубийства»[1]. За девять месяцев 2011 г. прокуроры России выявили более 200 убийств, укрытых от учета[2].

Эти цифры могут быть намного увеличены, если подсчитать те эпизоды преступлений, которые связаны с самоубийством виновных лиц в условиях очевидности. Ежегодно в нашей стране совершаются сотни убийств, сопряженных с последующим суицидом подозреваемых[3]. Точное количество таких деяний установить сложно: по сообщению заместителя начальника Главного информационно-аналитического центра МВД РФ А.Ф. Бушуева, «…сбор и обработка сведений о количестве лиц, совершивших убийство, и покончивших самоубийством до направления уголовного дела в суд, в рамках действующих государственных и ведомственных форм статистической

---

[1] Богданова Л.Н. Выявление латентных убийств в ходе прокурорских проверок // Уголовное право. 2011. № 5. С. 114.
[2] Егоров И. Дел – много // Российская газета. 2012. 12 января.
[3] Фалалеев М. Стрелялись // Российская газета. 2012. 12 января.

отчетности – не предусмотрены»[1]. Также в ответе первого заместителя начальника Управления «И» Аппарата национального антитеррористического комитета указывается, «...что регистрация случаев самоподрывов террористов-смертников при попытке их задержания правоохранительными органами не осуществляется»[2]. Отсюда следует, что даже когда убийства с последующим суицидом виновного лица совершаются в условиях очевидности, то статистических сведений о таких деяниях нет ни в региональных информационных центрах, ни в ГИАЦ МВД РФ.

Изучение практики правоохранительных органов в России показывает, что далеко не всегда уголовные дела возбуждались в ситуациях посткриминального суицида убийц.

Так, Ш., будучи в состоянии алкогольного опьянения, застрелил из охотничьего ружья трех членов своей семьи, а затем – себя. Следователь вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела «…в связи со смертью лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого»[3]. Другой следователь аналогично отказал в возбуждении уголовного дела в отношении Виктора А., который 30 октября 2012 г. по мотивам ревности убил выстрелом из ружья свою жену, после чего застрелился сам[4]. Житель г. Новокузнецка Алексей Б. 21 ноября 2009 г. вечером по мотивам ревности убил выстрелом из пистолета свою бывшую жену Инну Б., тяжело ранил ее нового супруга, а затем застрелился сам, что фиксировалось видеокамерами наблюдения торгового центра[5]. 30 ноября 2009 г. старшим следователем СО по г. Новокузнецку было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в котором говорилось: «В действиях Б. имеется состав преступления, предусмотренного ст. 105, ст. 30 и ст. 105 УК РФ, так как он совершил убийство Б. и покушение на убийство Д., однако, на основании ч .4 п. 1 ст. 24 УПК РФ, уголовное дело не может быть возбуждено в связи со смертью подозреваемого Б.». Прокуратура данное решение не обжаловала[6].

Согласно проведенному нами опросу следователей Следственного Комитета РФ (63 человека) было установлено, что 15 респондентов (почти

---

[1] Письмо № 34/1-А-98 от 3 июля 2012 г. Личный архив Ардашева Р.Г.
[2] Письмо № 11/А-68 от 23 сентября 2016 г. Личный архив Ардашева Р.Г.
[3] Материал проверки № 580. Архив СО по г. Твери СУ СК РФ, 2008.
[4] Материал проверки № 1417. Архив СО по г. Якутску СУ СК РФ по Республике Саха (Якутия), 2012.
[5] Кихаева А. Ревнивый муж устроил кровавую бойню и застрелился …// Комсомольская правда. 2009. 28 ноября.
[6] Материал проверки № 431-2937-2009/2101 ск. Архив следственного отдела по г. Новокузнецку СУ СК РФ по Кемеровской области, 2009.

24 %) считают законным не возбуждать уголовное дело по факту убийства, если правонарушитель покончил с собой на месте преступления или вблизи от него. Такое положение, на наш взгляд, свидетельствует о серьезных проблемах в сфере досудебного следствия.

В подобных случаях факты убийств не отражаются в соответствующих разделах уголовной статистики, поскольку расследований по ним не проводится. Мы солидарны с мнением А.Л. Протопопова, который полагает: «Это не что иное, как попытка скрыть тяжкое преступление от учета, или полнейшая профессиональная непригодность сотрудника органа дознания, следователя. Прокурор должен самым принципиальным образом реагировать на подобные факты…»[1]. Процессуальный закон однозначно требует, чтобы все случаи выявления убийств, осложненных посткриминальным суицидом правонарушителя, влекли возбуждение уголовного дела и проведение качественного расследования, которое может выявить совершенно иную картину случившегося (например, инсценировку суицида)[2]. Не исключается и заказной характер такого деяния, когда оплату получает сам будущий суицидент, либо иные лица, связанные с ним (родные, знакомые).

Как указывает В.Ф. Енгалычев, смерть, похожая на суицид, в действительности может иметь, как минимум, такие варианты:

1. Истинное самоубийство:

Самоубийство по собственному волеизъявлению.

Рациональное (продуманное) самоубийство.

Рациональное аффективное самоубийство.

Рациональное неаффективное (по религиозным либо философским основаниям) самоубийство.

Импульсивное аффективное самоубийство.

Самоубийство по неосторожности.

2. Имитация самоубийства:

---

[1] Протопопов А.Л. Прокурорский надзор за расследованием убийств. СПб., 2006. С. 144.

[2] Рывкин С.Ю. Особенности расследования и предупреждения убийств, совершенных военнослужащими: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 18–22.

Имитация самоубийства (косвенное убийство).

Самоубийство под принуждением.

Доведение до самоубийства.

Имитация самоубийства (демонстрация в целях провокации или шантажа).

3. Естественная смерть, имеющая признаки самоубийства по независящим от умершего причинам:

Смерть в результате несчастного случая.

Естественная смерть в результате иных причин (старость, болезнь и пр.).

4. Истинное убийство:

Убийство, замаскированное под самоубийство.

Убийство, имеющее признаки самоубийства по независящим от убийцы причинам[1].

Приведенная классификация отражает систему выдвижения различных следственных версий по делам, связанным с суицидом, хотя в ней отсутствует еще один вариант: убийство, сопряженное с посткриминальным суицидом правонарушителя.

Многочисленные научные исследования и следственная практика свидетельствуют, что только по двум разновидностям убийств имеет место затягивание сроков возбуждения уголовного дела или необоснованный отказ в его возбуждении: а) убийства, связанные с безвестным исчезновением граждан;[2] б) убийства, сопряженные с последующим быстрым суицидом подозреваемого[3].

Посткриминальный суицид убийц, произошедший немедленно после совершения преступления, влечет возбуждение уголовного дела, как прави-

---

[1] Енгалычев В.Ф. Посмертная судебно-психологическая экспертиза: новые возможности и решения: материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 25–26 января 2011 г.). М., 2011. С. 616–617.

[2] Мальцев А.С. Особенности расследования убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2012. С. 4; Информационное письмо зам. председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ от 8 июля 2009 г. № 213-75/595-2009 «О причинах неквалифицированного производства первоначальных следственных действий».

[3] Ардашев Р.Г. Посткриминальный суицид убийц в России: недостатки предварительного следствия и прокурорского надзора // Закон и жизнь (Республика Молдова). 2012. № 9. С. 43–44.

ло, в ситуациях большой огласки преступного деяния и статусного положения его фигурантов.

Так было, например, когда работник МВД из г. Самары А. расстрелял свою жену, а затем убил себя[1]*. Значительный резонанс вызвало дело старшего лейтенанта милиции П., который был в нетрезвом виде задержан сотрудниками управления ГИБДД МВД РФ по республике Тыва, отказался ехать на медицинское освидетельствование, из табельного пистолета убил двух работников МВД, а затем застрелился*[2]*. Очень тщательно расследовалось дело бывшего сотрудника прокуратуры В., который пришел в прокуратуру Ленинского района г. Владивостока, вооруженный пистолетами «ТТ» и «Макаров», убил заместителя прокурора района и двух помощников прокурора, а затем покончил с собой*[3].

Надо отметить, что по такой категории уголовных дел, как убийства, сопряженные с быстрым суицидом правонарушителя, некоторая часть следователей утрачивает интерес к установлению истины, поскольку, по их мнению, «виновный мертв»[4]. Совершенно не берется во внимание, что убийца мог действовать под влиянием подстрекателей, знавших его характерологические особенности (вспыльчивость, подозрительность, грубость, ревность и т.п.), а также склонность к алкоголю, употребление которого резко активизирует агрессивные и суицидальные намерения[5]. Поэтому следует согласиться с обоснованным мнением Н.А. Селиванова в том, что «…недостаточная квалификация следователя или его перегруженность делами, отсутствие в его распоряжении технических средств не может служить оправданием незаконного процессуального решения либо применения неоптимальной методической схемы расследования»[6].

Процесс расследования преступления представляет собой многообразие различных ситуаций, которые следователь должен адекватно восприни-

---

[1] Уголовное дело № 200962079. Архив следственного отдела по г. Самаре СУ СК РФ, 2009.
[2] Уголовное дело № 2-1703/09. Архив следственного управления СК РФ по республике Тыва, 2009.
[3] Сиротина С., Сим С. Убийца прокуроров искал на них компромат? // Комсомольская правда. 2005. 9 фев.
[4] Ардашев Р.Г. Проблемы восстановления механизма преступления по материальной обстановке места происшествия в ситуациях посткриминального суицида убийц // Современные проблемы юридической науки: мат-лы IX Международной научно-практической конференции молодых исследователей. Ч. 2. Челябинск, 2013. С. 236.
[5] См., например: Говорин Н.В., Сахаров А.В., Гаймоленко А.С. Алкогольный фактор в криминальной агрессии и аутоагрессии. Чита, 2009.
[6] Селиванов Н. Типовые версии. Следственные ситуации и их значение для расследования // Социалистическая законность. 1985. № 7. С. 52.

мать, правильно оценивать и грамотно разрешать. Ситуационный подход помогает следователю упростить анализ и мысленную реконструкцию элементов расследуемого события. Кроме того, прикладное значение криминалистической ситуалогии заключается в моделировании и последующей диагностике следственной ситуации для управления ею; в определении оптимальной тактики следственных действий в целях повышения эффективности их проведения; в определении наиболее вероятного исхода ситуаций тактического риска; в диагностике конфликтогенных и предупреждению конфликтных ситуаций[1].

Ситуационный подход имеет также методическое значение, так как он позволяет «осуществить научную разработку дифференцированных методических рекомендаций, указывающих на специфические особенности расследования сходных видов преступлений»[2].

В криминалистической методике ситуационный подход применяется в целях типизации следственных ситуаций, на основе которых разрабатываются рекомендации по осуществлению расследования преступлений отдельных видов на различных этапах[3].

Анализ уголовных дел об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, позволил нам выделить следующие типовые следственные и судебные ситуации в зависимости от времени совершения посткриминального суицида.

---

[1] Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия. Калининград, 1997. С. 18.

[2] Волчецкая Т. С. Генезис, современные тенденции и перспективы развития криминалистической ситуалогии на современном этапе // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: мат-лы Международ. научно-практич. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности, посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии. Калининград, 2012. С. 17.

[3] Головин А. Ю., Баранов М. В. Ситуационный анализ (подход) как познавательный метод в криминалистике и деятельности по расследованию преступлений // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: мат-лы Международ. научно-практич. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности, посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии. Калининград, 2012. С. 36.

Ситуация 1. Убийство очевидное, убийца покончил жизнь самоубийством сразу после совершения преступления.

Версии в этой ситуации должны выдвигаться о цели и мотивах убийства; о наличии соучастников (подстрекатели, пособники).

Для проверки этих версий необходимо провести:

- осмотр места происшествия и трупа (трупов);
- назначить судебно-медицинские экспертизы трупа, вещественных доказательств;
- допрос свидетелей, прежде всего, свидетелей-очевидцев;
- обыск у подозреваемого для обнаружения предметов, документов, относящихся к расследуемому убийству;
- осмотр предметов, документов;
- назначение криминалистических экспертиз (дактилоскопических, судебно-баллистических, судебно-почерковедческих (если обнаружены предсмертные записки), а также других судебных экспертиз;
- истребование характеризующего материала на подозреваемого с места его жительства, работы, учебы, а также данных из:

– психоневрологического, наркологического диспансеров;

– информационных центров МВД (о наличии судимости);

– ЗАГСа, адресного бюро, УФМС России (в случае отсутствия документов, подтверждающих личность подозреваемого, степень его родства, заключения брака, место проживания);

- назначение посмертной психолого-психиатрической экспертизы подозреваемого.

Ситуация 2. Убийство очевидное, убийца скрылся с места преступления, а позднее обнаружен его труп. Имеется информация, что покончил жизнь самоубийством.

В этой ситуации необходимо проверить версию о том, связан или не связан суицид преступника с совершенным убийством.

Для разрешения данной ситуации целесообразно проведения следственных действий и иных мероприятий, тех же, что и в первой следственной ситуации.

Ситуация 3. Убийство очевидное, убийца скрылся с места преступления, заявив свидетелям о своем намерении в скором времени совершить суицид. Через некоторое время обнаружен труп убийцы с признаками суицида.

В этой ситуации должны быть выдвинуты версии о возможных мотивах убийства, а также розыскные версии о местонахождении скрывающегося преступника.

Кроме вышеназванных следственных действий и иных мероприятий, дается поручение органу дознания о розыске и задержании скрывшегося подозреваемого.

Ситуация 4. Убийство неочевидное: обнаружено несколько трупов, среди которых имеется труп с признаками, указывающими на самоубийство.

Такое убийство совершается в ходе ссоры между супругами, в результате ревности одного из партнеров, в процессе ссоры при распитии спиртных напитков между знакомыми людьми и др.

Типовые версии: о возможных мотивах убийства (убийств), о личности убийцы; о возможной инсценировке суицида иным лицом.

Для разрешения данной ситуации целесообразно проведения следственных действий и иных мероприятий, тех же, что и в первой следственной ситуации.

Инсценировка суицида убийцы имеет место в редких случаях (как правило, одного из потерпевших убивают, создавая картину того, что предыдущее убийство (убийства) совершил он, после чего покончил с собой[1].

Так, при осмотре дома фермера С. Аметова (Краснодарский край, станица Кущевка) следователи обнаружили 12 трупов детей и взрослых с

[1] Муравьев Н.С. Разоблаченные инсценировки самоповешения // Следственная практика. М., 1958. Вып. 34. С. 22–27.

явными признаками насильственной смерти. Возле руки трупа С. Аметова обнаружили окровавленный нож, которым, по заключению экспертов поочередно были убиты взрослые потерпевшие. Создавалась картина, что Аметов задушил детей, зарезал взрослых, а затем убил себя[1].

Ситуация 5. Предполагаемый убийца покончил с собой при задержании.

К вышеперечисленным в первой ситуации следственным действиям добавляется допрос сотрудников правоохранительных органов, проводивших задержание.

Ситуация 6. Предполагаемый убийца задержан (заключен под стражу) и прибегнул к суициду в ходе предварительного расследования: а) в СИЗО; б) в другом месте (при производстве следственного действия и др.). Возможен парасуицид, когда покушавшийся выжил.

Типовые версии: суицид (парасуицид) обусловлен (не обусловлен) совершением убийства, в котором лицо подозревается (обвиняется).

В случае суицида подозреваемого (обвиняемого) по делу об убийстве проводятся следственные действия и иные мероприятия, перечисленные для первой типовой ситуации. Если суицид подозреваемого (обвиняемого) произошел в ходе следственного действия, то уголовное дело об убийстве целесообразно передать в производство другому следователю. А следователь, который до этого вел производство по делу, должен быть допрошен в качестве свидетеля.

Для разрешения указанной ситуации необходимо провести:

1) допрос подозреваемого (обвиняемого) о мотивах его поступка;

2) допрос свидетелей (лица, которые пресекли суицид и (или) которым подозреваемый (обвиняемый) говорил о своем намерении совершить суицид);

3) психолого-психиатрическую экспертизу подозреваемого (обвиняемого);

4) судебно-медицинскую экспертизу подозреваемого (обвиняемого).

---

[1] Павловская Т. Кущевка: раскрытые тайны // Российская газета. 2012. 21 сентября.

Лицо, обвиняемое в совершении убийства, может покончить с собой также в ходе судебного следствия или после вынесения обвинительного приговора.

Типовые версии: суицид обусловлен (не обусловлен) убийством, в совершении которого обвинялся подсудимый (осужденный).

Первые пять обозначенных следственных ситуаций могут иметь место на первоначальном этапе расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя. Шестая следственная ситуация может возникнуть либо на первоначальном, либо на последующем этапе расследования убийств.

Необходимо отметить, что по делам об убийствах, где отсутствует информация о личности подозреваемого, возможны ситуации посткриминального суицида правонарушителя, когда правоохранительные органы не связывают причинно-следственными отношениями нераскрытое убийство и суицид человека, не значащегося в списке лиц, подлежащих оперативной разработке. Здесь мы полностью разделяем мнение Р.С. Белкина: «В большинстве случаев то, что преступление остается нераскрытым, – следствие недостатков в организации и осуществлении расследования…»[1]. Поэтому необходимо в процессе оперативно-розыскных и следственных мероприятий по делам о нераскрытых убийствах обязательно проверять версию о возможном посткриминальном суициде правонарушителя.

2.3. Тактические аспекты осмотра места происшествия и трупа

Основные положения теории и практики осмотра места происшествия и трупа на месте его обнаружения нашли достаточно подробное освещение в трудах судебных медиков и криминалистов, часть из которых устарела и представляет библиографическую редкость. Существуют исследования и бо-

[1] Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 185.

лее позднего времени, посвященные осмотру трупа при суициде или криминальной инсценировке фактов самоубийства[1].

Полагаем, что сложность следственных осмотров по многим делам об убийствах, сопряженных с поскриминальным суицидом правонарушителя, не вызывает сомнений однако в научной литературе этот вопрос является неразработанным.

Здесь уместно вспомнить изречение известного английского судебного медика Альфреда Тейлора: «Нет таких ран, наносимых самоубийцей самому себе, каковые не могли быть нанесены рукой убийцы, но есть целый ряд ран, наносимых убийцей, которые не могут быть нанесены рукой самоубийцы»[2]. Так, в ходе проведения прокурорской проверки в одном из учреждений ФСИН (2010 г.) было выявлено 10 % отказных материалов (из общего их числа) по факту обнаружения трупа, обоснованность которых вызывала сомнения. Например, телесные повреждения на трупе одного «суицидента» по заключению судебного медика определялись, как «колотые раны в лопаточной и подлопаточной области слева», но вопрос о возможности причинения самому себе этих смертельных повреждений в ходе проведения доследственной проверки – не ставился[3].

В свое время Г.Р. Гольст и Г.Н. Мудьюгин абсолютно верно отметили, что, «исходя из обстановки места преступления, следователь должен уметь представить себе происшедшие там события и поведение преступника»[4]. Именно такое мысленное моделирование событий позволяет следователю правильно определять картину происшедшего[5], что требует от него хорошей

---

[1] Валеев М.Х., Борисова А.Г. Осмотр места происшествия и трупа при подозрении на инсценировку самоповешения // Южно-Уральские криминалистические чтения. Сб. № 8. Уфа, 2000. С. 56–61; Сидоров П.И. и др. Особенности осмотра трупа и места происшествия при сексуальных самоубийствах // Судебно-медицинская экспертиза. 2001. № 1. С. 35–36.

[2] Гамбург А.М. Судебно-медицинская экспертиза обвиняемого. Киев, 1948. С. 89.

[3] Богданова Л. Выявление латентных убийств в ходе прокурорских проверок // Уголовное право. 2011. № 5. С. 109.

[4] Гольст Г.Р., Мудьюгин Г.Н. Осмотр места происшествия и другие неотложные действия // Расследование убийств. М., 1954. С. 91.

[5] Донцов В.В. Теоретические и методические основы установления лица, совершившего убийство: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1989; Малыхина Н.И. Криминалистические методы и средства установления лица, совершившего преступление: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007.

профессиональной подготовки и привлечения помощи соответствующих специалистов.

В контексте сказанного важной задачей, решаемой следователем в ходе осмотра места происшествия и трупа по делам об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, является выдвижение и проверка следственных версий. При проведении такого осмотра следователь всегда исходит не только из установленных фактов и обстоятельств происшествия, но также из обоснованных предположений о сущности расследуемого события. Версии могут выдвигаться как до осмотра, так и в ходе его на основании материалов дела и информации, получаемой при опросах очевидцев, живых потерпевших, а также при исследовании объектов на месте происшествия.

Не стоит забывать про версию об инсценировке суицида убийцы.

Например, студент П., совершивший убийство малолетней девочки, рассказал о содеянном своей матери. Последняя заставила сына написать предсмертную записку, напоила его водкой и вскрыла ему вены, отчего студент умер от острой кровопотери. Следователь при осмотре квартиры, где находился труп П., обнаружил записку с признанием вины в убийстве девочки, после чего прекратил уголовное дело в связи со смертью лица, совершившего убийство. Истинные обстоятельства смерти П. были выявлены гораздо позже[1].

Количество подобных инсценировок суицида не фиксируется в официальной уголовной статистике, как в нашей стране, так и за рубежом. В XX веке, например, западногерманский криминалист Гентерих высказывал мнение, что в Федеративной Республике Германия «каждый третий случай, признанный самоубийством, на самом деле является убийством»[2], но эта пропорция представляется нам явно преувеличенной, так как отсутствуют доказательства, ее подтверждающие.

Характер последствий, которые находят выражение в следах (следовой картине), определяют различные факторы – способ, орудие, механизм пре-

---

[1] Протасевич А.А., Степаненко Д.А., Шиканов В.И. Моделирование в реконструкции расследуемого события. Иркутск, 1997. С. 48–49.
[2] Продль Г. «Личная катастрофа» Пауля Бломберга // Плата за молчание. М., 1989. С. 376.

ступных действий, обстановка, в которой они совершались, индивидуальные данные личности субъекта преступления и жертвы, и т.п. По делам об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, может иметь место несовпадение места обнаружения трупа (трупов) потерпевших с местом совершения убийства; значительный промежуток времени между совершением преступления и обнаружением трупов жертвы и убийцы; внесение изменений в обстановку места происшествия третьими лицами (обнаружившими следы преступления и совершившими хищение каких-либо ценных предметов, оружия с места происшествия) и др. Эти факторы обусловливают особую сложность расследования данных преступлений.

Мы разделяем мнение В.В. Яровенко о том, что место происшествия содержит информацию о субъективной стороне убийства, и поэтому в самом начале проведения осмотра следователь должен ставить перед собой цель получения такой информации, сведения о которой могут дать: направленность действий обвиняемого, их однократность или многократность; причина наступления желаемого результата; конкретная обстановка; поведение потерпевшего; повод к совершению убийства; навыки обвиняемого[1]. Все это необходимо учитывать и в ситуации посткриминального суицида убийцы.

Иногда при осмотре места происшествия не удается сразу выявить признаки инсценировки суицида, что требует проведение следственного эксперимента с участием специалиста. Так, при проверке версии, что потерпевший не прибегал к самоубийству, а был задушен и подвешен к перекладине в сарае, провели опытные действия с участием специалиста в области трасологии. В результате эксперимента установили, что только при поднятии имитирующего труп груза путем натягивания свободного конца веревки, перекинутой через перекладину сарая, возникают признаки, обнаруженные ранее при осмотре места происшествия (направление волокон на перекладине было по ходу движения веревки, а волокон на свободном конце веревки – в противо-

[1] Яровенко В.В. Доказывание следователем субъективной стороны убийств: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1979. С. 7–8.

положную сторону). Выявление данных признаков, засвидетельствованное специалистом, позволило сделать вывод, что потерпевший был вначале задушен, а затем его тело подвешено к перекладине, что подтвердилось при дальнейшем расследовании[1].

Судебно-медицинский эксперт, принимающий участие в осмотре трупа (трупов) на месте происшествия, может высказать свое мнение следователю относительно:

– вероятной причины смерти и приблизительного времени ее наступления[2];

– о наличии и особенностях повреждений на трупе (трупах);

– о вероятном орудии (орудиях), которым причинены повреждения;

– о соответствии места обнаружения трупа (трупов) месту совершения преступления;

– о признаках, указывающих на возможное положение потерпевшего (потерпевших) в момент получения ранений, и возможное перемещение потерпевшего после полученных повреждений;

– о признаках, характеризующих изменение первоначальной позы и местоположения трупа (трупов)[3].

Каждый из названных параметров может быть очень важен. Так, «…лишь имея достоверные данные, свидетельствующие о времени нанесения телесных повреждений, о продолжительности и последовательности их нанесения, о длительности существования человека после нанесенных ему повреждений и тому подобных обстоятельствах, можно воссоздать картину

---

[1] Селиванов Н.А. Привлечение специалистов к расследованию. М., 1973. С. 17.

[2] Александров А.А., Вишневский Г.А., Долгова О.Б., Кондратов Д.Л., Соколова С.Л. К проблеме обоснованности вывода о давности наступления смерти // Российский юридический журнал. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2012. № 1 (82). С. 164–170; Кислов М.А., Парешин М.В., Курзин Л.М. Программа для установления давности наступления смерти на месте происшествия // Судебная медицина. 2015. Т. 1. № 2. С. 49–50.

[3] Подобное имеет место при попытках оказания медицинской помощи умирающему, а также – при ином вмешательстве посторонних лиц, обнаруживших картину совершенного преступления и посткриминального суицида. – *Прим. авт.*

происшедшего, выдвинуть обоснованные версии и приступить к целенаправленному расследованию»[1].

Нами было опрошено 63 следователя СК РФ по специально разработанной анкете. Из них 27 человек (43 %) признали, что проводили осмотры места происшествия по фактам суицида убийц. Одновременно респондентам задавались вопросы: «Какие признаки инсценировки суицида Вы можете назвать:

а) при нахождении трупа в петле (самоповешение)?

б) при наличии колото-резаных повреждений на трупе?

в) при обнаружении трупа с огнестрельным повреждением и огнестрельного оружия рядом?

Из 63 человек только 5 (8 %) дали удовлетворительный ответ на вопрос «а»; на вопрос «б» удовлетворительно ответили 7 человек (11 %); на вопрос «в» достаточно полно ответили 47 человек (74,6 %). Объясняется это тем, что респонденты достаточно хорошо помнили из вузовского курса судебной медицины признаки близкого выстрела, произведенного собственноручно. Итоги опроса определенно свидетельствуют, что следователи испытывают существенные затруднения при осмотре трупа на месте происшествия – в ситуации определения признаков инсценировки суицида[2].

Правильное определение границ осмотра возможно лишь при условии, что следователь выдвигает все обоснованные предположения о расположении следов преступника на месте происшествия. В ситуации посткриминального суицида убийцы такая ситуация не всегда возможна, если преступление совершено без очевидцев. Труп правонарушителя может находиться от трупа

---

[1] Нечепаев В.В. Особенности раскрытия и расследования убийств, совершаемых по найму, с учетом пространственно-временных факторов: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. С. 8.

[2] При оценке ответов следователей в заполненных ими анкетах использовались источники: Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками, М., 1973. С. 68–103; Сапожников Ю.С. Криминалистика в судебной медицине. Киев, 1970. С. 71–222; Концевич И.А. Судебно-медицинская диагностика странгуляций. Киев, 1968; Татаренко В.А. Статистико-вероятный метод определения степени достоверности экспертных выводов // Судебно-медицинская экспертиза. 1990. № 2. С. 47–48; Ципковский В.И. Осмотр места происшествия и трупа на месте его обнаружения. Киев, 1960. С. 107–132; 161–197; 235–251; Осмотр трупа на месте его обнаружения: практическое руководство. / под ред. А.А. Матышева. СПб., 1997. С. 97–112; 118–138. – *Прим. авт.*

потерпевшего на весьма значительном расстоянии, даже если между актами убийства и суицида убийцы прошло всего несколько минут. В таких случаях, естественно, проводится два осмотра места происшествия, а оперативным и следственным путем между данными событиями устанавливается причинно-следственная связь.

Определяя границы осмотра места происшествия по делам названной категории, следователь должен учитывать конкретные особенности события, в частности – где находились и какие действия совершали преступник и потерпевший. Если к моменту осмотра недостаточность информации о расследуемом событии не позволяет установить точно все места, где могут находиться следы преступления, то на основании сведений о происшествии, общего обзора места происшествия следователь выдвигает версии об этом, исходя их которых, он определяет подлежащую обследованию территорию.

А.Ф. Лубин рекомендует следователям перед проведением осмотра места происшествия сначала локализовать объект исследования – место происшествия в целом (изолировать материальную обстановку в пространстве; создать организационные предпосылки для системно-структурного анализа). Для этого надлежит использовать: а) сведения от работников МВД; б) сообщения свидетелей, потерпевших, иных лиц; в) результаты ориентирования, осуществляемого в результате беглого осмотра. Только после этого, по мнению А.Ф. Лубина, следователь может решать другие задачи осмотра: 1) дифференцировать локализованную систему на отдельные познавательные ситуации, чтобы установить последовательность их решения; 2) интегрировать познанные и проблемные ситуации на уровень отдельных следов и их комплексов («узлов»), чтобы понять общий (по времени и пространству) механизм следообразования, последовательность действий участников расследуемого события[1].

---

[1] Лубин А.Ф. Взаимодействие участников идентификационно-поисковой деятельности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1981. С. 11–12.

С подобными рекомендациями нельзя согласиться, ибо границы следственного осмотра места происшествия не могут жестко определяться до начала осмотра. Следователь, не обладая достаточными сведениями о характере происшедшего события (в нашем случае – убийстве, сопряженном с посткриминальным суицидом правонарушителя), не может принять качественное решение по определению границ осмотра лишь на основании «беглого осмотра». Как верно отмечал В.И. Попов, обзор – «…это общая ориентировка в обстановке места происшествия с одновременным продумыванием плана действий»[1]. Реальная возможность корректировки границ осмотра появляется лишь на заключительном этапе этого следственного действия, когда завершается работа по выявлению всех значимых в криминалистическом отношении следов, их комплексов и связей между ними. В противном случае работа следователя, не опирающегося при осмотре места происшествия на надежную методологическую базу, будет сведена, большей частью, к хаотическому сопоставлению групп разрозненных сведений и столь же непродуктивным попыткам выявления связей между ними, т.е. к использованию метода проб и ошибок.

Действия убийцы, получившие свое отражение в определенном пространстве на определенных предметах, оставляют всевозможные следы. Между конкретными действиями и соответствующими следами имеется прямая причинная связь[2]. Предположения следователя, где и какие следы могут быть оставлены при совершении убийства, сопряженного с суицидом преступника, – это рабочие версии. Их не отражают в письменном плане расследования и проверяют непосредственно при осмотре места происшествия, когда могут быть найдены данные, подтверждающие правильность предположения следователя о характере и местонахождении следов преступления, или установлены доказательства, опровергающие выдвинутую версию.

---

[1] Попов В.И. Осмотр места происшествия. М., 1959. С. 25.
[2] Чистова Л.Е. Пространственно-временные отношения и причинная связь в расследовании преступлений // Вестник криминалистики. Вып. 1 (33). 2010. С. 138.

Обычно при осмотре места происшествия по указанным делам следователь постоянно получает от оперативных работников МВД РФ сведения о происшедшем событии, которые могут подтверждать ранее выдвинутые версии и служить основанием для построения новых, проверка которых порой требует осмотра дополнительной территории. При этом нельзя ограничиваться исследованием только фактов, очевидно связанных с происшествием, поскольку может быть утеряна часть следов преступления, причинная связь которых с расследуемым событием еще не выяснена. Поэтому в процессе осмотра важно определить – могут ли установленные обстоятельства и обнаруженные предметы относиться к расследуемому событию. До сих пор остается полностью актуальным наблюдение В. Кравцева: «Вместо того, чтобы для поиска преступника активно разворачивать работу, извлекать максимум информации из обнаруженных следов преступления и вещественных доказательств, следователи подчас занимают выжидательную позицию, рассчитывая на установление подозреваемого оперативным путем и признание им своей вины»[1].

Г.И. Пичкалева справедливо указывает, что следователь при осмотре места происшествия по делу об убийстве, должен незамедлительно передать работникам уголовного розыска сведения: о личности потерпевшего, характере телесных повреждений, предположительные данные (и высказывания судебно-медицинского эксперта) о времени наступления смерти, имеющихся на месте происшествия следах, орудиях преступления и иных вещественных доказательствах, чтобы проверка информации началась еще до окончания осмотра. Основным недостатком в налаживании взаимоотношений между следователем и сотрудниками органа дознания чаще всего выступает субъективность оценки этими участниками осмотра материальных объектов, следов, обнаруженных на месте происшествия[2]. Сказанное в полной мере отно-

---

[1] Кравцев В. Умышленные убийства: состояние тревожное // Соц. законность. 1990. № 11. С. 5.

[2] Пичкалева Г.И. Взаимодействие следователя и работников органа дознания при осмотре места происшествия // Деятельность следователя и прокурора на первоначальном этапе расследования убийств. М., 1987. С. 40–41.

сится и к ситуации посткриминального суицида убийцы на месте совершения им преступления.

Ни один тактический прием осмотра места происшествия законом не предусмотрен, все они разработаны в рамках криминалистических рекомендаций при изучении и обобщении следственной и судебной практики. Их порой называют методами[1], способами[2] или примерной последовательностью осмотра[3], но все они по сути своей тактические приемы, под которыми надлежит понимать наиболее целесообразный, эффективной порядок производства осмотра места происшествия, исходя из конкретных обстоятельств[4].

В криминалистической литературе по методике расследования убийств и доведения до самоубийства имеются рекомендации по поиску следов на месте происшествия, но эти источники не могут предусмотреть всего многообразия расследуемых событий. Поэтому следователь при осмотре места происшествия обязан учитывать не только научные рекомендации, но и собственные обоснованные предположения о характере и местах нахождения следов преступления[5].

О типичных недостатках протоколов осмотра места происшествия пишет ряд авторов. Проведенное исследование следственной и судебной практики, в том числе опубликованной, по делам об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителей, позволило выявить различное отношение следователей к качеству осмотра места происшествия, что нашло отражение в протоколе. В ситуации, когда убийство очевидное, убийца покончил жизнь самоубийством сразу после совершения преступления, протоколы осмотров зачастую составлены лаконично, кратко (следователям «все ясно»). Обширность текстов протоколов осмотра с привлечением к его

---

[1] Осмотр места происшествия: практическое пособие / под ред. А.И. Дворкина. М., 2000. С. 15.
[2] Осмотр места происшествия: учеб. пособие / под ред. В.Ф. Статкуса. М., 1995. С. 15.
[3] Справочная книга криминалиста / под ред. Н.А. Селиванова. М., 2000. С. 6.
[4] Егоров Н.Н. Изучение тактических приемов осмотра места происшествия – обязательное условие подготовки экспертов // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях (г. Москва, 14–15 фев., 2007 г.): материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 225.
[5] Густов Г.А. Исследование места происшествия // Вопросы совершенствования предварительного следствия. Л., 1971. С. 47–60.

участию специалистов имеет место в случаях «резонансных» уголовных дел (убийство чиновника на его рабочем месте с последующим суицидом правонарушителя; убийство нескольких человек; подозреваемым является сотрудник правоохранительных органов).

В ситуации неочевидного убийства, когда обнаружено несколько трупов с признаками насильственной смерти, среди которых имеется труп с признаками, указывающими на самоубийство, протоколы осмотра места происшествия, как правило, составляются достаточно подробно.

Как справедливо отмечает В. Саньков, недостатки первоначальных осмотров места происшествия существенно затрудняют выдвижение правильных версий, в результате чего некоторые умышленные убийства остаются нераскрытыми, а в случае установления преступника – затрудняют доказывание его вины[1]. Именно такие недостатки имел в виду М.П. Шаламов, когда рекомендовал специально изучить на материалах конкретных уголовных дел об убийствах особенности версий, инсценированных на месте убийства, «…и на основе этого тщательно разработать систему признаков, указывающих на ложность выдвинутых версий, инсценированность обстановки места происшествия и т.д.»[2].

В.С. Бурданова, посвятившая ряд специальных работ таким криминальным инсценировкам, пишет: «Следует прийти к выводу, что всегда должны исследоваться по крайней мере две противоположные версии: убийство и самоубийство, убийство и несчастный случай, умышленное и неосторожное убийство и т.д.»[3]. По обоснованному мнению В.С. Бурдановой, «…когда следователь или эксперт работают с установкой: «…это самоубийство», они могут не заметить следов убийства. Именно на это нередко рассчитывает преступник. Он создает обстановку убийства таким образом, чтобы в глаза бросались следы, типичные для самоубийства или несчастного

---

[1] Саньков В. Недостатки в первоначальных следственных действиях по делам об умышленных убийствах // Законность. 2001. № 3. С. 17.
[2] Шаламов М.П. О роли версий при расследовании убийств // Вопросы борьбы с убийствами. М., 1969. С. 83.
[3] Бурданова В.С. Использование негативных обстоятельств при расследовании убийств // Вопросы борьбы с убийствами. М., 1969. С. 88–89.

случая, а следы убийства могли быть обнаружены только при целенаправленном поиске. Нужно умение следователя преодолеть этот своеобразный психологический барьер и заставить себя проверить противоположную версию так же тщательно, как и основную»[1]. В. Антипов также отмечает: «Для сокрытия убийства преступник иногда инсценирует самоубийство жертвы. Поэтому, если при осмотре места происшествия будут обнаружены следы другого человека, то, сопоставляя эти данные с типичным для подобной ситуации предположением о способе сокрытия преступления, следователь должен выдвинуть и проверить вторую версию – об убийстве»[2].

Как известно, версии о криминальной инсценировке суицида проверяются в ходе проведения осмотра трупа и места происшествия, а также при анализе заключений судебных экспертиз (в основном криминалистических и судебно-медицинских). Количество ежегодных разоблачений таких инсценировок по России неизвестно, т.к. не предусмотрено существующей статистической отчетностью. Существуют разноречивые сведения о распространенности криминальных инсценировок гибели людей в нашей стране.

С.Ю. Рывкин отметил, что «выборочно изучил 296 архивных уголовных дел, по которым проводились следственные действия в 1974–2004 гг. органами военной юстиции»[3]. Он утверждает, что установил «…признаки инсценировки самоповешения при изучении 45,8 % уголовных дел об убийствах»; признаки инсценировки утопления – в 8,3 % случаев; признаки инсценировки самоубийства, совершенного с использованием острого предмета – в 10,7 % преступлений данной категории; инсценировка самоубийства, совершенного путем выстрела из огнестрельного оружия – в 35,2 % случаев. При этом отсутствует конкретное число общего количества убийств, замаскированных этими инсценировками, поскольку в диссертации, как и в ее

---

[1] Бурданова В.С. Причины ошибок, допускаемые при осмотре места происшествия и проведении судебно-медицинской экспертизы по делам об убийствах // Раскрытие тяжких преступлений против личности: материалы науч.-практ. конф. М., 1972. Ч. 1. С. 72–73.

[2] Антипов В. Значение типичных версий при расследовании преступлений // Социалистическая законность. 1977. № 3. С. 61.

[3] Рывкин С.Ю. Особенности расследования и предупреждения убийств, совершенных военнослужащими: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 6.

названии, речь идет в основном не о расследовании инсценировок убийств, а просто – об убийствах, совершенных военнослужащими. Все это вызывает обоснованное сомнение в объективности приведенных цифр.

Л.Н. Богданова, изучавшая проблему латентных убийств в Российской Федерации, провела опрос «экспертов», в качестве которых выступали: сотрудники безымянных «правоохранительных органов», судебно-медицинские эксперты, родственники потерпевших и даже сами обвиняемые по ст. 105 УК РФ[1]. Она пишет: «По вопросу убийств, замаскированных под самоубийство, опрашиваемые лица считают, что доля убийств в самоубийствах может составлять 0,8 % в связи с тем, что российские преступники в настоящее время «не доросли» в своей общей массе до такой изобретательности, как имитация самоубийства… По данным опроса, цифра скрытых убийств, завуалированных под самоубийство, может составлять 287 случаев»[2].

Нетрудно сделать вывод, что такая разнородность опрошенных «экспертов» просто не позволяет считать их мнение близким к достоверности, с учетом «низкой квалификации следственных кадров»[3], При осмотре места происшествия в ситуациях, когда кроме трупа потерпевшего (потерпевших) имеется и тело убийцы, прибегнувшего к суициду, перед следователем и оперативными работниками, нередко возникают следующие трудности:

а) зачастую отсутствуют очевидцы случившегося;

б) необходимо обнаружить на месте происшествия одновременно доказательства как убийства, так и суицида виновного лица.

В подобных случаях, по нашему мнению, при осмотре необходимо:

а) выявить доказательства, устанавливающие личность потерпевшего (потерпевших) и убийцы;

---

[1] Богданова Л.Н. Снижение уровня убийств: реальные тенденции или укрытие? // Уголовное право. 2010. № 4. С. 118–119.
[2] Богданова Л.Н. Указ. раб. С. 119.
[3] Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений. М., 2011. С. 125.

б) выявить доказательства, свидетельствующие о мотиве преступления и посткриминального суицида.

Здесь, как указывает П. Гросс, «…синтез отдельных доказательств и исчерпывающее выяснение личных взаимоотношений потерпевшего должны дать ответ на вопрос о том, имеем ли мы дело с преступлением, вытекающим из отношений. Если на этот вопрос мы ответим утвердительно, то шансы раскрытия преступления резко возрастают»[1]. Данное наблюдение особенно важно, когда посткриминальный суицид совершается не на месте нахождения трупов потерпевших[2].

При проведении осмотра места происшествия, когда предполагается убийство с посткриминальным суицидом убийцы, необходимо искать доказательственную информацию по таким вопросам, перечень которых является примерным и может меняться в зависимости от каждого конкретного случая:

1. Что делали на месте происшествия убийца и потерпевший? (Нередко ответ на этот вопрос дают следы совместного употребления спиртных напитков, супружеской ссоры и т.п.).

2. Каким было точное местоположение перед наступлением смерти лиц, трупы которых обнаружены?

3. Кому из лиц, трупы которых обнаружены на месте происшествия, первому были причинены смертельные повреждения и что являлось орудием причинения данных повреждений?

4. Не оказывал ли убийца какую-либо помощь травмированному потерпевшему?

5. Не предпринимал ли убийца попыток скрыть совершенное преступление (спрятать тело потерпевшего, уничтожить его и т.п.)?

6. В каком месте убийца прибегнул к суициду, каким способом, в каком положении и с помощью какого орудия?

---

[1] Гросс П. Розыскные меры, принимаемые на основании результатов осмотра места происшествия при убийствах // Экспертиза при расследовании преступлений. Вильнюс, 1967. Вып. 6. С. 148.

[2] Ардашев Р.Г. О качестве протоколов осмотра трупа и места происшествия при убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителей // Закон и право. 2012. № 10. С. 78.

7. Не могло ли убийство потерпевшего (потерпевших) и суицид убийцы быть совершены с помощью одного и того же орудия (способа)?

8. Каков примерный промежуток времени между актами убийства и суицида (выясняется с помощью судебно-медицинского эксперта)?

9. Кто мог слышать или наблюдать события на месте происшествия?

10. Мог ли кто-либо еще находиться на месте происшествия, где совершить убийство двух или более человек, инсценировав убийство с посткриминальным суицидом, либо суицид нескольких человек?

11. Имеются ли признаки инсценировки убийства, суицида, и какие именно?

С целью успешного осмотра места происшествия необходимо проведение фотографирования места (а по возможности – и видеосьемки), поскольку в протоколе невозможно отразить достаточно наглядно все особенности наблюдаемой картины случившегося криминального события. С той же целью, кроме фотосьемки, требуется составление плана места происшествия, на котором надлежит запечатлеть позу и положение трупов, следов крови, орудий убийства и суицида и т.д.

Нередко подобные преступления происходят в жилище, причем преступник запирает дверь изнутри, после чего совершает убийство и посткриминальный суицид. Осмотр в таких случаях начинается с входа в помещение, где находятся трупы. Для устранения подозрений о возможной инсценировке очень важно бывает установить факт закрытой изнутри двери и окон, что позволяет сделать вывод об отсутствии постороннего влияния на изучаемую обстановку. С той же целью важен первичный опрос лица, которое первым обнаружило событие преступления, поскольку сведения об изменениях в обстановке места происшествия, сделанных до прибытия сюда следователя, могут помочь в правильной оценке события и дальнейшем направлении расследования.

Необходимо установить, что делал убийца после совершения преступления прежде, чем покончить суицидом. Это можно, в известной степени,

определить по следам обстановки места происшествия, а иногда об этом, а также о мотиве убийства и суицида говорят оставленные предсмертные письма и другие записи[1]. «Один из основных вопросов, возникающих при чтении предсмертных записок суицидентов, это вопрос о том, зачем их пишут»[2]. Такие документы позволяют: а) установить обстоятельства, входящие в предмет доказывания по совершенному убийству (убийствам); б) раскрыть преступление в ситуации, когда виновное лицо уже прибегло к суициду и не может быть привлечено к уголовной ответственности; в) определить мотив посткриминального самоубийства и др.

Так, 24 августа 2010 г. в г. Нижнем Тагиле Свердловской области одинокий инвалид Р., придя в отделение фонда социального страхования, застрелил двух работников фонда, а затем покончил с собой, оставив заранее приготовленное письмо, в котором Р. высказывал претензии по поводу отказа ему в дополнительных выплатах[3].

Иногда предсмертные письма убийц можно обнаружить в иных местах, нежели место преступления.

Например, в здании столовой г. Асино Томской области был обнаружен труп работавшей там С., имевший множественные колото-резаные повреждения. В квартире потерпевшей нашли труп ее мужа О., повесившегося на веревке, а также его письмо, в котором он объяснял совершенное убийство супруги ее «неверностью»[4].

Порой убийца перед тем, как прибегнуть к суициду, ставит в известность правоохранительные органы о совершенных преступлениях не только с помощью писем, но и другими способами.

Например, В. Гуськов (он же Владимирас Стуйна) после разрыва отношений с женой написал заявление на имя прокурора Литовской республики (1999 г.) о том, что он совершил ранее с соучастниками убийства 9 человек на территории Литвы и России. Затем Гуськов-Стуйна позвонил в полицию г. Вильнюса, сообщив на диктофонную запись о своих преступлениях, после чего убил малолетнего сына и сам повесился в личном гараже. При осмотре места происшествия обнаружили предсмертное письмо в прокуратуру.

---

[1] Китаев Н.Н., Ардашев Р.Г. Криминалистическое значение предсмертных писем убийц, покончивших суицидом // Российский следователь. 2012. № 20. С. 2–4.

[2] Амбрумова А.Г., Постовалова Л.И. Анализ предсмертных записок суицидентов // Научные и организационные проблемы суицидологи. М., 1983. С. 58.

[3] Добрынина С. Беспредел вместо перерасчета // Российская газета. 2010. 24 августа.

[4] Уголовное дело № 2007/887. Архив Асиновского межрайонного следственного отдела по Томской области, 2007.

Проверка этого документа дала подтверждение информации об убийстве Гуськовым-Стуйной в группе девяти потерпевших по корыстным мотивам, что позволило выявить и осудить сообщников этого самоубийцы в России и Литве[1].

Имеется немало примеров, когда заключенные под стражу убийцы прибегают к суициду, оставляя предсмертные записки (дело об убийстве 12 человек в станице Кущевской Краснодарского края)[2]. Здесь ценность для следователей представляет та информация, которая была ранее неизвестна правоохранительным органам, но при проверке объективно подтверждается. По наблюдениям психологов, записки, исполненные пожилыми суицидентами, часто выражают сожаление о прошлом, в то время как написанные молодыми людьми могут содержать указания на гнев или мстительность[3].

Довольно часто орудие убийства выступает и орудием самоубийства, в результате чего оно находится рядом с трупом убийцы, прибегнувшем к суициду (огнестрельное и колюще-режущее орудие). Именно соотносительное расположение трупов и орудия причинения смерти на месте происшествия позволяет следователю предположительно определить кто является потерпевшим (потерпевшими), а кто – убийцей. Тесное переплетение вопросов, разнородных по своей природе, которые приходится решать следователю при проведении осмотра, требуют кооперации знаний, почерпнутых не только из области криминалистической тактики и методики расследования убийств, но также из судебной медицины и судебной баллистики. При использовании для убийства и последующего суицида огнестрельного оружия большое значение играет определение места, откуда был произведен выстрел, и направления выстрелов, на что указывают места обнаружения стреляных гильз, пуль и иных следов действий огнестрельного оружия.

Как правило, убийцей, покончившим суицидом на месте преступления, будет определено то лицо, на трупе которого имеются признаки выстрела в

---

[1] Уголовное дело № 2-19/2001. Архив Нижегородского областного суда, 2001; Уголовное дело № 1-24/2001. Архив Вильнюсского окружного суда, 2001.
[2] Павловская Т. Наказал сам себя // Российская газета. 2011. 1 июля
[3] Современная медицинская энциклопедия / под общ. ред. Г.Б. Федосеева. СПб., 2002. С. 336–337.

упор, а рядом с телом будет находиться огнестрельное оружие. Немаловажное значение имеет определение возможности нанесения таким лицом самому себе смертельного огнестрельного ранения в определенную область тела. Осмотр может дать ответ и на вопрос: одно ли огнестрельное оружие послужило для совершения убийства (убийств) и суицида. По нашему мнению, качественному осмотру в указанных ситуациях может помочь использование следователями блок-схемы «Структура криминалистической реконструкции убийства, совершенного из огнестрельного оружия (аспекты элементов, связей, цельности)». Она включает в себя десять структурных элементов: 1) блок информации о субъектах; 2) о времени; 3) о месте; 4) об оружии; 5) относительно характеристики огнестрельного снаряда; 6) о количестве и технической характеристике выстрелов; 7) о действиях участников расследуемого события; 8) о дистанции выстрела; 9) о траектории огнестрельного снаряда; 10) о наступивших последствиях[1].

Расположение, форма и размер следов крови на трупе, его одежде и окружающих предметах позволяют определить расположение потерпевшего во время причинения повреждений, последовательность их нанесения, определить факт перемещения тела после нанесения повреждений и т.п., «…что также помогает определить, собственной или посторонней рукой причинены повреждения, обнаруженные при осмотре трупа»[2]. Иногда такие особенности следов крови позволяют выявить инсценировку суицида, что имело место по делу К., который вначале убил свою малолетнюю сестру, а потом застрелил своих родителей, создав видимость акта двойного самоубийства[3].

---

[1] Протасевич А.А., Степаненко Д.А., Шиканов В.И. Моделирование в реконструкции расследуемого события. Иркутск, 1997. С. 72–99.

[2] Матышев А.А. Определение возможности причинения повреждений собственной рукой // Осмотр места происшествия и трупа. СПб., 2011. С. 391.

[3] Протасевич А.А., Степаненко Д.А., Шиканов В.И. Кровь как структурный элемент следовой обстановки на месте происшествия. Иркутск, 1998. С. 160–162.

2.4. Особенности допросов при расследовании убийств, сопряженных с суицидом лица, совершившего преступление.

В диссертационных трудах, посвященных расследованию различных видов убийств, далеко не все авторы уделяют внимание особенностям такого самого распространенного следственного действия, как допрос.

И.В. Тимонина к специфике допроса относит «…характер убийства и механизм совершения преступления, особенности психологии преступников»[1]. С учетом условий содержания в местах лишения свободы и прохождения военной службы изложены особенности допроса осужденных и военнослужащих в исследованиях Б.Л. Прокопенко[2] и С.Ю. Рывкина[3]. Однако не получила своего достаточного развития и конкретизации тема особенностей допросов при расследовании убийств, сопряженных с суицидом виновных лиц, отдельные публикации по которой изредка встречаются в специальной литературе по уголовному процессу, криминалистике и в старых изданиях судебных медиков.

К первой особенности таких допросов можно отнести их оперативность, поскольку во-многих случаях речь идет о необходимости получения важнейшей доказательственной информации от лиц тяжелораненых и даже умирающих. Авторы научно-методического пособия советуют: «Учитывая значимость показаний жертвы, ее допрос откладывать нецелесообразно. По возможности, сразу же после поступления сообщения о происшествии, необходимо провести краткий допрос или, по крайней мере, опрос жертвы»[4]. В цитированной работе «жертвой» именуется потерпевший, но в нашем исследовании речь идет о любом тяжелораненом участнике криминальных событий. Н.А. Селиванов рекомендует список вопросов, которые нужно задавать

---

[1] Тимонина И.В. Установление заказного характера убийства и использование моделей при его расследовании: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 20.

[2] Прокопенко Б.Л. Особенности расследования и предупреждения убийств, совершенных осужденными в местах лишения свободы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. С. 20–21.

[3] Рывкин С.Ю. Особенности расследования и предупреждения убийств, совершенных военнослужащими: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 17, 18, 25.

[4] Расследование многоэпизодных убийств, совершенных на сексуальной почве: науч.-метод. пособие / под ред. А.И. Дворкина. М., 2003. С. 307.

тяжелораненому, но не упоминает про организационную сторону такого мероприятия[1]. Ф.А. Терещук пишет о поручении следователя органу дознания, который в свою очередь должен обязать медицинский персонал задать пришедшему в сознание раненому пациенту ряд необходимых вопросов[2].

Такая рекомендация на практике имеет низкую эффективность, поскольку не входит в круг обязанностей медиков. Гораздо важнее следователю незамедлительно организовать получение нужной информации от травмированного лица при деловом привлечении к данному процессу сотрудников лечебных учреждений в качестве специалистов, о чем мы уже писали[3]. В России никогда не было специальных документальных указаний об условиях производства допроса (опроса) пострадавшего в случае оказания ему первой медицинской, или специализированной помощи, включая реанимационные мероприятия[4]. На сегодняшний день в нашей стране отсутствуют нормативно-правовые акты, определяющие клинические критерии допуска представителей правоохранительных органов к травмированному лицу для проведения оперативных и следственных действий.

О доказательственном значении показаний умирающих лиц сообщали еще дореволюционные авторы. Так, Н.А. Терновский отмечал: «Заявление, данное лицом перед смертью, если оно сознавало наступающую смерть, дает возможность предполагать, что это заявление не лживо, хотя и умирающий может дать ложное показание невольно, по заблуждению… Есть однако много примеров, где больные расстаются с жизнью в здравом уме и твердой памяти»[5]. Именно такие ситуации могут иметь место, когда показания дает

---

[1] Селиванов Н.А. Допрос потерпевшего (до наступления смерти или при покушении на убийство) // Справочник следователя. М., 1990. Вып. 2. С. 354–355.

[2] Терещук Ф.А. Особенности расследования насильственных преступлений с летальным исходом потерпевшего в больнице: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2006. С. 17.

[3] Ардашев Р.Г. О конфликте интересов при необходимости опроса тяжелораненого (умирающего) // Закон и право. 2012. № 3. С. 76–77.

[4] Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 4 мая 2012 г. № 477 н // Российская газета. 2012. 23 мая.

[5] Терновский Н.А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам. Тула, 1901. С. 92–93.

травмированная жертва покушения на убийство, или лицо, совершившее парасуицид.

Нужно согласиться с авторами, указывающими на важность для следователя изучения медицинских характеристик обвиняемых, что позволяет «успешно раскрывать тяжкие преступления, совершенные в условиях неочевидности»[1]. Здесь в полной мере можно рассматривать в качестве больных тех лиц, кто совершил покушение на самоубийство, но остался в живых[2].

Медицинская психология рассматривает больного, как страдающего человека с расстройством биосоциальной адаптации и ощущением зависимости от болезни[3]. Система «болезнь–больной» имеет различные аспекты. С психологической точки зрения важнейшим вопросом здесь выступает следующий: как формируется отношение больного к своему заболеванию (травме, последствиям хирургической операции)? Врач должен учитывать не только личностные особенности больного и клинику его заболевания, но и ситуации, порожденные болезнью[4].

Для определения типа реагирования на болезнь врач выясняет наиболее значимые для больного психологические стороны заболевания и его последствий. Само выделение больным наиболее значимых компонентов может отразить его личностные особенности, характер оценки значимых для больного факторов, выражает тип его отношения к болезни. Зная это, врач получает возможность определить тип личностного реагирования пациента на болезнь. При этом нередко между больным и врачом возникают теплые, доверительные отношения[5]. Недаром «Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной систе-

---

[1] Китаев Н.Н. О возможности использования следователем медицинских характеристик арестованных обвиняемых для получения правдивых показаний // Сибирские криминалистические чтения. Вып. VIII. Иркутск, 1998. С. 20.

[2] Щерба С. Психологические особенности допроса раненых и больных потерпевших // Соц. законность. 1978. № 10. С. 55.

[3] Банщиков В.М., Гуськов В.С., Мягков И.Ф. Медицинская психология. М., 1967. С. 12.

[4] Блохин Н.Н. Деонтология в онкологии. М., 1971. С. 17–21; Галачьян А.Г. О некоторых основах целостного понимания больного. М., 1954. С. 14, 36.

[5] Бассин Ф.В. Значение переживания и проблема собственно-психологической закономерности // Вопросы психологии. 1972. № 3. С. 105–124; Шевелев Е.А. О переживании болезни // Советская психоневрология. 1936. № 4. С. 19–34.

мы» обязывает медицинские подразделения учреждений УИС осуществлять меры медицинского характера по предотвращению противоправного поведения и суицидальных попыток подозреваемых, обвиняемых и осужденных[1].

Все это необходимо учитывать и следователю, когда задержанный или арестованный убийца пытался покончить с собой, после чего ему оказывают медицинскую помощь в условиях ИВС или следственного изолятора. Известно, что психология таких хирургических больных существенно отличается от психологии больных, например, терапевтического профиля[2]. От умения врача завоевать максимальное доверие больного, полноценно собрать анамнез и провести обследование нередко зависит успех лечения. Но и следователь тоже должен стремиться завоевать доверие обвиняемого, получить от него подробные объективные показания, что гарантирует дальнейший успех расследования.

Обвиняемый, проходящий лечение в условиях лишения свободы, понимает, что его откровенность с врачом по самым острым вопросам не грозит в правовом смысле слов его будущему, чего нельзя сказать про откровенность со следователем. Однако ситуация лишения свободы, в совокупности с обострившимся течением хронического недуга, приводит многих, запиравшихся ранее обвиняемых, к деятельному раскаянию. Особенно ярко это проявляется, в частности, при показаниях к серьезным хирургическим операциям[3], что бывает в случаях парасуицида убийц. Однако на этапе получения признания вины от таких лиц многие следователи допускают распространенную ошибку – они ненадлежаще фиксируют информацию обвиняемого, не детализируют вопросы по всему предмету доказывания, не выявляют скрупулезно виновную осведомленность арестованного. В результате – через не-

---

[1] Данная Инструкция утверждена приказом Министра юстиции РФ № 72 от 20 мая 2013 г. – См.: Российская газета. 2013. 5 июня.

[2] Губачев Ю.М. Психосоматические соотношения при ишемической болезни сердца и некоторых нервно-психических заболеваниях: автореф. дис. … докт. мед. наук. Л., 1973. С. 18–23; Руфанов И.Г., Ремезова А.С. Значение психологического фактора в клинике хирургических заболеваний // Врачебное дело. 1947. № 8. С. 671–680.

[3] Китаев Н.Н. О возможности использования следователем медицинских характеристик арестованных обвиняемых для получения правдивых показаний // Сибирские криминалистические чтения. Вып.VIII. Иркутск, 1998. С. 21.

которое время обвиняемый, оправившийся от последствий покушения на суицид, обретает иное психологическое состояние, его духовный и физический кризис проходят, следует отказ от признания вины, которое должным образом не было закреплено. В подобных случаях следователю необходимо использовать раскаяние арестованного убийцы, проходящего лечение последствий покушения на посткриминальный суицид, дабы получить полные, подробные показания, позволяющие затем проверить и закрепить изобличающую правонарушителя информацию, и не зависеть впоследствии от изменения линии поведения обвиняемого. Для этого следователь должен обладать соответствующей профессиональной подготовкой, поскольку представители СИЗО, по авторитетному мнению Ю.М. Антоняна, «…совершенно не подготовлены к тому, чтобы проникнуть в душу заключенных, в ее сокровенные глубины и интимные переживания, вызвать исповедь и покаяние, а тем самым и очищение»[1].

При расследовании фактов умерщвления людей субъектами, находящимися в так называемых «исключительных состояниях» (патологическое просоночное состояние, сумеречное расстройство сознания, патологический аффект, патологическое опьянение)[2], следователь на начальном этапе работы по делу, не обладая специальными психиатрическими познаниями, не может самостоятельно диагностировать психологическую патологию, с наличием которой уголовное или уголовно-процессуальное законодательство связывает наступление правовых последствий. В то же время при получении информации о необычном поведении лица в момент совершения им противоправных действий, большое значение имеет первый допрос подозреваемого, «…который следует провести как можно раньше, «по свежим следам», пока не утрачены воспоминания об обстоятельствах случившегося и не выработана защитная линия поведения. Если подозреваемый уснул после совершения противоправных действий, надо допросить его сразу после пробуждения…

---

[1] Антонян Ю.М. О покаянии преступников // Правители преступного мира. М., 1992. С. 275.
[2] Печерникова Т.П., Доброгаева М.С. Исключительные состояния в судебно-психиатрической практике // Судебно-медицинская экспертиза. 1986. № 3. С. 43–46.

Показания вскоре после совершения противоправных деяний очень важны. Ссылки же в последующем на якобы галлюцинаторные или иллюзорные расстройства в момент правонарушения, как правило, клинически неправдоподобны»[1].

Упоминание о незамедлительности допросов лиц, умертвивших потерпевших, находясь в исключительных состояниях психики, важно в нашем случае, поскольку изучение следственной практики показывает — такие арестованные склонны прибегать к суициду, что требует назначения посмертных судебных экспертиз психики (судебно-психологической, судебно-психиатрической или психолого-психиатрической)[2].

Здесь можно назвать *вторую особенность* допросов при расследовании убийств, осложненных посткриминальным суицидом, – сбор обширного ретроспективного (свидетельского) материала о личности правонарушителей для последующего назначения названных посмертных экспертиз[3]. Следователь должен знать факторы, определяющие высокую вероятность завершенного суицида, и при осуществлении допросов свидетелей отражать необходимую информацию в протоколах. К социальным и личным факторам, определяющим высокую вероятность самоубийства, относятся: мужской пол суицидента; возраст (45 лет и старше); суицидальные попытки в прошлом; психические расстройства у членов семьи и случаи суицида (парасуицида) в семье; недавний развод или потеря супруга; социальная изоляция с реальным или предполагаемым негативным отношением со стороны родственников или друзей; алкогольная или наркотическая зависимость; недавнее унижение; значимые даты (например, годовщина смерти любимого человека); безработица или финансовые трудности, особенно если они вызвали резкое сниже-

---

[1] Доброгаева М.С. Экспертиза исключительных состояний // Социалистическая законность. 1986. № 12. С. 34–35.

[2] Ардашев Р.Г., Китаев Н.Н. Посмертные судебно-психиатрические экспертизы лиц, умертвляющих детей (аспект посткриминального суицида) // Закон и право. 2013. № 4. С. 99–100.

[3] Коченов М.М., Ефимова Н.И., Кривошеев А.С. Изучение следователем психологии обвиняемого. М., 1987. С. 46–48; Качаев А.К., Иванец Н.Н. Значение материалов уголовных дел для экспертизы исключительных состояний // Вопросы организации и проведения судебно-психиатрических экспертиз в уголовном процессе. М., 1973. С. 29–34.

ние экономического статуса; тщательное планирование самоубийства и меры, принимаемые против его обнаружения (суицид в безлюдной местности, на чердаке и т.п.)[1].

К психическим и физическим факторам, определяющим высокую вероятность завершенного суицида, относятся: депрессия с идеями самообвинения; депрессия с возбуждением, беспокойством и тревогой; чувство вины, несоответствия и безнадежности; импульсивность, жестокость; ощущение низкой ценности собственной личности; ложное убеждение в наличии онкологического заболевания, болезни сердца или другой серьезной болезни; психозы с императивными (настойчивыми, непреодолимыми) галлюцинациями, когда «голос приказывает совершить самоубийство»; использование лекарств, которые могут вызвать тяжелую депрессию, например, резерпин; хроническое соматическое заболевание, сопровождаемое интенсивными постоянными болями; болезнь, которая в прогнозе является смертельной или приводит человека в беспомощное состояние (риск увеличивается, если до этого человек был совершенно здоров)[2].

Д.П. Котов справедливо указывает, что при расследовании дел о преступлениях, когда потерпевший входил в непосредственное взаимодействие с обвиняемым, дополнительно устанавливаются значимые для правильного разрешения дела особенности его (потерпевшего) психики, проявившиеся до, во время и после совершения преступления[3]. В ситуациях расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом, такой сбор сведений о личности потерпевших возможен в основном путем допросов лиц, знавших ранее покойных. Полученная информация может быть использована при назначении посмертных судебно-психологических экспертиз, которые могут

---

[1] Современная медицинская энциклопедия /под общ. ред. Г.Б. Федосеева. СПб., 2002. С. 336.
[2] Там же. С. 336.
[3] Котов Д.П. Роль логической программы в совершенствовании доказывания обстоятельств, имеющих психологическую природу // Научные и практические проблемы уголовного судопроизводства в свете судебно-правовой реформы. Ижевск, 1989. С. 64.

установить (или опровергнуть) виктимное поведение потерпевшего, спровоцировавшее совершение преступления (убийства)[1].

Третьей особенностью проведения допросов подозреваемых (обвиняемых) в убийстве может выступать их готовность совершить суицид в обстановке следственного действия (или при подготовке к нему).

Так, оперуполномоченный Чемеровецкого РО МВД Хмельницкой области (Республика Украина) З. совершил серию убийств женщин по сексуальным и корыстным мотивам на территории Хмельницкой и Тернопольской областей. Двое потерпевших, несмотря на полученные ножевые ранения, остались живы, что позволило выявить и арестовать преступника, признавшего совершение указанных деяний. Через несколько дней после ареста З., которого вели на допрос, находясь в наручниках, применил физическую силу к своим конвоирам, разбил оконное стекло и погиб от падения из окна 7-го этажа здания Тернопольского областного управления МВД Украины[2].

В подобных случаях немаловажное значение играет деятельность самого следователя по изучению личности обвиняемого[3], когда могут стать известны сведения об агрессивности подследственного и иных его качествах, способствующих проявлению активных форм сопротивления.

Суицид лиц, подозреваемых в совершении убийств, может иметь место не только в ходе их допроса или подготовки к нему, но и при других следственных действиях.

Так, летом 2000 г. в Алтайском государственном техническом университете (г. Барнаул) были похищены поочередно пять абитуриенток, обнаженные трупы которых обнаружили случайно спустя длительное время за чертой города[4]*. По оперативной информации одним из «заподозренных» в причастности к данному преступлению был назван Александр А., ранее дважды судимый. В рамках расследуемого дела у А. в гараже провели обыск, обнаружили обрез ружья, что позволило заключить А. под стражу (ч. 1 ст. 222 УК РФ). При оперативной разработке А. заявил о своем согласии выдать ювелирные украшения, принадлежавшие исчезнувшим потерпевшим, якобы, спрятанные в одном из зданий города. При проверке показаний А. привел членов оперативно-следственной группы в подъезд одного из высотных домов, откуда внезапно выбросился в оконный проем наружу с лестнич-*

---

[1] Энциклопедия юридической психологии / под ред. А.М. Столяренко. М., 2003. С. 83–85, 163, 190.
[2] Ардашев Р.Г., Китаев Н.Н. Классификация посткриминального суицида серийных убийц // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3. С. 37.
[3] Коченов М.М., Ефимова Н.И., Кривошеев А.С., Ситковская О.Д. Изучение следователем психологии обвиняемого. М., 1987. С. 40.
[4] Сапожникова Г. Вернется ли маньяк в Барнаул этим летом? // Комсомольская правда. 2001. 26 июня.

ной площадки 8-го этажа и погиб[1]*. Его причастность к совершению убийств этих потерпевших осталась недоказанной, а преступления остались нераскрытыми*[2]*, что повлекло наказание руководителей прокуратуры Алтайского края*[3]*.«По уголовному делу № 66444 в качестве подозреваемых задерживались ряд лиц, однако, обвинение никому из них не предъявлялось»*[4]*.*

К четвертой особенности допросов относится получение показаний от убийц, которые затем совершили покушение на суицид путем самоповешения, но были вскоре извлечены из петли и возвращены к жизни. По наблюдениям судебных медиков, степень выраженности асфиксии и постасфиктических явлений находится в прямой зависимости от длительности странгуляции. При длительности странгуляции в пределах от 3–4 до 5–7 минут в постстрангуляционном периоде отмечается период бессознательного состояния, продолжающийся часами, а иногда и сутками, примерно в половине случаев имеет место амнезия (возвращенный к жизни не помнит событий совершенного преступления и покушения на суицид). В случаях суицидальных попыток, совершенных в состоянии резкого алкогольного опьянения, ретроградная амнезия обусловливается главным образом не странгуляцией, а алкогольной интоксикацией[5]. Об амнезиях после покушения на повешение писали А.С. Ильин, А.И. Ковалев, И.А. Концевич, П.М. Вроблевский, Б.А. Целибеев. Последний, отмечал, что лица, страдающие алкоголизмом, пытавшиеся повеситься, после приведения их в чувство могли не помнить о периоде, предшествовавшем повешению, многие даже не помнили о причине суицидальной попытки. «Это указывает на то, что при алкоголизме самоубийство может произойти под влиянием мимолетного аффекта, возникшего в период опьянения»[6]. Именно такие «мимолетные аффекты» имеют широкое распространение по делам об убийствах алкоголиками членов своей семьи и знако-

---

[1] Архив Индустриального РОВД г. Барнаула, 2000. Уголовное дело № 78464.
[2] Купчинский О. В Барнауле похоронили человека, похожего на маньяка // Комсомольская правда. 2000. 9 ноября.
[3] Приказ Генерального прокурора РФ № 363-К от 8 ноября 2000 г. «О наказании».
[4] Письмо зам. руководителя СУ СК РФ по Алтайскому краю № 6/601-213-20-2013 от 22 июля 2013 г. Личный архив автора.
[5] Федоров М.И. К вопросу об амнезии после странгуляционной асфиксии // Судебно-медицинская экспертиза. 1958. № 3. С. 41–44.
[6] Целибеев Б.А. Психиатрическое обследование лиц, совершивших суицидальную попытку // Судебно-медицинская экспертиза. 1966. № 1. С. 31.

мых при распитии спиртных напитков, что завершается посткриминальным суицидом.

При расследовании убийств, сопряженных с суицидом правонарушителя, нередко очевидцами криминального события являются малолетние. Так, по 134 уголовным делам указанной категории малолетние были свидетелями по 21 делу (15,6 %), а по 24 «отказным» материалам о посткриминальном суициде убийц – наблюдали событие преступления в 6 случаях (25 %). В современной юридической литературе доминирует точка зрения, что малолетние дети допрашиваются в качестве свидетелей в условиях явного дефицита доказательств, по наиболее сложным уголовным делам[1]. М.М. Коченов и Н.Р. Осипова сообщают, что в подавляющем большинстве случаев малолетние допрашиваются по делам о насильственных преступлениях: убийствах, нанесении телесных повреждений, изнасилованиях, совершении развратных действий (в двух последних случаях обычно в качестве потерпевших). Гораздо реже малолетние дети выступают свидетелями по делам о грабежах, разбоях и некоторых иных преступлениях[2].

Показания детей издавна были предметом дискуссий для криминалистов. Так, Н.А. Терновский писал: «Показания эти не достоверны, потому что дети не имеют достаточной степени разумения смысла присяги и не понимают того, что говорят…, а кроме того, посторонние лица могут оказать на них слишком большое влияние… Но, с другой стороны, перед взрослыми дитя имеет много преимуществ: оно еще непорочно, не научилось в школе жизни хитрить, лицемерить, продавать свою совесть и упорно запираться, не краснея, несмотря ни на какие улики»[3].

По данным возрастной психологии, у детей умение строить самостоятельный рассказ начинает проявляться примерно в 5 лет. Наиболее устойчи-

---

[1] Галимов О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве. СПб., 2001. С. 120; Скичко О.Ю. Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии. М., 2006. С. 19.

[2] Коченов М.М., Осипова Н.Р. Психология допроса малолетних свидетелей. М., 1984. С. 4.

[3] Терновский Н.А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам. Тула, 1901. С. 93.

вы, надежны и точны показания детей о действиях людей. В возрасте от 3 до 5 лет ребенок нередко уже способен правильно сообщить, что делали люди в наблюдаемой им ситуации. Начиная примерно с шести лет дети овладевают способностью к описанию действий, т.е. более подробной их характеристике.[1] Мы разделяем точку зрения В.Н. Китаевой о том, что малолетних, ставших очевидцами преступления, следует допрашивать всегда, когда для этого существует возможность. При этом в ходе подготовки к допросу малолетнего необходимо допросить законных представителей, иных взрослых лиц, располагающих информацией о личности ребенка. Для определения тактики допроса и последующей оценки показаний малолетнего важно установить особенности восприятия, внимания, памяти, воображения, речи, мышления малолетнего свидетеля (потерпевшего)[2]. В то же время «…при постановке детализирующих вопросов следует избегать чрезмерной настойчивости, т.к. это может привести к даче неверного ответа»[3].

Так, в апреле 2011 г. в г. Новокузнецке Кемеровской области была убита с особой жестокостью малолетняя Г. Подозреваемый Т., задержанный за совершение данного преступления, показал, что деяние совершено им в состоянии алкогольного опьянения, после чего был помещен в камеру ИВС, где повесился. Единственным очевидцем случившегося являлся 9-летний Владислав К. (внук подозреваемого), который при допросе с участием психолога дал подробные показания, получившие полное подтверждение в процессе расследования. Для проверки объективности показаний К. проводилась комиссионная психолого-психиатрическая экспертиза[4].

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Умирающего потерпевшего по делу об убийстве или умирающего подозреваемого-суицидента, находящихся в медицинском учреждении и способных давать показания, необходимо безотлагательно допросить.

2. Допрос задержанного, находящегося под стражей подозреваемого, обвиняемого по делу об убийстве и совершившего парасуицид, необходимо

---

[1] Коченов М.М., Осипова Н.Р. Психология допроса малолетних свидетелей. М., 1984. С. 16.
[2] Китаева В.Н. Животные и преступления: уголовно-правовое и криминалистическое исследование. Иркутск, 2010. С. 202.
[3] Китаева В.Н. Указ. раб. С. 204.
[4] Архив СО по г. Новокузнецку СУ СК РФ по Кемеровской области, 2011. Уголовное дело № 11240248. Т. 1. л.д. 32–35, 255-258. Подробнее о судебных экспертизах психики по делам указанной категории говорится в главе 3 настоящей работы. – *Прим. авт.*

произвести сразу после того, как станет известно от медицинского персонала СИЗО, что он может давать показания. Чем меньше временной промежуток между покушением на суицид и допросом, тем высока вероятность получения наиболее полной и правдивой информации.

3. По делам об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом убийцы, необходимо допрашивать в качестве свидетелей лиц, знавших суицидента в разные годы его жизни, начиная с рождения. Это необходимо для сбора максимально полной информации об индивидуально-психологических особенностях убийцы-суицидента с целью последующего назначения посмертной психолого-психиатрической экспертизы.

4. По делам об убийствах изучение личности подозреваемого, обвиняемого должно включать в себя получение следователем информации как оперативным, так процессуальным путем, о фактах парасуацида подследственного, о высказывании им мыслей о самоубийстве и пр. в целях профилактики суицида данного лица в ходе производства по уголовному делу.

5. Малолетних свидетелей-очевидцев по делу об убийстве, сопряженным с поскриминальным суицидом правонарушителя, необходимо допрашивать всегда, когда для этого существует возможность (ребенок способен строить связный рассказ, психически здоров, его психическое и физическое состояние позволяет давать показания).

Полагаем, знание указанных особенностей допросов может оказать существенную пользу следователям при работе по делам названной категории.

2.5. Взаимодействие следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, при выявлении и расследовании убийств, сопряженных с суицидом виновного лица

Установление и розыск преступника, совершившего убийство, является первоочередной и нередко одной из самых трудных задач расследования. Значительная социальная опасность убийств и большие трудности, с которыми нередко связано их расследование, требуют, как правило, совместных

усилий следователя и сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, обязанных незамедлительно принимать меры к розыску преступника и его изобличению. При этом практическое значение взаимодействия оперативных работников[1] и следователя заключается в том, что процессуальная деятельность следователя без применения непроцессуальных методов (оперативно-розыскных мероприятий) являлась бы малоэффективной, а зачастую невозможной. Оперативно-розыскная деятельность без дальнейшего использования ее результатов в уголовном процессе сама по себе бесцельна[2].

Проблему взаимодействия следователя с полицией и основанные на законе пути ее решения затрагивал еще Ганс Гросс: «Правильное положение полиции будет отведено в том случае, если судебный следователь не будет себя ни возвышать, ни унижать перед полицией и, в интересах дела, будет работать с ней рука об руку, будет постоянно сообщать ей о новых обстоятельствах, добытых им…Он должен самым настойчивым образом требовать и поставить дело так, чтобы руководство и направление действиями полиции всецело перешло к нему, чтобы ничто не происходило без его ведома и чтобы все его поручения исполнялись по его указаниям. С таким положением всякий верный своему долгу полицейский чиновник охотно и добровольно согласится, а это лишь послужит на пользу делу правосудия»[3].

Различным аспектам взаимодействия оперативно-розыскных и следственных подразделений посвящено немало научных работ, вышедших в свет за последние полвека. В широком смысле слова, как это толкуют лингвисты, взаимодействием называется «…взаимная связь и поддержка, согласованность действий, направленных на достижение определенной цели»[4]. Хотя в понятийном аппарате УПК РФ, Законов РФ «Об оперативно-

---

[1] Оперативный работник (оперативный сотрудник) – должностное лицо оперативно-розыскного органа, непосредственно полностью или частично осуществляющее оперативно-розыскную деятельность. См.: Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная энциклопедия. М., 2004. С. 187–188.
[2] Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991.С. 80.
[3] Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. 22.
[4] Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1992. С. 71.

розыскной деятельности», «О полиции», «Об органах Федеральной службы безопасности Российской Федерации» нет термина «взаимодействие», из смысла и содержания законов прямо вытекает необходимость согласованных действий между сотрудниками следственных и оперативно-розыскных подразделений.

Существуют разные дефиниции такого взаимодействия. В.И. Жиляев под последним понимал «согласованную деятельность следователя при расследовании преступлений с органом дознания, предполагающую рациональное сочетание процессуальных и оперативных действий, осуществляемых каждым из них в соответствии со своими функциями в пределах представленных им по закону полномочий»[1]. Аналогичное по сути определение взаимодействия дает И.Ф. Герасимов[2]. А.Н. Васильев считал, что взаимодействие следователей и органов дознания есть тактический прием расследования преступлений, основанный на научной организации труда[3]. Он относил к тактическому приему такого взаимодействия: 1) выявление с помощью оперативно-розыскного действия необходимости провести следственное действие; 2) создание благоприятных условий для следственного действия; 3) параллельное сопровождение следственного действия; 4) развитие результатов следственного действия.

К. Бегалиев и В.И. Попов представляли такое взаимодействие, как метод расследования, в процессе которого находят применение различные тактические приемы оказания следователю помощи оперативными средствами[4]. Н.А. Аменицкая полагает, что взаимодействием следователей и оперативно-розыскных органов (в органах внутренних дел) называется «…основанная на законе и подзаконных актах взаимная, согласованная по цели деятельность с использованием особых полномочий, методов и форм, присущих каждой из

---

[1] Жиляев В.И. Взаимодействие органов следствия и дознания при раскрытии и расследовании тяжких преступлений // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 23. Киев, 1981. С. 11.
[2] Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975. С. 125.
[3] Васильев А.Н. Тактика отдельных следственных действий // Соц. законность. 1977. № 6. С. 61.
[4] Бегалиев К., Попов В.И. Теоретические вопросы осмотра места происшествия // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 39. М., 1983. С. 60.

взаимодействующих сторон, в системе, имеющей главным направлением деятельности выявление лица, совершившего преступление, и достоверное установление его виновности для решения судом вопроса о его справедливом наказании»[1].

Существуют и другие определения, изучив которые, Н.П. Фролкин и В.Ф. Козлов вычленили признаки взаимодействия следственных и оперативно-розыскных подразделений:

1) согласованность деятельности следственных и оперативно-розыскных подразделений по цели – решение задач уголовного судопроизводства (выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступления);
2) подчиненность деятельности следственных и оперативно-розыскных подразделений единому замыслу;
3) деятельность следственных и оперативно-розыскных подразделений должна быть основана на нормах права, изложенных в нормативных правовых актах (как законодательных, так и подзаконных);
4) оптимальность использования средств и методов, присущих каждому из субъектов взаимодействия[2].

Как справедливо указывает А.Ф. Козусев, взаимодействие следователей и оперативно-розыскных подразделений не означает служебного подчинения, слияния процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. «Каждый из них продолжает оставаться самостоятельным органом, действуя в строгом соответствии со своей компетенцией. Несмотря на общность задач по раскрытию преступлений, средства и методы, используемые ими для решения, неодинаковы»[3].

Основной уголовно-процессуальной формой взаимодействия следователя с органами дознания законодатель называет письменное поручение сле-

---

[1] Аменицкая Н.А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в раскрытии и расследовании преступлений (в ОВД): дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 30.

[2] Фролкин Н.П., Козлов В.Ф. К вопросу о понятии взаимодействия следственных и оперативно-розыскных подразделений при расследовании преступлений // Оперативник (Сыщик). 2010. № 4 (25). С.18.

[3] Козусев А. Надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности // Законность. 1997. № 2. С. 20.

дователя (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), а также привлечение должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, к работе следственной группы (ст. 163 УПК РФ), и участие этих субъектов в следственном действии (ч. 7 ст. 164 УПК РФ).

Согласованную и целенаправленную деятельность оперативных работников и следователей надлежит рассматривать в качестве «динамично развивающейся структуры тактического комплекса соответствующих действий»[1]. Такая совместная деятельность на стадиях возбуждения уголовного дела и первоначального этапа расследования, в большинстве случаев, осуществляется в ситуациях отсутствия полной информации об обстоятельствах совершения преступления и ограниченности времени[2].

На первоначальном этапе расследования убийств, сопряженных с суицидом правонарушителя, при взаимодействии следователя с органами дознания могут решаться следующие задачи: 1) выявление сведений о личности потерпевшего (потерпевших) и убийцы; 2) установление очевидцев, могущих наблюдать акты убийства и суицида, а также лиц, появившихся на месте происшествия до прибытия туда работников правоохранительных органов[3]; 3) при отсутствии на месте происшествия трупа правонарушителя, орудий преступления и ценностей, принадлежавших потерпевшему – организация розыска предметов и преступника (при установлении его личности); 4) сбор и проверка другой информации, необходимой для выдвижения версий.

Как указывалось ранее, при расследовании убийств нередко одной из самых трудных задач, стоящих перед сотрудниками правоохранительных органов, является установление личности подозреваемого и его розыск[4]. Для

---

[1] Бертовский Л.В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2005. С. 40.

[2] Травкин Е.А. Взаимодействие следователей Следственного комитета Российской Федерации с органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 14.

[3] Вопрос требует определенного оперативного мастерства, т.к. хищение орудий преступления и ценностей с места происшествия может осуществляться соседями убитых потерпевших, сослуживцами и иными лицами, не имеющими причастности к убийству, а подобное изменение обстановки места происшествия влечет выдвижение ложных версий. –*Прим. авт.*

[4] Котов В.В. Организационные и тактические основы взаимодействия следователя и органов дознания при производстве отдельных следственных действий: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 27.

этого следователь должен обладать определенными фактическими данными: собранными доказательствами и оперативно-розыскной информацией, полученной от органов дознания. Такая информация позволяет выдвигать версии: о случившемся событии, о том среди какого контингента надлежит искать скрывшегося преступника, кто это может быть, и где он находится[1]. При розыске преступников, совершивших акты насилия, важно знать, куда подастся убийца после совершения преступления. В ряде случаев такой преступник уединяется в безлюдное место (лесной массив, чердак здания, берег водоема), где совершает самоубийство. В некоторых случаях убийца уходит домой, туда, где чувствует себя всего уверенней, «причем это не обязательно должен быть собственный дом»[2]. При наличии оперативной информации в отношении такого лица, ее проверка должна быть качественно проведена и в ситуации суицида проверяемого.

Так, 5 ноября 2011 г. в квартире с. Большой Антибес Маринского района Кемеровской области были убиты из огнестрельного оружия Ч. и Ш., а 14 ноября 2011 г. в подъезде жилого дома г. Тайга Кемеровской области покончил жизнь выстрелом из обреза О., приехавший к своей взрослой дочери. В ходе оперативно-розыскных и следственных действий было достоверно установлено, что преступление совершено именно О. по мотивам личной неприязни[3].

Криминалистическая версия в процессе расследования преступлений по своей природе является специфической разновидностью частной научной гипотезы[4]. В рассматриваемом аспекте она включает в себя мысленную модель, основанную на описании физических, психологических и социальных признаков виновного, его возможных посткриминальных действий[5].

---

[1] Жиляев В.И. Взаимодействие органов следствия и дознания при раскрытии и расследовании тяжких преступлений // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 23. Киев, 1981. С. 11–15.

[2] Гросс П. Розыскные меры, предпринимаемые на основании результатов осмотра места происшествия при убийствах // Экспертиза при расследовании преступлений. Вып. 6. Вильнюс, 1967. С. 154–155.

[3] Архив СО по г. Мариинску СУ СК РФ по Кемеровской области, 2012. Уголовное дело № 1114153.

[4] Власенко В.Г. Криминалистическая версия и ее значение для раскрытия и расследования преступлений // Становление правового порядка в Российском государстве: реальность и перспектива. Саратов, 1995. С. 201.

[5] Донцов В.В. Теоретические и методические основы установления лица, совершившего убийство: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1989; Селиванов Н. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Соц. законность. 1977. № 2. С. 56–59; Соя-Серко Л. Программирование расследования // Соц. законность. 1980. № 1. С. 50–51.

Существуют методики, основанные на принципах математического моделирования личности убийцы по данным о способе совершения преступления и личности потерпевшего, однако качество данного вероятностно-статистического моделирования нельзя назвать высоким[1].

Представляются заслуживающими интереса сообщения о создании компьютерной программы «ФОРВЕР-Следователь» (г. Нижний Новгород), с помощью которой можно рассчитать условную вероятность признаков лица, совершившего убийство, что позволяет расположить версии по степени их вероятности, поставив наиболее вероятные на первое место[2]. Это является важным, поскольку «…на практике следователи зачастую не определяют конкретно направленность розыскной работы, а работники уголовного розыска поиск преступника ведут бессистемно, без учета следственной информации»[3].

По делам об убийствах, где подозреваемый скрылся с места происшествия, а позднее прибегнул к суициду, возможны два варианта: а) личность убийцы установлена и он объявлен в розыск; б) личность преступника не известна[4]. В последнем случае факт самоубийства такого лица может быть воспринят правоохранительными органами без связи с нераскрытым убийством[5].

Для оценки значимости подобных явлений достаточно привести статистические сведения МВД РФ за 2009–2012 гг. Так, в 2009 г. в России по причине не установления лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответ-

---

[1] Видонов Л.Г. Криминалистическая характеристика убийств и система типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев. Горький, 1978; Зеленковский С.П. О вероятностно-статистическом моделировании признаков лица, совершившего убийство // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 25. Киев, 1982. С. 21–25; Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. М., 1996. С. 116–127; Тимофеева А.В. Криминалистическое моделирование неизвестного преступника по признакам и свойствам, отображаемым в следах преступления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.

[2] Толстолуцкий В.Ю., Шувалова А.М. Выдвижение версий с помощью компьютерной программы «ФОРВЕР» // Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 23 мая 2013 г.). В 2 ч. Часть 2. М., 2013. С. 357–361.

[3] Кравцев В. Умышленные убийства: состояние тревожное // Соц. законность. 1990. № 11. С. 7.

[4] Ардашев Р.Г. О качестве протоколов осмотра трупа и места происшествия при убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителей // Закон и право. 2012. № 10. С. 85.

[5] См.: Дамов Ю.В. Правовые и организационно-тактические вопросы раскрытия аппаратами уголовного ро-розыска умышленных убийств: дис. … канд. юрид. наук. М. 1987. С. 67; Фирсов Г.Е. Организационно-тактические основы раскрытия убийств прошлых лет органами внутренних дел: дис. … канд. юрид. наук. М., 1975. С. 49.

ственности (ст. 105 УК РФ) приостановлено производством 1841 дело, в 2010 г. – 1810 дел, в 2011 г. – 1791 уголовное дело. В 2009 г. в РФ приостановлено за розыском скрывшихся преступников (ст. 105 УК РФ) – 258 дел, в 2010 г. – 224 дела, в 2011 г. – 245 дел[1]. В 2012 г. по России осталось нераскрытым 1528 уголовных дел (ст. 105 УК РФ) и приостановлено производством за розыском подозреваемых 211 дел названной категории[2]. В то же время сбор информации по фактам суицида лиц, совершивших убийства, не предусмотрен в рамках действующих форм федерального статистического наблюдения и ведомственных форм статистической отчетности в системе МВД РФ. Это означает, что даже когда убийства с последующим суицидом виновного лица совершаются в условиях очевидности, то статистических сведений о таких деяниях нет, как в региональных информационных центрах, так и в МВД РФ[3].

По данным Генеральной прокуратуры РФ «...показатели о количестве уголовных дел по ст. 105 УК РФ, прекращенных по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и приостановленных производством по пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, в указанной форме статистической отчетности не выделяются»[4].

По сведениям Главного информационно-аналитического центра МВД РФ, за 2016 г. остались нераскрытыми 932 убийства и покушений на убийство, а всего в результате преступных посягательств в стране погибло 29,2 тыс. человек.

Согласно проведенными нами опросу руководителей структур уголовного розыска в 41 субъекте РФ[5], в 40 подразделениях уголовного розыска не

---

[1] Письмо заместителя начальника управления по взаимодействию с институтами гражданского общества и СМИ МВД РФ Ельникова О.М. № 23/2067 от 05 октября 2012 г. Личный архив автора.

[2] Письмо заместителя начальника «ГИАЦ МВД России» А.В. Бушуева № 34/1-К-306 от 20 августа 2013 г. Личный архив автора.

[3] Письмо начальника Центра статистической информации «ГИАЦ МВД России» И.В. Дурыгиной № 3/177708732110 от 19 июня 2017 г. Личный архив автора.

[4] Письмо помощника Генерального прокурора РФ Трушкиной О.А. № 11-8699-14/140940 от 16 июля 2014 г. Личный архив автора.

[5] Опрос проводился в областях – Амурская, Астраханская, Белгородская, Волгоградская, Еврейская автономная, Иркутская, Кемеровская, Курганская, Липецкая, Мурманская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Сахалинская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Челябинская; краях – Алтайский, Забайкальский, Красноярский, Приморский, Ставропольский; рес-

уделяется должного внимания моделированию такого поведения виновного лица, как его возможный посткриминальный суицид, при составлении планов оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию убийств и розыску скрывшихся подозреваемых.

Одновременно в ряде мест наблюдаются случаи, когда скрывшийся убийца прибегает затем к суициду спустя весьма длительное время после содеянного, находясь в другом районе или субъекте РФ (Информация из 9 регионов страны).

Только в управлении МВД России по Белгородской области (из числа вышеназванных структур) сотрудниками уголовного розыска во взаимодействии с экспертно-криминалистическим центром управления МВД на постоянной основе проводится дактилоскопирование трупов самоубийц и изъятие у них биологических образцов с целью дальнейшего сравнения со следами, изъятыми с мест нераскрытых убийств, для проверки причастности указанных лиц к совершению данной категории преступлений[1].

С учетом изложенного представляется перспективным при раскрытии и расследовании убийств учитывать фактор возможного посткриминального суицида скрывшегося преступника, что требует соответствующей проверки самоубийц (в первую очередь в районе совершенного убийства) на причастность к расследуемому преступлению[2].

Одним из направлений такой проверки является установление индивидуальной социально-психологической характеристики суицидента, а также определение факта его возможного прежнего контакта с потерпевшим (родственник, сослуживец, знакомый).

Анализ следственной и судебной практики по данной категории уголовных дел позволил создать типичный портрет убийцы-суицидента, который является взрослым мужчиной (старше 18 лет), имеющим импульсивный

публиках – Калмыкия, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Тыва, Удмуртия, Хакасия, Чеченская, Чувашия; автономных округах: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий. – *Прим. авт.*

[1] Письмо и.о. начальника полиции УМВД РФ по Белгородской области В.Н. Жигайло от 6 июня 2012 г. № 4/К-18. Личный архив автора.

[2] См.: Параграф 2 главы 3 настоящей работы.– *Прим. авт.*

характер, склонным к физической агрессии, к употреблению спиртных напитков или наркотических веществ, ранее судимым. Зачастую такие лица состоят на учете у психиатров и наркологов, ранее высказывали окружающим (родным, знакомым) мысли о расправе с ними и о собственном суициде, преступные деяния с последующим самоубийством совершают, как правило, в состоянии опьянения.

Показательно, что в ряде диссертационных исследований и специальных работ, посвященных оперативному сопровождению предварительного расследования, нет упоминания о мерах, которые органы дознания обязаны предпринимать для предотвращения суицида обвиняемых (подозреваемых) в процессе производстве следственных действий[1]. Так, Р.В. Зимин в общих чертах называет проблемы применения органами дознания мер принуждения в связи с оказанием содействия следователю при производстве предварительного следствия, но ситуация возможного суицида обвиняемого не указывается[2]. В.В. Котов упоминает, что органам дознания может быть поручено производство факультативных операций, разрешенных при производстве следственного действия, но не входящих в его содержание, в частности – обеспечение безопасности следователя и других участников[3]. О нарушениях такой безопасности, влекущих суицид подозреваемых, указано в предыдущем параграфе.

При проведении оперативно-розыскных мероприятий по делам об убийствах, сопряженных с суицидом (покушением на суицид) виновного ли-

---

[1] Быстряков Е.Н. Криминалистические и организационные основы деятельности следователей, органов дознания и сведущих лиц на первоначальном этапе расследования тяжких преступлений против личности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1988; Каплан Л.С. Взаимодействие следователя с органами дознания: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2000; Чайка А.Ю. Организация взаимодействия органов предварительного следствия и дознания по расследованию и раскрытию преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002; Халиков А. Оперативное сопровождение предварительного расследования // Законность. 2004. № 8. С. 25–27.

[2] Зимин Р.В. Содействие органов дознания следователю при производстве предварительного следствия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 20–21.

[3] Котов В.В. Организационные и тактические основы взаимодействия следователя и органов дознания при производстве отдельных следственных действий: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 22.

ца, важнейшую роль могут иметь результаты опроса, своевременно проведенного оперативными работниками.

Оперативная, следственная, судебная и медицинская практика знает немало примеров, когда человек, получивший тяжелые телесные повреждения в условиях неочевидности, имел возможность сообщить про обстоятельства, при которых он был ранен, а затем наступала его смерть[1]. Сказанное относится и к так называемым «абсолютным смертельным повреждениям»[2]. В подобных ситуациях оформление протокола допроса травмированного не представляется возможным, поскольку само уголовное дело еще не возбуждено.

Специалистами описаны случаи железнодорожной травмы, когда тела потерпевших были практически полностью разделены на верхнюю и нижнюю половины на уровне нижней части живота или таза. Отмечалось своеобразное состояние кровеносных сосудов в области расчленения: они были размозженными, со слипшимися затромбированными просветами, что позволяло организму сохранять определенное кровяное давление, обеспечивающее деятельность головного мозга. Продолжительность жизни после таких травм составляла от 40 до 220 минут, сознание сохранялось от 25 до 60 минут. Смерть наступала от травматического шока на фоне острой кровопотери. Травмированные могли давать достаточно обстоятельные пояснения о мотивах суицидальной попытки (обстоятельствах несчастного случая)[3].

В Российской империи при проведении дознания и следствия составлялся «Особый акт спроса умирающего», куда заносилась информация, по-

---

[1] Продль Г. Преступление без наказания. М., 1981. С. 15.

[2] См., например: Байковский С.Б. Способность к действию при безусловно смертельном повреждении // Вопросы теории и практики судебной медицины. Чита, 1959. С. 85–87; Призов В.С., Андрейкин А.Б. Способность к активным действиям при смертельных механических повреждениях // Судебно-медицинская экспертиза. 1988. № 1. С. 50; Прошутин В.Л., Ковалев С.И. Случай сохранения способности к активным действиям при смертельной черепно-мозговой травме // Актуальные аспекты судебной медицины. Ижевск, 1992. С. 87–88 и др.

[3] Воробьев Ю.В., Стрелец Н. Н. Способность к активным действиям при железнодорожной травме, несовместимой с жизнью // Судебно-медицинская экспертиза. 1981. № 1. С. 55; Ляшенко В.Е. К вопросу о продолжительности жизни при абсолютно смертельных повреждениях: сборник тр. научного общества судебных медиков и криминалистов Казахстана. Алма-Ата, 1961. Вып. 4. С. 34; Молин Ю.А. Способность к самостоятельным целенаправленным действиям при повреждениях груди, живота, таза, конечностей // Осмотр трупа на месте его обнаружения. СПб., 1997. С. 229.

лученная при опросе раненого человека (потерпевшего, правонарушителя). Сам опрос производился в присутствии понятых[1].

В настоящее время имеется ряд серьезных исследований, посвященных опросу в оперативно-розыскной и следственной деятельности, но опросу тяжелобольного (умирающего) наиболее подробно посвящена лишь работа Ф.А. Терещука, который пишет, что следователь должен дать органу дознания конкретное и обстоятельное поручение организовать наблюдение за тяжело больным, даже находящимся в реанимации. «В этой связи орган дознания должен постоянно производить внутреннее и внешнее наблюдение. Внутреннее наблюдение должно производиться с помощью медицинского персонала, работающего непосредственно с потерпевшим. По просьбе оперативных работников медицинский персонал должен прислушиваться к тому, что говорит больной, находясь в бессознательном состоянии, записывать произнесенные потерпевшим слова, полученную информацию передавать представителю дознания или следователю. Если умирающий временно приходит в сознание, то медицинский персонал должен попытаться задать ему ряд необходимых для следствия вопросов, заранее рекомендованных следователем»[2].

Нужно отметить, что настоящие рекомендации не основаны на каких-либо нормативных документах и в оперативно-следственной практике, как правило, не исполняются. Персонал медицинских учреждений (претерпевших за постсоветский период ряд «реформ»), просто не в состоянии выполнять данные «поручения» оперативных работников, не входящие в круг служебных обязанностей медиков. В подобных случаях неоценимую помощь для установления обстоятельств случившегося может оказать своевременный опрос травмированного лица, проведенный сотрудником правоохранительных органов. Здесь нередко возникают препятствия в виде противодействия

---

[1] Краткий наказ прокурора Иркутской Судебной Палаты по раскрытию преступлений и обнаружению виновных. Иркутск, 1898. С. 11–12, 20.

[2] Терещук Ф.А. Особенности расследования насильственных преступлений с летальным исходом потерпевшего в больнице: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2006. С. 17.

такому опросу со стороны медицинских работников, которые «запрограммированы» на демонстрацию своей ведомственной значимости.

В России никогда не было и нет специальных указаний об условиях производства опроса пострадавшего, в случае оказания ему первичной медицинской, или специализированной медицинской помощи. Таких исследований и, соответственно, публикаций нет в отечественной литературе по ОРД, криминалистике и судебной медицине. На нынешний день в России отсутствуют нормативно-правовые акты, определяющие клинические критерии допуска представителей правоохранительных органов к травмированному лицу для проведения оперативных и следственных действий[1]. В подобных ситуациях многое зависит как от позиции медицинских работников, так и от настойчивости, изобретательности представителей правоохранительных служб. Необходимо отметить, что диагностические ошибки врачей в отношении пациентов, умерших впоследствии от травм, чаще всего происходят из-за недостатка времени для обследования и несовершенства средств медицины, несколько реже по неопытности медиков[2].

Л.А Китаев-Смык, специально изучавший психологию умирающих людей, отметил, что на данный контингент влияют внутренние физиологические предсмертные преобразования в организме и продолжающееся общение с окружающими людьми. При этом на определенной стадии умирания происходит быстрый мысленный обзор своей жизни, вызывающий чувство удовлетворения либо раскаяния[3]. Именно эти состояния делают умирающего максимально откровенными при словесном общении с окружающими людьми[4], что должны учитывать сотрудники органов дознания. О таких ситуациях

---

[1] Письмо ректора Пензенского Института усовершенствования врачей Минздравсоцразвития России А.И. Кислова № 430 от 25 июня 2012 г. Личный архив автора.

[2] Эдель Ю.П. Исследование причин ошибочной диагностики смертельных травм (по судебно-медицинским материалам) // Судебно-медицинская экспертиза. 1958. № 4. С. 34–36.

[3] Китаев-Смык Л.А. О стрессе умирания // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 121, 124.

[4] Терновский Н.А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам. Тула, 1901. С. 92–93.

получения признания от умирающих в совершении убийств, числящихся нераскрытыми, писал еще Г. Шнейкерт[1].

В одно из медицинских учреждений г. Иркутска поступил В., имевший колото-резаное ранение сердца. Потерпевший находился в сознании, разговаривал, просил вызвать сотрудника милиции, которому он хотел назвать сведения о лице, причинившем данную травму. Появившегося работника уголовного розыска врачи не допустили к раненому, мотивируя это «тяжелым состоянием» потерпевшего. После хирургической операции В. скончался, не приходя в сознание. Понадобилось более трех лет, чтобы установить личность преступника, который затем был осужден к длительному лишению свободы[2].

Из 56 опрошенных нами оперативных сотрудников УМВД РФ по Иркутской области, принимавших участие в работе по фактам убийств и суицида, 14 человек (25 %) сообщили: они столкнулись с категоричным запретом медиков по опросу тяжелораненых, что завершилось впоследствии смертью травмированных, усугубившей процесс установления обстоятельств преступления и покушения на суицид с летальным исходом

Заслуживает внимания практика сотрудника уголовного розыска Ф. (г. Иркутск), который постоянно выезжал на раскрытие насильственных преступлений, где имелись раненые потерпевшие. Он добивался того, что вместе с бригадой «скорой помощи» сопровождал в автомашине раненого до больницы. За это время Ф. успевал в ходе опроса получить от потерпевшего важную информацию о случившемся, что позволяло раскрыть преступление, даже если раненый: а) умирал в больнице; б) давал после выздоровления ложные показания[3].

Указанная проблема конфликта интересов медиков и правоохранительных сотрудников не является неразрешимой и не служит непреодолимым препятствием для срочного получения информации от травмированных лиц в ситуациях существенной неопределенности картины события. Одним из главных факторов решения проблемы здесь выступает повышение профессионализма оперативных сотрудников и привлечение ими к проведению опроса пациентов врачей в качестве специалистов с самого начала оказания медицинской помощи.

---

[1] Шнейкерт Г. Тайна преступника и пути к ее раскрытию. М., 1925. С. 61–62.
[2] Архив Ленинского районного суда г. Иркутска. Уголовное дело № 2-112/89.
[3] Пример взят из анкет, по которым нами были опрошены 56 сотрудников органов полиции Иркутской области. – *Прим. авт.*

ГЛАВА 3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ, ОСЛОЖНЕННЫХ СУИЦИДОМ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

3.1. Участие специалистов при розыске трупов в водоемах

В последние 15 лет на фоне общего роста преступности в Российской Федерации наблюдается значительное увеличение числа дел, возбуждаемых в связи с исчезновением граждан или дел о так называемых убийствах «без трупа». Количество лиц, объявленных в розыск как без вести пропавших, имеет тенденцию к росту[1].

В п. 38 ст. 5 УПК РФ дается понятие розыскных мер, определены участники их проведения: дознаватель, следователь, а также орган дознания по поручению дознавателя и следователя, указан объект розыскных мер – «лицо, подозреваемое в совершении преступления». Однако перечень объектов розыскных мероприятий не ограничивается только подозреваемым. Р.С. Белкин указывал, что к числу объектов, подлежащих розыску, могут относиться: 1) люди – подозреваемые, обвиняемые, осужденные, бежавшие из мест лишения свободы или с предписанного места жительства; потерпевшие; свидетели; 2) трупы и их части; 3) иные объекты[2]. В статьях 2 и 7 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» прямо названо осуществление розыска без вести пропавших лиц, а среди оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий указаны ставшие известными органам, осуществляющим ОРД, сведения о лицах, без вести пропавших, и об обнаружении неопознанных трупов.

Поиск трупов убитых (или пропавших без вести лиц) проводится на основании оперативной и следственной информации, которая часто лишена конкретности и только приблизительно позволяет определить границы

---

[1] Килессо Е.Г. Методика расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего: первоначальный этап расследования: дис. … канд юрид. наук. СПб., 2004; Корчагин А.А. Расследование убийств, связанных с исчезновением лиц женского пола: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Барнаул, 2003; Мальцев А.С. Особенности расследования убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2012.

[2] Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2. Частные криминалистические теории. М., 1997. С. 218–219.

участка (акватории водоема или территории суши), где предстоят поиски[1]. Для этой цели нередко привлекается большое количество участников и технических средств[2].

Розыск лиц, пропавших без вести, осуществляется одновременно с проверкой версий об их убийстве, похищении, несчастном случае. Анализ практики свидетельствует, что между числом граждан, разыскиваемых как пропавших без вести, и числом неопознанных трупов существует очевидная взаимосвязь. Многие из разыскиваемых стали жертвами преступлений, несчастных случаев или прибегли к суициду[3].

Проблеме использования специальных знаний при изобличении убийц, прибегающих к сокрытию трупов и следов преступления в целом, посвящен ряд работ[4]. Т.Н. Алешкина в частности, указывает на использование трупоискателя-газоанализатора «Поиск-1», а также георадаров «Гея», «Зонд», обеспечивающих зондирование различных сред, грунтов и воды на глубинах от 0,5 до 20 метров[5]. Необходимо отметить, что в трудах по криминалистике и оперативно-розыскной деятельности не получила должного освещения тема использования специальных знаний при розыске трупов людей в водоемах. В контексте нашего исследования данная тема особенно актуальна потому, что некоторые убийцы не только пытаются скрыть тела жертв в водоемах, но и сами прибегают к посткриминальному суициду путем утопления.

В соответствии со ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную дея-

---

[1] Трофимов А.А. О практике расследования уголовных дел об убийствах и причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, по которым трупы потерпевших не обнаружены // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Вып. 6. Барнаул, 2006. С. 146–150.

[2] Бегалиев К., Попов В. Теоретические вопросы осмотра места происшествия // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 39. М., 1983. С. 58–66; Петросян В.О. Использование криминалистических методов и средств в розыске без вести пропавших граждан: дис. … канд. юрид. наук. М., 1998.

[3] Петросян В.О. Использование криминалистических методов и средств в розыске без вести пропавших граждан: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1998. С. 16–22.

[4] Достаточно привести труды известного российского криминалиста Г.А. Густова: Программно-целевой метод организации раскрытия убийств. Л.,1993; Комплексный подход к раскрытию убийств. Л., 1988; Раскрытие, расследование убийств в условиях неочевидности. Л., 1989. – *Прим. авт.*

[5] Алешкина Т.Н. К вопросу об использовании научно-технических средств и методов в розыске без вести пропавших // Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства. Ч. 2. Материалы вузовской юбилейной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения проф. Р.С. Белкина. М., 2007. С. 302-303.

тельность, могут использовать помощь «специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями»[1]. Однако общим вопросам, касающихся видов (форм) и правовой регламентации использования специальных знаний в оперативно-розыскной деятельности, в специальной литературе уделяется мало внимания. В силу этого, некоторые ученые справедливо отмечают на необходимость принятия ведомственных нормативно-правовых актов, регламентирующих участие специалиста в оперативно-розыскной деятельности[2].

Учитывая значимость оперативно-розыскного сопровождения расследования ряда преступлений, А.М. Зинин к непроцессуальным формам использования специальных знаний относит: участие в оперативно-розыскных мероприятиях специалистов, обладающих научно-техническими и иными специальными познаниями; проведение в лабораторных условиях исследования объектов, представляющих криминалистический интерес, по поручению оперативного работника, а также по оперативным материалам, представленным в экспертно-криминалистические подразделения; осуществления проверки вещественных доказательств по криминалистическим учетам; изготовление субъективных портретов по заданиям оперативных работников, выполняемых в порядке служебного поручения[3].

Розыск трупов людей в водоемах проводится с привлечением специалистов, форма участия которых может быть как процессуальной, так и непроцессуальной[4].

Е.Л. Лукьянчиков и В.П. Цильвик, изучившие в Республике Украина 125 уголовных дел по фактам убийства лиц, которые разыскивались как про-

---

[1] Об оперативно-розыскной деятельности: ФЗ от 12.08.1995 № 144-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // СПС «Консультан Плюс».

[2] Качина Н.Н. Использование знаний в области судебной медицины в оперативно-розыскной деятельности: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы судебной медицины и медицинского права: материалы научно-практич. конф. с международ. участием, посвященной памяти профессора В.О. Плаксина. М., 2011. Режим доступа: http: //journal.forens-lit.ru/node/951 (дата обращения: 31.08.16).

[3] Зинин А.М. Криминалист в следственных действиях. М., 2004. С. 14.

[4] Александров Д.В. Утопление: некоторые криминалистические аспекты. Петрозаводск, 1997; Густов Г., Китаев Н., Ардашев Р. О применении специальных знаний при розыске трупов людей // Закон и жизнь (Молдова). 2012. № 5. С. 10–12.

павшие, а также 370 розыскных дел о пропавших без вести, пишут: «По данным нашего исследования, поиски затопленных трупов в 12,5 % случаев проводились с помощью водолазов и лиц, имеющих навыки применения других поисковых средств (магнитного подъемника, трала и т.п.). В практике известны случаи успешного использования помощи спортсменов-аквалангистов»[1]. О привлечении водолазов и аквалангистов к розыску трупов пишет А.К. Мавлюдов[2]. К. Бегалиев и В.И. Попов отмечают: «В силу сложившихся условий (не имея возможности спуститься под воду) следователь, по существу, вынужден передоверять специалистам часть своей работы по изучению недоступной ему обстановки и собиранию там вещественных источников доказательственной информации, которые, по его предположению, находятся там»[3]. Необходимо учесть, что, во-первых, помощь водолазов в таких мероприятиях влечет ощутимые затраты для бюджета правоохранительных органов. Во-вторых, отсутствие точных сведений о местонахождении трупа делает зачастую работу водолаза бесполезной[4]. В.С. Сорокин утверждает: «Известно, что поиски трупов в глубоких местах даже водолазами часто оказываются безрезультатными. Дело в том, что на дне озер и водохранилищ со слабым течением воды образуются толстые слои ила, перемешанные с мельчайшими частицами осадочных пород грунта. Эти осадочные породы при движении водолаза поднимаются и создают сплошную завесу, что полностью исключает возможность обзора дна, вследствие чего работа водолаза становится крайне трудоемкой и не эффективной»[5].

Иногда при розыске трупа в водоеме помогает моделирование криминальной ситуации[6].

---

[1] Лукьянчиков Е.Л., Цильвик В.П. Использование специальных знаний при розыске пропавших без вести лиц // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 40. Киев, 1990. С. 49.

[2] Мавлюдов А.К. Осмотр места происшествия по делам об авариях на водном транспорте. Саратов, 1985. С. 63–87.

[3] Бегалиев К., Попов В.И. Теоретические вопросы осмотра места происшествия // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 39. М., 1983. С. 60.

[4] Михайлов А.И., Юрин Г.С. Обыск. М., 1971. С. 60–63.

[5] Сорокин В.С. Приспособление для обнаружения трупов на дне водоемов // Самодельные приборы и приспособления для работы прокурора-криминалиста. М., 1966. С. 29–30.

[6] См. Волчецкая Т.С. Роль, этапы и перспективы ситуационного подхода в современной криминалистике // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД РФ, 2016 С. 3-10

Так, в 2009 г. в Карачаево-Черкесской Республике при расследовании убийства «без трупа» задержанные по подозрению в его совершении дали показания, что труп убитого они бросили в канал. Водолазы МЧС обследовали значительную акваторию, но тела не нашли. Тогда подозреваемых допросили снова, и они показали, что в качестве груза к телу потерпевшего они привязали бетонный блок. С учетом этой информации криминалист следственного комитета РФ надел водолазное снаряжение, прикрепил к себе груз, по весу сопоставимый с тем, что использовали преступники, и прыгнул в канал. Течение его снесло на 80 метров. В радиусе 20 метров от этого места обследовали дно и нашли труп убитого человека[1].

По сведениям П. Заблоцкого, еще в первой половине XIX века в некоторых европейских странах были известны различные приспособления, применяемые для поиска трупов в водоемах, но результативностью они не отличались. Для той же цели реки, на которых стояли такие города Франции, как Париж, Сенклу и Бордо, перегораживались веревочной решеткой от поверхности до самого дна, это приспособление регулярно осматривалось для обнаружения трупов людей[2].

В Советском Союзе с аналогичной целью использовали те же приспособления, о которых сообщал П. Заблоцкий: длинные шесты-багры, сети или крюки на веревках, известные под названием «кошек». Из перечисленных средств для поиска трупа на глубине более 3–4 метров можно применять только «кошку», которую опускают на веревке из лодки и волочат по дну. Поиск с помощью «кошки» очень сложен и утомителен. Это объясняется тем, что ширина захвата «кошек» при протраливании дна не превышает 10–12 см., а если крючок зацепится за корягу или иной подобный предмет, то освободить его почти невозможно.

В.С. Сорокин[3] сообщал об удачных экспериментах по обнаружению трупа с помощью портативного складного трала, собираемого из кусков стальной проволоки диаметром 5–6 мм. Общая ширина рабочей части трала 50–60 см. В середине и по краям его прикрепляют крючки (тройники № 14).

---

[1] Бочарова М.А. Герои нашего времени // Эксперт-криминалист. 2010. № 3. С. 35–36.
[2] Заблоцкий П. Врачебно-полицейские и судебно-медицинские исследования об утопленниках. СПб., 1845. С. 26–30.
[3] Сорокин В.С. Приспособление для обнаружения трупов на дне водоемов // Самодельные приборы и приспособления для работы прокурора-криминалиста. М., 1966. С. 30.

К центральной тяге при помощи «карабинчика» пристегивают прочный канатик длиной 50 м.

Поиск трупа производят с лодки путем протраливания дна водоема. Исследуемый участок водоема рекомендуется разделить на квадраты с помощью длинных шестов или поплавков. В качестве поплавка может служить отрезок доски с привязанной к нему веревкой, достающей до дна, на конце которой закрепляют груз. Поднимается трал в случае зацепления его за какой-либо предмет в вертикальном положении.

Необходимо обращать внимание на концы прикрепленных к тралу крючков, так как на них могут остаться частицы тех или иных веществ (волокна древесины, материи, человеческой кожи и др.), по которым можно судить о предмете, за который они зацепились.

По уголовному делу об убийстве в ситуации, когда имеется информация о том, что предполагаемый убийца пропал без вести или подозреваемый (обвиняемый) скрывается от следствия и суда, и он покончил жизнь самоубийством путем утопления в воде, то розыскную работу проводит и следователь. Конечно, он не выполняет функции органа дознания, но он должен знать результаты розыскной деятельности. В случае упущений следователь вправе давать поручения в порядке п. 4 ч .2 ст. 38 УПК РФ для устранения изъянов розыска. Основным направлением в розыскной работе следователя является производство следственных действий, главным из которых, в контексте рассмотрения вопроса о розыске трупов в водоемах, является осмотр места происшествия[1].

Если место происшествия – акватория, протокол осмотра должен содержать обозначение границ осмотра, координаты точек, в которых были подняты со дна объекты, имеющие значение для дела, описание этих объек-

[1] Протопопов А.Л., Архипова А.Н., Китаев Н.Н. Расследование убийств в ситуации сокрытия трупа. Иркутск, 2016. С. 38.

тов, а также объяснения специалиста-водолаза о том, в каком положении он увидел объекты, когда они были под водой[1].

Первое в мире подразделение подводных криминалистов было создано в Майами (США) в 1960 г. В него вошли обычные криминалисты, которых обучили водолазному делу. В настоящее время «подводных криминалистов» готовят многие учебные заведения в США, в том числе Мичиганский университет. Их часто приглашают за рубеж для помощи при расследовании дел, связанных с утоплением. Обычно такие специалисты могут быстро определить, имел ли место несчастный случай или убийца спрятал труп под водой.

Так, 17 октября 1994 г. некая Сьюзен Смит получила письмо от своего любовника, который объяснял, что не будет продолжать с ней отношения, так как не хочет брать на себя ответственность за двух ее маленьких сыновей. Тогда Сьюзен посадила мальчиков в автомобиль, пристегнув их ремнями безопасности, и по наклонному спуску отправила автомобиль в озеро. Дождавшись, когда автомашина скроется под водой, убийца побежала к коттеджам, стоявшим вдалеке, изображая встревоженную мать. Она заявила, что ее автомобиль вместе с детьми угнал неизвестный мужчина. «Подводные криминалисты» помогли быстро установить истину: детоубийцу признали виновной и осудили к пожизненному заключению.

В другом случае «подводные криминалисты» были привлечены к расследованию дела об убийстве 32-летней Кристин Элкинс. В 1990-м г. автомобиль с ее телом убийца Тони Эмери утопил в реке Миссури.

Это расследование затянулось на шесть лет. Криминалисты использовали магнитометр и видеокамеру для исследования дна этой крупной реки. Поиски затруднялись тем, что вода в Миссури очень грязная, а течение быстрое. К сожалению, магнитометр не помог, пришлось использовать градиометр, прибор, который может измерять аномалии магнитных полей. Была составлена карта придонных магнитных аномалий, что позволило найти затопленную автомашину. Труп потерпевшей разложился, но экспертизы установили, что останки принадлежат Элкинс, череп которой имел прижизненный вдавленный перелом – след смертельного удара. Эмери признали виновным и приговорили к пожизненному заключению.[2]

В России до сих пор нет ни одной специализированной группы «подводных криминалистов». Даже в диссертационных работах, посвященных

---

[1] Руководство по расследованию убийств /под ред. С.И. Гусева. М., 1977. С. 104; Ландышев Н.П. Осмотр участка водной поверхности, являющегося местом происшествия // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 32. Киев, 1966. С. 45–49.

[2] Белодубровская М. Отсчет утопленников // Вне закона. 2008. № 42. С. 12.

расследованию убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан, не всегда есть упоминания об особенностях розыска трупов в воде.

Изучение литературных источников, а также практической деятельности отечественных правоохранительных органов позволяет заключить, что существенную помощь в розыске трупов людей в водоемах может оказать знание гидрологии – науки о водах на поверхности Земного шара. Гидрология разделяется на три самостоятельные научные дисциплины: а) океанологию (гидрологию моря); б) гидрологию суши (точнее, гидрологию поверхностных вод суши); в) гидрогеологию (гидрологию подземных вод)[1].

Объектами изучения гидрологии суши являются реки и каналы, озера и водохранилища, болота и ледники. Обычно гидрология суши разделяется на гидрологию рек (речную гидрологию, или потамологию); гидрологию озер (озероведение или лимнологию); гидрологию болот (болотоведение) и гидрологию ледников (гляциологию)[2].

В криминалистической литературе отмечалась несомненная польза судебно-гидрологической экспертизы при расследовании убийств, сопряженных с сокрытием тел потерпевших в водоемах[3].

К сожалению, подобные исследования малоизвестны и почти не используются правоохранительными органами России и СНГ. Так, в интересном исследовании А.Н. Архиповой указаны уголовные дела, расследовавшиеся в Республике Беларусь, Украине, Казахстане, Молдове, Армении – по убийствам, сопряженным с сокрытием трупов в водоемах. Хотя тела жертв не удалось обнаружить, все виновные были изобличены и осуждены, но к помощи гидрологов при поисках останков жертв правоохранительные органы не прибегали[4].

---

[1] Соломенцев Н.А., Львов А.М., Симиренко С.Л., Чекмарев В.А. Гидрология суши. Л., 1976. С. 4.
[2] Соломенцев Н.А. и др. Указ. раб. С. 5.
[3] Архипова А.Н., Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Актуальные вопросы судебно-гидрологической экспертизы // Академический юридический журнал (Иркутск). 2010. № 3 (41). С. 44–48.
[4] Архипова А.Н. Международная практика расследования убийств при отсутствии трупа потерпевшего // Криминалистика в системе правоприменения. М., 2008. С. 203–206.

На наш взгляд, специалисты-гидрологи могут оказывать эффективную консультативную помощь при осуществлении розыска трупов людей в водоемах. Достаточно указать на один признак, отмеченный в трудах гидрологов, палеонтологов, историков – накопление трупов павших животных в определенных местах рек: в излучинах (крутых изгибах русла рек); в местах падения рек со склонов на равнинную поверхность; в устьях (при впадении реки в море, другую реку или озеро)[1].

Именно в таких местах много тысяч лет назад возникали стоянки древних людей, что позволило академику М.А. Мензбиру заключить: «Человек употреблял для своих целей и животных, погибших не от его рук… Местные условия могли благоприятствовать накоплению трупов на одном участке, и, может быть, это накопление дало мысль людям – современникам погибавших животных – устроить свое становище именно в этом месте»[2]. Во всех таких местах имеются отмели в русле или у одного из берегов реки, на которых аккумулируются трупы животных и людей, а также иные предметы, плывущие по течению. Так, на реке Урал существует 38 подобных мест[3].

Наличие аналитических характеристик гидрологического режима, позволяющих устанавливать количественные связи явлений, позволили создать общую теорию устьевых процессов с широким обзором всего комплекса географических условий в устьях рек[4]. При этом морские устья рек рассматриваются специалистами как области сопряженного речного и морского режимов, где со стороны реки действует сток воды и наносов, а со стороны моря – волновые, сгонно-нагонные и приливно-отливные явления[5]. Трупы людей и животных здесь относятся к вышеуказанным «наносам», место аккумуляции которых может быть определено гидрологами. Последние могут также рассчитать режим течений в прибрежной полосе морей с учетом влияния берега,

---

[1] Верещагин Н.К. Великие «кладбища» животных в долинах рек Русской равнины // Природа. 1953. № 12. С. 62.
[2] Мензбир М.А. Очерк истории фауны Европейской части СССР (от начала третичной эры). М., 1934. С. 179.
[3] Чеботарев А.И. Гидрологический словарь. 3 изд. Л., 1978. С. 107, 122–127, 191.
[4] Самойлов И.В. Устья рек. М., 1952.
[5] Зенкович В.П. Монография о речных устьях // Природа. 1953. № 9. С.123.

рельефа дна мелководья, ветрового режима и законов гидродинамики[1], что позволит рассчитать возможное направление дрейфа (движения) трупа в воде и акваторию, где он находится.

Аналогичные расчеты гидрологи могут сделать и при анализе процессов и явлений гидрологического режима рек, озер, водохранилищ, опираясь на многолетние исследования водного режима и его изменений (ежегодные колебания под влиянием метеорологических факторов – атмосферных осадков, температуры воздуха и других элементов погоды)[2].

Таким образом, на наш взгляд, используя гидрологическую характеристику того или иного водоема (знание режима русловых процессов, карты течений и т.п.), можно с большой степенью вероятности организовать поиск трупа человека в определенном месте, не тратя значительных сил и средств на обширные обследования огромной акватории в целом. На наш запрос руководству Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет) был получен ответ: «Правоохранительные органы в ряде случаев обращаются в учреждения Росгидромета для получения справок о погоде, о скорости течения реки и т.д. Но о том, как используются эти сведения, в Росгидромете информация отсутствует»[3].

Проведенный опрос руководителей ГУ МВД России в федеральных округах, руководителей ГУ МВД России на транспорте, руководителей ГУ МВД России Субъектов РФ (всего было опрошено 42 респондента) показал, что 95% опрошенных ответили отрицательно на вопрос: «Используют ли сотрудники полиции вашего региона при розыске трупов в водоемах помощь специалистов-гидрологов?»

Характерным для существующей ситуации представляется ответ начальника управления на транспорте МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу: «На практике в линейных подразделениях на водном

---

[1] Шлямин Б.А. Влияние берегов на прибрежные течения // Природа. 1954. № 9. С. 111–113.
[2] Львович М.И. Водный режим рек и сельское хозяйство // Природа. 1954. № 10. С. 43–53; Давыдов Л.К. Водоносность рек СССР, ее колебания и влияние на нее физико-географических факторов. М., 1947.
[3] Письмо № 10-30-32/168 от 25 апреля 2012 г. Личный архив автора.

транспорте УТ МВД России по СКФО при розыске трупов в воде привлекаются специалисты МЧС (аквалангисты). Гидрологи к розыскной деятельности полиции по поиску без вести пропавших людей в случае их возможной гибели в водоеме или сокрытия трупа в воде в УТ МВД России по СКФО не привлекались»[1].

В некоторых регионах Российской Федерации такая помощь гидрологов полиции имеет место.

Например, сотрудники управления уголовного розыска ГУ МВД России по Красноярскому краю при возникновении необходимости в поисках трупов привлекают специалистов, в том числе из Енисейского речного пароходства, Красноярского центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды[2].

А сотрудники уголовного розыска Управления на транспорте МВД России по Северо-Западному федеральному округу при получении информации о пропаже человека в воде, поиск тела осуществляют при участии сил МЧС, в том числе с использованием водолазов. В дальнейшем поиск проводится с учетом карты течений данного водного объекта. Если тело не было обнаружено в течение первых нескольких дней, трупы погибших, после всплытия, выносит течением в большинстве случаев в одних и тех же определенных местах, что характерно при исчезновении людей в акваториях рек[3].

Поиск трупов людей в море, разумеется, имеет свои особенности, обусловленные не только сложной картой течений и огромным водным массивом, но и биогенными процессами. Так, исследования Хехта (Hecht, 1933) показывают чрезвычайно быстрое разрушение животных остатков в условиях морского захоронения под водой[4]. Однако большая глубина водоема позволяет трупам сохраняться весьма долго.

---

[1] Письмо № 62-А-4 от 27 марта 2012 г. Личный архив автора.
[2] Письмо № 19/980 от 24 февраля 2012 г. начальника управления уголовного розыска ГУ МВД России по Красноярскому краю. Личный архив автора.
[3] Письмо № 94/7-А от 14 марта 2012 г. начальника уголовного розыска Управления на транспорте МВД России по Северо-Западному федеральному округу. Личный архив автора.
[4] Hecht F. Der Verbleib der organischen Substanz der Tiere bei meerischer Einbettung. 1933. Senkenbergiana, Bd. 15.

Так, в мае 2011 г. с помощью роботизированной подводной лодки были подняты с глубины в 3900 м. 75 тел пассажиров французского аэробуса А-330, упавшего в Атлантический океан в 2009 г. Трупы были доставлены во Францию для идентификации судебно-медицинскими экспертами. Показательно, что представители французского министерства юстиции в самом начале этой операции объявили, что со дна океана «…будут доставлены только те тела, которые в принципе можно перемещать с одного места на другое, соблюдая их целостность и достоинство»[1].

Дальность переноса трупа человека течениями, существующими в водоеме, может составлять тысячи километров, причем тело под воздействием различных факторов существенно изменяется, вплоть до обращения в скелет и распадения на отдельные фрагменты. И.А. Ефремов указывает, что между свежими останками животных и более сильно разложившимися имеется разница в требуемых для переноса скоростях водного потока. «Перенос в плавающем состоянии может производиться при любой силе потока и быть весьма далеким. Предел дальности определяется скоростью разложения трупов…, на поздних стадиях которого происходит погружение трупов на дно потока. После этого, если сила потока еще значительна, происходит дальнейшее передвижение волочением и постепенное разрознивание скелетов с распределением по весу отдельных элементов. Если скорость потока уж очень сильно упала, как, например, в дельтовой области, то трупы или скопления различных остатков остаются на дне и попадают в захоронение, погребаясь в осадках»[2]. При этом И.А. Ефремов указывает: «Для дальности переноса остатков в плавучем состоянии имеет значение степень разложения органических остатков. Поэтому мы можем сказать, что в ряде случаев дальность переноса зависит от состояния органических остатков, попавших в поток»[3]. И далее он отмечает: «Различные авторы указывают весьма различные скорости разложения органического вещества в воздухе и…воде»[4].

Учет названных факторов необходим при расчете по гидрологическим формулам возможного местонахождения останков человека, когда известно

---

[1] Прокофьев В. Скорбная миссия «Иль Де Сен» // Российская газета. 2011. 1 июня.
[2] Ефремов И.А. Тафономия и геологическая летопись. М.; Л., 1950. С. 110.
[3] Ефремов И.А. Указ. раб. С. 110.
[4] Ефремов И.А. Указ. раб. С. 169

время и место утопления (погружения трупа в воду), скорость течения в водоеме, направление течения и иные параметры[1]. Подобные сведения, например, нередко известны по фактам гибели людей в озере Байкал – самом глубоком озере нашей планеты, хранящем 20% мировых запасов пресной воды. Ученые Лимнологического института Сибирского отделения РАН располагают многолетними наблюдениями за байкальскими течениями, как поверхностными, так и глубинными[2]. На Байкале имеются места, где могут аккумулироваться (накапливаться) трупы людей и иные плавающие объекты. Сотрудники Лимнологического института Сибирского отделения РАН могут рассчитать возможный дрейф трупов в Байкале, используя сведения о течениях и иные гидрологические параметры[3].

Особенности аккумуляции трупов в определенных местах древних водоемов изучает, в частности, палеонтология – наука о древней жизни, о ныне исчезнувших существах, находящаяся на рубеже двух разнородных наук, пользующихся разными методами исследования, оперирующими с различным материалом – геологии и биологии[4]. И.А. Ефремов создал новое направление в палеонтологии и исторической геологии, названное «тафономией» – учением о захоронении, в котором большое значение уделяется гидрологическим особенностям древних водоемов, позволявшим накапливать в определенных местах значительные останки животных[5]. Из современных палеонтологов России сведения о тафономии, интересные для криминалистов, содержатся в работах А.К. Агаджаняна[6]. Можно отметить, что все эти особенности сти имеют место при изучении водоемов нынешнего времени и могут учиты-

---

[1] Огиевский А.В. Гидрология суши (общая и инженерная). М., 1952. С. 54-72.
[2] Галазий Г.И. Байкал в вопросах и ответах. Иркутск, 1987. С. 140-156; Гидрология Байкала и других водоемов / отв. ред. В.И. Верболов. Новосибирск, 1984; Формирование и динамика байкальских вод /отв. ред. М.Н. Шимараев, Н.П. Ладейщиков. Новосибирск, 1986.
[3] Письмо № 15356-9317-132 от 28 февраля 2013 г. директора Лимнологического института Сибирского отделения РАН. Личный архив автора.
[4] Ефремов И.А. Что такое тафономия? // Природа. 1954. № 3. С. 48.
[5] Ефремов И.А. Указ. раб. С. 48–54.
[6] Агаджанян А.К. Сбор и изучение остатков мелких млекопитающих // Комплексные биостратиграфические исследования. М., 1987. С. 27–58.

ваться сотрудниками правоохранительных органов в своей розыскной деятельности.

Сведения специалистов-гидрологов, используемые при розыске трупов в водоемах, могут быть дополнены и скорректированы с помощью специальных знаний судебных медиков, когда речь идет о параметрах плавучести трупов. В учебниках по судебной медицине говорится, что при далеко зашедшем разложении тканей подъемная сила гнилостных газов настолько велика, что труп может всплыть на поверхность вместе с привязанным к нему грузом весом 30 кг. (при общем весе тела 60–70 кг.)[1]. Данное утверждение нельзя считать абсолютно верным, поскольку известны иные расчеты и мнения специалистов. Японский судебный медик Фуруно провел серию экспериментов для уточнения параметров плавучести трупов в воде. Он установил, что время, необходимое для всплытия трупа утонувшей кошки при глубине водоема 1 м., определяется по формуле:

$$y = \frac{2{,}6 \times 10^{5}}{x^{2{,}82}},$$

где y – время, а x – температура воды. Груз, препятствующий всплытию трупа с глубины 1 метр, составляет при температуре воды 11 градусов Цельсия одну десятую веса тела, при температуре до 13 градусов – от половины до двух третей веса тела, а при температуре 17 градусов он должен быть равен весу тела. Эти сведения опубликованы в кратком сообщении «О плавучести трупов в воде. Сообщение 2. Значение температуры воды, глубины водоема и наличия на трупе груза»[2].

В «Сообщении 3. О плавучести трупов в воде. Изучение времени всплытия в случаях из экспертной практики»[3] Фуруно утверждал, что изучены случаи, когда было точно известно время утопления людей и время

---

[1] Судебная медицина / под ред. проф. В.М. Смольянинова. М., 1975. С. 188.
[2] Furuno J. (Studies on the floating corpses in water. Report 2. Especially on water temperature, depth of water and heavy load which interfere with floating). Jap. j. leg. med., 1965, 19, 5–6, 396–399.
[3] Furuno J. (Studies on the floating of corpses in water. Report 3. Actual cases which demonstrated floating time of the drowned corpse). Jap. j. leg. med., 1965, 19, 5–6, 400–407.

всплытия их трупов. В период с июля по сентябрь труп всплывает через 14–24 часа при утоплении на глубине 1–2 м., через 1–2 дня при глубине 4–5 м., через 2 дня при глубине 7–8 м. и через 3–4 дня при глубине 30 м. Это совпадает с данными, полученными в опытах на животных. Таким образом, с учетом глубины погружения и температуры воды можно определять время утопления, исходя из результатов опытов на животных (экспериментальное утопление), проделанных в аналогичных условиях.

По наблюдениям А.Ф. Рубежанского и С.В. Савченко, в пресных водах летом при температуре более 20 градусов Цельсия труп всплывает на второй день, при утоплении в глубоких морских водах – через 7–8 дней. Зимой при температуре воды, близкой к нулю градусов, тело может оставаться неделями на дне, поскольку процессы гниения заторможены. В проточной воде гниение происходит медленнее, чем в стоячей, что влияет также на время всплытия тела[1].

В случае, когда у оперативных и следственных работников нет контакта со специалистами-гидрологами и судебными медиками, розыск трупа в водоеме может быть безуспешен.

Так, в Муезерском районе Республики Карелия из собственной квартиры исчез Г. По оперативной информации, к данному исчезновению были причастны Н. и М., которые связали Г., вывезли его к озеру Лендеры, где утопили потерпевшего по мотивам мести[2]. При расследовании данного уголовного дела были получены доказательства, подтверждающие виновность Н. и М., но отсутствие тела Г. создавало серьезные трудности. Озеро Лендеры – крупный водоем, юго-западный берег которого принадлежит Финляндии. Специалисты по подводным работам в течение 10 дней изучили дно этого озера в широком радиусе возможного нахождения трупа, использовали специальный прибор «видеоглаз», исследовали 5 тысяч квадратных метров водной поверхности озера, имеющего глубину в месте предполагаемого утопления от 4 до 8 метров, скорость течения от 3 до 3,5 м/сек. Поиски не принесли результата. Властям Финляндии был направлен соответствующий запрос, но трупа Г. там тоже не обнаружили. Отсутствие тела потерпев-

---

[1] Рубежанский А.Ф., Савченко С.В. Характер и сроки развития трупных изменений в воде // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 40. Киев, 1990. С. 92–96.

[2] По утверждению Ю.С. Сапожникова, «убийства-утопления взрослых людей исключительно редки». – См.: Сапожников Ю.С. Криминалистика в судебной медицине. Киев, 1970. С. 215. – *Прим. авт.*

шего не помешало суду вынести обвинительный приговор в отношении Н. и М[1].

Однако, по нашему мнению, привлечение к поискам гидрологов могло бы сделать помощь водолазов по-настоящему эффективной.

В качестве специалистов-консультантов могут выступать работники территориальных центров по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, имеющихся в каждом субъекте РФ, а также сотрудники НИИ гидрологии и судебные медики (работники региональных бюро СМЭ, сотрудники кафедр судебной медицины соответствующих учебных заведений).

Известно, что розыскная работа является стадией оперативно-розыскного процесса и, одновременно, самостоятельным направлением деятельности оперативно-розыскных органов. Она нацелена на решение трех основных задач: 1) обнаружение местонахождения известных правоохранительным органам лиц (подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, пропавших без вести, иных категорий разыскиваемых); 2) установление личности трупов и лиц, не могущих сообщить сведений о себе в силу состояния здоровья или возраста; 3) предупреждение уклонения лиц от уголовной ответственности, отбывания наказания, исполнения определенных обязанностей, безвестного исчезновения[2].

При этом не заводятся розыскные дела на лиц, пропавших при очевидных обстоятельствах (в том числе при морских и речных катастрофах, гибели в водоемах и т.д.), подтвержденных соответствующими документами или показаниями свидетелей, трупы которых обнаружены не были. Опознавательные карты на этих лиц выставляются в информационные центры МВД в обычном порядке с отметкой «Без заведения розыскного дела».

В практике нередки случаи, когда лицо, в отношении которого заведено розыскное дело как на без вести пропавшего или скрывшегося подозреваемого (обвиняемого), на самом деле давно умерло (убийство, самоубийство,

---

[1] Уголовное дело № 1-84/2004 // Архив Муезерского районного суда Республики Карелия за 2004 г.
[2] Дубоносов Е.С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 329.

несчастный случай), его труп обнаружен в водоеме, а само состояние останков делает идентификацию покойного сложной и даже почти неосуществимой.

К сожалению, в структурах уголовного розыска субъектов РФ не уделяется должного внимания моделированию такого поведения скрывшегося виновного лица, как посткриминальный суицид, что не включается в планы оперативно-розыскных мероприятий при ведении розыскных дел.[1] В диссертационных работах, посвященных различным аспектам розыска, ситуация посткриминального суицида разыскиваемого вообще не рассматривается[2], хотя такие случаи в практике имеют место.

Например, в апреле 2008 г. в своей квартире (г. Набережные Челны Республики Татарстан) был обнаружен труп Адили Х. с колото-резаными ранами сердца и органов брюшной полости. По «горячим следам» сотрудники уголовного розыска установили, что преступление совершил ранее судимый Ильгизар Г., скрывшийся с места происшествия. Он был объявлен в розыск, но план оперативно-розыскных мероприятий не предусматривал проверку трупов лиц, покончивших суицидом. Только в конце июня 2008 г. оперативные работники узнали, что тело Г. обнаружено на берегу реки Кама, и что подозреваемый покончил с собой еще в апреле, прыгнув в реку с моста Нижнекамской ГЭС[3].

Иногда в ситуации инсценировки гибели человека в воде поиск трупа, естественно, окажется безрезультатным.

Так А., совершив убийство сожительницы С., скрылся с места проживания, инсценировав свою гибель. Он пустил по течению реки лодку, оставив в ней свои вещи, как будто А. утопился. В процессе оперативно-розыскных мероприятий преступник был задержан, а этот факт инсценировки утопления отражен в приговоре суда[4].

---

[1] См. также параграф 4 второй главы настоящей работы. – *Прим. авт.*

[2] См., например: Есин С.Н. Криминалистическое обеспечение розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009; Кагин Е.К. Криминалистические основы розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1982; Качур А.М. Организация розыска лиц, пропавших без вести: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М.,1981; Олейник П.А. Тактика розыска скрывшихся преступников: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1973; Решняк М.Г. Деятельность следователя и органа дознания по розыску и установлению местопребывания обвиняемого: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М.,1998; Цильвик В.П. Правовые и организационно-тактические проблемы розыска пропавших без вести лиц (По материалам Украинской ССР): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Киев, 1987.

[3] Уголовное дело № 204753 // Архив Набережночелнинского межрайонного следственного отдела СУ СК РФ по Республике Татарстан за 2008 г.; Розыскное дело № 10373 // Архив Автозаводского РОВД г. Набережные Челны за 2008 г.

[4] Уголовное дело № 1-179/09. Листы приговора 11–12 // Архив Николаевского-на-Амуре городского суда Хабаровского края за 2009 г.

Практика современного сыска в России свидетельствует о том, что при ведении дел оперативного учета (МВД РФ) планы ОРМ шаблонны, содержат однотипные версии, которые в полном объеме не проверяются, розыскные мероприятия малоэффективны[1]. Очевидно, именно этим снижением качества розыскной работы ОРО можно объяснить отсутствие у многих оперативных работников необходимых знаний и стремления улучшить процесс розыска трупов в водоемах. По таким розыскным делам, как отмечает В.Н. Исаенко, «…оперативно-розыскные мероприятия проводятся только в пределах района обнаружения трупов, несмотря на явную необходимость расширения границ поиска.

Например, большинство обнаруживаемых в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе неопознанных трупов попадает в него по реке Ангаре из Иркутска. Однако из-за отсутствия должного взаимодействия между правоохранительными органами процент опознания таких трупов остается низким»[2].

Рассмотренные примеры убедительно свидетельствуют о том, что использование помощи специалистов (судебных медиков, гидрологов, палеонтологов и др.) при розыске трупов людей в водоемах может быть высокоэффективным.

Вышеизложенное приводит к следующим выводам:

1. В планы проведения ОРМ при ведении розыскных дел в отношении скрывающихся от правоохранительных органов лиц, подозреваемых (обвиняемых) в убийствах, а также без вести пропавших лиц необходимо включать розыск данных лиц среди утопленников.

2. В ситуации, когда имеются данные о том, что убийца покончил жизнь самоубийством путем утопления в воде, его розыск может осуществлять следователь в рамках осуществляемой им процессуальной деятельности; оперативный сотрудник либо по поручению следователя, либо (если уголовное дело не возбуждено) в рамках работы по оперативно-розыскному делу.

---

[1] Бобров В.Г. К вопросу о делах оперативного учета // Оперативник (сыщик).2007. № 3 (12). С. 19-22; Железняк Н.С. Ну, кому это надо? (Некоторые размышления об уровне работы по делам оперативного учета в России) // Оперативник (сыщик). 2012. № 2 (31). С. 11–15.

[2] Исаенко В.Н. Идентификация неопознанных трупов // Законность. 2001. № 6. С. 28–29.

3. Розыск трупа без вести пропавшего, в т.ч. убийцы-суицидента, в водоеме может осуществляться при производстве следственного действия – осмотр места происшествия, к участию в котором привлекают в качестве специалистов (ст. 58 УПК РФ) водолазов, гидрологов, судебно-медицинских экспертов.

4. Помощь специалистов-гидролов при розыске трупов в водоемах может носить как процессуальный, так и непроцессуальный характер. Если следователь, оперативный сотрудник получают устную консультацию от гидролога о возможном районе поиска трупа, то такая информация доказательством не становится. Письменно оформленная консультация гидролога может иметь доказательственное значение, если будет признана по уголовному делу иным документом (ст. 84 УПК РФ).

5. Полученная от специалистов (гидрологов, судебных медиков и др.) информация о возможном местонахождении трупа на конкретном (конкретных) участке (участках) водоема позволяет следователю в поручении о проведении ОРМ (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) давать указание, в каких местах следует вести поиск трупа.

3.2. Использование специальных знаний в форме экспертизы при расследовании убийств, сопряженных с суицидом правонарушителей

3.2.1. Тактика назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз

Расследование убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом виновных лиц, невозможно без проведения соответствующих судебно-медицинских экспертиз, являющихся обязательными по данной категории дел (п. 1,2 ст. 196 УПК РФ). Обстоятельный перечень вопросов, которые следователи обязаны ставить перед экспертами, указан в соответствующих монографиях, учебниках и пособиях. По изученным нами 134 уголовным делам значатся: умерших насильственной смертью (убийство и суицид) – 322 человека; раненых (выживших) 18 человек, из них 8 – убийцы, покушавшиеся на

суицид. Представляется необходимым в рамках данного исследования обратить особое внимание на такой традиционный вид самоубийства, как повешение, которое совершается, как правило, без очевидцев, и может вызывать разные интерпретации[1]. По наблюдению суицидологов, самоповешение – по преимуществу «алкогольный» способ самоубийства, так как не требует какой-либо предварительной подготовки. У пьяного человека нет времени и желания проводить какую-либо подготовку, в процессе которой аффект тоски может смениться и суицида не произойдет. Кроме того, в самоповешение входит определенный момент самоистязания, направленного на собственную личность, агрессии, свойственной пьяным[2].

Экспертная диагностика суицида путем самоповешения

В процессе расследования убийств, сопряженных с суицидом правонарушителей, серьезное внимание уделяется способу самоубийства, самым распространенным из которых является самоповешение. Вместе с тем судебно-медицинские эксперты длительное время главное внимание обращали на механизм смерти от самоповешения, а частоте признаков смерти от этого вида суицида уделялось недостаточно внимания[3]. Еще в 20-х годах минувшего столетия специалисты отмечали следующее: а) нет ни одного постоянного признака, характерного для самоповешения; б) диагностировать самоповешение можно лишь на основании совокупности найденных при вскрытии признаков[4].

Судебно-медицинский диагноз в этих случаях основывается на выявлении и оценке трех групп признаков: 1) признаки острой (быстро наступившей) асфиктической смерти; 2) особенности странгуляционной борозды (ко-

---

[1] Вопросы судебно-медицинской экспертизы трупа при других видах самоубийств в настоящей работе не рассматриваются. Аспектам судебно-медицинской экспертизы трупа посвящены достаточно подробные разделы в ряде диссертаций и пособий по расследованию убийств. – *Прим. авт.*

[2] Целибеев Б.А. Психиатрическое обследование лиц, совершивших суицидальную попытку // Судебно-медицинская экспертиза. 1966. № 1. С. 31.

[3] Смирнов Н. Частота признаков от самоповешения на вскрытии // Судебно-медицинская экспертиза. Кн. 9. М., 1928. С. 41.

[4] Смирнов Н. Указ. раб. С. 44.

сое, высокое расположение, незамкнутость, неравномерная глубина); 3) прижизненный характер странгуляционной борозды[1].

Выявлению и определению степени характерности и частоты встречаемости признаков этого вида посвящено большое количество работ, при этом получены весьма противоречивые результаты[2]. Исследования частоты встречаемости признаков острой асфиктической смерти показывают, что характерными для этого вида смерти выступают: обильные трупные пятна (92 %), кровоизлияния в коньюнктиву (53 %), жидкое состояние крови (94 %), подплевральные кровоизлияния (97 %), подэпикардиальные кровоизлияния (63 %), полнокровие внутренних органов (71 %), переполнение кровью правой половины сердца (54 %). Эти же исследования, проведенные на значительном материале, показали, что при установлении прижизненного характера странгуляционной борозды важное диагностическое значение имеют признаки, выявляемые при микроскопическом исследовании кожи, нервных волокон или блуждающих нервов. Такие признаки, как прикус языка, надрывы интимы сонных артерий, надрывы шейных мышц при повешении встречаются редко и не могут быть использованы при определении прижизненности странгуляции[3].

Известно, что в случаях суицида, при установлении обстоятельств и рода смерти основной задачей следствия является выяснение факта самоубийства и исключение его инсценировки. При этом надежность и эффективность решения вопросов, поставленных перед экспертами, во многом зависят от качества собранных материалов, освещающих обстоятельства,

---

[1] Сафронов В.А. К вопросу об удавлении петлей и симуляции повешения // Сборник научных работ Ленинградского педиатрического медицинского института. Л., 1958. С. 122–129; Мишин Е.С. Прижизненное течение странгуляционной асфиксии при различных положениях петли (экспериментальные исследования): автореф. дис. … канд. мед. наук. Л., 1975; Королько Л.Ф. Морфологические изменения некоторых тканей и органов при повешении с различными положениями петли: автореф. дис. … канд. мед. наук. Л., 1976.

[2] Концевич И.А. Судебно-медицинская диагностика странгуляций. Киев, 1968; Спиридонов В.А. Комплексное судебно-медицинское и социально-гигиеническое исследование самоубийств: автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 1996; Рывкин С.Ю. Особенности расследования и предупреждения убийств, совершенных военнослужащими: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.

[3] Татаренко В.А. Статистико-вероятный метод определения степени достоверности экспертных выводов // Судебно-медицинская экспертиза. 1990. № 2. С. 47–48.

предшествовавшие наступлению смерти, и тщательности их экспертного анализа.

Учитывая значимость заключения эксперта как источника доказательств, эксперт должен проводить исследования в пределах, которые соответствуют уровню развития науки. До настоящего времени вероятность в заключениях экспертов-медиков выступает в основном как выражение субъективной, не охарактеризованной количественно степени уверенности эксперта в наличии какого-либо факта[1]. Введение количественной характеристики, частоты встречаемости признаков, вероятно-статистического метода должно привести к тому, что вероятность в выводах эксперта станет объективным выражением связи между условием и событием. Можно согласиться с Н.А. Селивановым в том, что применение в той или иной науке математических методов исследования можно рассматривать как показатель зрелости этой науки[2].

Анализ выводов заключений судебно-медицинских экспертиз по изученным нами регионам Российской Федерации[3] показал, что при экспертной диагностике суицида путем самоповешения эксперты не используют современные возможности системного и структурного подхода к объекту экспертного исследования, в том числе частоту встречаемости признаков для оценки статистической вероятности выводов.

Проведенный опрос начальников бюро СМЭ вышеназванных субъектов РФ позволил выявить следующие причины неприменения рассматриваемого метода в судебно-медицинской практике:

1) отсутствие необходимости в применении статистико-вероятностного метода при производстве судебно-медицинской экспертизы по установлению факта механической асфиксии;

---

[1] Исключение составляет выражение статистической достоверности выводов судебно-медицинского эксперта в современной геноскопической экспертизе. – См.: Новоселов В.П., Шаронова Д.А. Методы геномной «дактилоскопии» в экспертизе идентификации личности и кровного родства. Новосибирск, 1999.

[2] Селиванов Н.А. Математические методы в собирании и исследовании доказательств. М., 1974. С. 3.

[3] Иркутская область, Свердловская область, Красноярский край, Республика Татарстан, Республика Хакасия, Республика Башкортостан. – *Прим. авт.*

2) данный метод не оформлен в виде официальных методических указаний, поэтому не может считаться бесспорным руководством к действию.

Однако применение судебно-медицинским экспертом математических методов, на наш взгляд, является более эффективным при оценке диагностических признаков самоповешения и может сыграть роль при выявлении инсценировки суицида.

Разумеется, по мере дальнейшего изучения признаков, выявленных при повешении, оценка степени их характеристики, частоты встречаемости, показатели статистической вероятности отдельных признаков будут подвергнуты соответствующей корректировке.

Для отличия акта суицида от замаскированного убийства несомненный интерес представляют исследования эндокринных органов лиц, погибших от странгуляционной асфиксии. «Удалось проследить четкое различие между структурой этих органов в случаях самоубийств, с одной стороны, и убийств – с другой. При самоубийствах на фоне относительно тонкого коркового вещества отмечена делипоидизация адренокортикоцитов сетчатой зоны и внутренней половины пучковой при том, что при убийствах делипоидизация касалась лишь глубокой части сетчатой зоны. Кроме того, при убийствах функция щитовидной железы чаще всего была сниженной, а при самоубийствах – повышенной»[1]. Казалось бы, что результаты данных исследований, апробированные методы диагностики должны найти свое применение в экспертной практике, однако это далеко не так: в работах по отечественной судебной медицине нам не встретились упоминания судебных экспертиз трупа, при проведении которых учитывалась бы структура эндокринных органов самоубийц.

Следует констатировать, что даже отдельные удачные работы в большинстве своем имеют экспериментальный характер и не распространяются

[1] Лузин А.В., Богомолов Д.В., Богомолова И.Н., Должанский О.В., Горностаев Д.В. Определение механизма наступления смерти при странгуляционной механической асфиксии морфологическими методами // Судебно-медицинская экспертиза. 2005. № 1. С. 6.

на экспертный материал. Как правило, отдельные убедительные результаты, которые могли бы быть полезными для экспертной практики, не проходят широкой апробации порой из-за отсутствия соответствующей аппаратуры, реактивов, методических разработок и практической, заранее выделенной базы, в рамках которой те или иные методики получили бы надлежащее внедрение в практику судебно-медицинской экспертизы.

В ряде работ отмечаются такие основные причины диагностических экспертных ошибок при исследовании трупа: а) несовершенство методов исследования в судебной медицине; б) недостаточное использование дополнительных методов исследования; в) недостаточная квалификация экспертов; г) слабое внедрение в практику научных достижений[1]. В то же время необходимо отметить следующее. Недостаточный контакт следователей с сотрудниками бюро судебно-медицинской экспертизы приводит к тому, что эксперту не сообщаются обстоятельства наступления смерти, перед ним не ставятся необходимые вопросы. В ситуации дефицита важной установочной информации эксперт не может предугадать все варианты направлений исследований, отчего возникают диагностические ошибки, которые бывает очень трудно выявить и исправить и которые могут повлечь ошибки судебные или вынесение неправосудного приговора[2].

В качестве примера неправильной диагностики смерти от механической асфиксии можно привести случай по обвинению П. в убийстве Т. Из материалов дела следовало, что бригада грузчиков, в которую входили названные лица, распивала ночью спиртные напитки в помещении, находящемся на огороженной и охраняемой сторожевыми собаками территории. Таким образом, проникновение постороннего лица на данный объект исключалось. В процессе ссоры П. нанес Т. несколько ударов кулаками по голове, а затем схватил руками за шею и стал душить. Присутствовавшие активно

---

[1] Пермяков А.В. Диагностические, технические врачебно-экспертные ошибки // Современные вопросы судебной медицины и экспертной практики. Вып. 3. Ижевск, 1975. С. 14; Бедрин Л.И., Загрядская А.П., Томилин В.В. Содержание и формы экспертной работы на уровне современных требований // Проблемы теории и практики судебной медицины. Рига, 1987. С. 16–21; Гордон Э.С. Факторы, снижающие эффективность применения специальных познаний в форме экспертизы при расследовании дел об убийствах // Актуальные аспекты судебной медицины. Вып. 2. Ижевск, 1992., С. 8–14.

[2] Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: Системный анализ допущенных ошибок. СПб., 2004. С. 36–50; Перепечина И.О. Недостоверные экспертные заключения и их роль в вынесении ошибочных приговоров: материалы III междунар. науч.-прак. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 25–26 января 2011 г.). М., 2011. С. 263–267.

пресекли эти агрессивные действия, после чего Т. посидел немного в помещении и вышел наружу. Через некоторое время один из участников застолья, выйдя из здания, обнаружил неподалеку на земле труп Т. При осмотре тела следователь зафиксировал на шее покойного следы пальцев рук, а судебно-медицинский эксперт дал заключение, что причиной смерти явилась механическая асфиксия вследствие удушения руками.

П. был арестован, но вину в убийстве Т. не признавал, а показания всех остальных грузчиков подтверждали, что после пресечения драки потерпевший оставался жив, мог разговаривать и передвигаться, после ухода из помещения за ним никто не выходил, кроме свидетеля, обнаружившего уже мертвого Т. Повторная судебно-медицинская экспертиза, проведенная комиссионно по материалам дела, подтвердила первичное заключение (смерть от удушения руками).

Работу по делу поручили другому следователю, который новую судебно-медицинскую экспертизу назначил в главном бюро Министерства здравоохранения России (г. Москва). Кроме уголовного дела в распоряжение новых экспертов был предоставлен, так называемый, «мокрый архив» – аутопсийный материал различных органов Т., хранившийся в гистологическом отделении Иркутского областного бюро СМЭ.

Повторная комиссионная экспертиза установила, что повреждения от пальцев рук на коже шеи Т. образовались примерно за час до наступления смерти, а причиной его гибели явилось обострение имевшегося заболевания сердца и почек, инициированное большим количеством алкоголя (в крови и моче умершего концентрация этилового спирта превысила 5 промилли, что считается смертельной дозой)[1]. Согласно специальным исследованиям, «…в ряде случаев выраженные изменения во внутренних органах и значительное алкогольное опьянение являются конкурирующими; и то и другое может быть причиной смерти»[2]. Уголовное дело в отношении П., содержавшегося под стражей более года, было прекращено, так как причина смерти Т. не носила криминального характера.

Следует согласиться с А.В. Пермяковым, который отмечает, что недостаточное использование гистологических и гистохимических данных приводит к экспертным ошибкам при установлении причины смерти и давности ее наступления, давности телесных повреждений и прижизненности травмы[3].

При судебно-медицинской экспертизе трупов лиц, обнаруженных в петле, могут быть обнаружены:

---

[1] Прозоровский В.И., Ачеркан Н.Н., Левченков Б.Д. К вопросу о функциональной оценке результатов судебно-химического количественного определения алкоголя в крови живых лиц и трупов // Судебно-медицинская экспертиза. 1961. № 1. С. 3–6.

[2] Алякритская А.В. Судебно-медицинское значение алкогольного опьянения в генезе смерти // Судебно-медицинская экспертиза. 1961. № 1. С. 13.

[3] Пермяков А.В. Диагностические, технические врачебно-экспертные ошибки // Современные вопросы судебной медицины и экспертной практики. Вып. 3. Ижевск, 1975. С. 194–195.

а) повреждения, возникшие до повешения, причиненные посторонней или собственной рукой;

б) повреждения, образовавшиеся во время асфиктического периода;

в) повреждения, возникшие после смерти (при извлечении трупа из петли, оживлении, транспортировке трупа и т.д.)[1].

Нужно отметить, что различная выраженность кровоподтеков на таких трупах (по интенсивности пропитывания тканей кровью) может быть связана как со временем образования кровоизлияний, так и с особенностью возникновения самих повреждений. Представляют интерес наблюдения судебных медиков, изучавших в сравнительном аспекте кровоподтеки, возникшие за несколько минут до наступления смерти, в агональном периоде (следствие реанимационных мероприятий), а также посмертно. Результаты этих исследований позволили сделать ряд важных в практическом отношении выводов:

1. Кровоизлияния могут возникать при заведомо посмертной травматизациии отсутствовать в тех случаях, когда прижизненность травмы сомнений не вызывает.

2. Прижизненные кровоподтеки, возникающие незадолго до наступления смерти (в сроки не более 10–15 минут) практически не отличаются от посмертных в аналогичные и более поздние сроки.

3. Во избежание ошибок в оценке образования кровоподтеков (до или после наступления смерти) недостаточно анализа одного только отдельно взятого кровоподтека (как макроскопического, так и на клеточном уровне). Выводы о сроке формирования кровоподтека относительно времени наступления смерти должны основываться на комплексном исследовании всего трупа[2].

Диагностика давности и проблемы качества исследований при экспертизе вещественных доказательств биологического происхождения

[1] Бурданова В.С., Коржевская В.Ф. Следственное значение повреждений на трупах лиц, покончивших жизнь самоубийством // Актуальные вопросы теории и практики судебной медицины. Вып. 135. Л., 1975. С. 23.

[2] Гребеньков А.Б., Лунева З.М., Теньков А.А., Телюк В.В. Судебно-медицинская трактовка повреждений, возникших в ближайшее время до и после наступления смерти // Современные вопросы судебной медицины. Владивосток. 2001. С. 100–103.

Важное значение в уголовном судопроизводстве имеет доказательственная деятельность, направленная на установление обстоятельств преступления посредством использования вещественных доказательств. Правильная идентификация, интерпретация вещественных доказательств могут во многом компенсировать неустойчивость доказательственной базы. Наличие вещественных доказательств, указывающих на субъекта преступления, позволяет объективизировать процесс доказывания.

Большое разнообразие биологических объектов и широкий круг вопросов, решаемых экспертами-биологами, требуют от них совершенного владения современными цитологическими, иммунологическими, серологическими, хроматографическими и электрофоретическими методами исследования.

В следственных подразделениях РФ хранятся многие тысячи объектов, изъятых с мест происшествия, на которых имеются следы биологического происхождения. Уголовные дела эти касаются ситуаций, когда убийство не раскрыто, либо когда подозреваемый не разыскан. С течением времени данные вещественные доказательства при ненадлежащих условиях их хранения теряются, загрязняются, утрачивают возможность проведения по ним качественных экспертных исследований[1]. О наличии таких объектов прошлых лет сообщили 48 следователей (75% опрошенных).

В целях максимального обеспечения следственной и судебной практики научно обоснованными доказательствами объективно возникает необходимость изучать и устранять наблюдающиеся в ряде случаев причины неэффективности исследований вещественных доказательств биологического происхождения.

Особое значение здесь имеют наиболее часто встречающиеся в экспертной и следственной практике объекты судебно-медицинских исследований (волосы, сперма, слюна, следы крови). При этом эксперт должен учиты-

---

[1] Алехин Д.В. Неквалифицированное производство следственных действий, как фактор, влияющий на возможность раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 23 мая 2013 г.). М., 2013. Ч. 2. С. 7–11.

вать ряд условий, которые могут влиять на результат исследования. Из числа таких условий важное значение имеют: свойства предмета-носителя и его возможных различных загрязнений; количественные показатели объекта (его объем и вес, количество волос); наличие в самом объекте различных примесей, в том числе обладающих специфическими биохимическими свойствами; прежние воздействия, направленные на изменение природы объекта или его уничтожение; изолированное или одновременное влияние внешних факторов (света, влажности, температуры и т.д.); срок существования объекта (от его образования до времени исследования) с учетом тех воздействий, которым мог подвергаться объект экспертизы.[1]

Те или иные вышеназванные условия были предметом научных исследований, но они, как правило, не носили комплексного характера, анализировали узкую тематику, отчего полученные результаты имели относительную практическую ценность[2]. Приходится констатировать, что, несмотря на тенденцию к поиску новых методов экспертизы вещественных доказательств биологического происхождения, еще недостаточно внимания уделяется динамике изменения свойств исследуемого объекта[3]. Н.А. Звертаев указывает, что совместно со следователем или по его поручению привлеченное сведующее лицо может: а) оказать помощь в правильной упаковке вещественных доказательств, хранящихся при уголовном деле, для продления срока их хранения в неизменном виде; б) обследовать место, где хранятся вещественные доказательства, для определения соответствия условий их хранения определенным требованиям (влажность, освещенность, герметичность, температур-

---

[1] Туребаев О.Н. Установление давности образования пятен крови // Судебно-медицинская экспертиза. 1986. № 1. С. 47–49; Хоменок В.П., Друзь А.Ф., Хоменок Т.О. Исследование пятен крови 46-летней давности // Судебная травматология и новые экспертные методы борьбы с преступлениями против личности. Каунас, 1981. С. 168–169; Колкутин В.В., Магнушевская Э.Л. Случай обнаружения спермы на одежде спустя 70 лет // Военно-юридический вестник Приволжского региона. Вып. 3. Ч. 1. Самара, 2005. С. 176.

[2] Аистов И.А. Использование следов биологического происхождения при расследовании преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 20–23; Болдырева О.В. Значение влияния микроорганизмов на следы крови при судебно-медицинской экспертизе вещественных доказательств: автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 1989. С. 13–17.

[3] Кудрявцева А.В. Проблемы использования судебно-медицинских познаний в расследовании преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Алматы, 1993. С. 17–21; Надоненко О.Н. Криминалистическое значение следов биологического происхождения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 18–21.

ный режим и т.д.) и проинформировать следователя о мерах, которые необходимо принять для исключения порчи указанных объектов[1]. На практике, как правило, данные рекомендации не соблюдаются.

К следам-наложениям биологического происхождения можно отнести широкий круг объектов судебно-биологической экспертизы. Изолированные клетки, фрагменты волос, засохшая кровь, микрочастицы поврежденных тканей и органов в следах-наложениях обычно находятся в едином комплексе[2]. Экспертиза таких следов по существу является комплексной, так как изучению подлежат разнородные объекты, для исследования которых надлежит применять разные методические приемы[3]. Примером может служить судебно-биологическая экспертиза ножа, которым преступник вначале совершил убийство потерпевшего (потерпевших), а затем суицид.

Имеется много методик определения групповой принадлежности в любых объектах биологического происхождения, но недостатками этих методик является либо их малая чувствительность, либо неспецифичность, либо влияние предмета-носителя на сыворотки, в результате чего антигенная принадлежность не может быть установлена. Кроме того, в последние годы экспертная практика сталкивается со случаями необнаружения антигенов системы АВО даже в свежих образцах крови, выделений, волос и т.п.[4]. Нужно учитывать, что при различных заболеваниях (туберкулез, грипп, лейкоз, грибковые поражения) отмечается неправильное определение групп крови экспертами[5].

---

[1] Звертаев Н.А. Формы специальных знаний и основные направления их использования по уголовным делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет // Вестник криминалистики. Вып. 2 (46). 2013. С. 79.

[2] Федоровцев А.Л., Эделев Н.С., Ревнитская Л.А., Королева Е.И. Современные возможности исследования следов-наложений на вещественных доказательствах // Судебно-медицинская экспертиза. 2005. № 1. С. 39.

[3] Загрядская А.П., Федоровцев А.Л., Королева Е.И. Судебно-медицинское исследование изолированных клеток и микрочастиц тканей животного происхождения. М., 1984. С. 7–9.; Толстухина Т.В., Сапожников В.Г. Проблема универсализации процессуального законодательства, регламентирующего производство комплексной экспертизы // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. № 3-2. – С. 131-136.

[4] Барсегянц Л.О. Современное состояние судебно-медицинского исследования вещественных доказательств и пути развития // Судебно-медицинская экспертиза. 2004. № 5. С. 26.

[5] Бочков Н.П. Перспективы медицинской генетики. М., 1982. С. 19.

Следственная практика показывает, что и спустя много лет после их образования следы биологического происхождения могут быть успешно диагностированы при судебно-медицинской экспертизе.

Так, в 1982 г. на железнодорожной станции Тайшет было совершено убийство Н., ведшего бродяжнический образ жизни. Свидетель Р. показал, что преступление совершил ранее неоднократно судимый Т. Последнего задержать не удалось, поскольку он совершил самоубийство, бросившись под поезд. На протяжении 16 лет расследование по делу неоднократно возобновляли и приостанавливали. В 1998 г. дело изучили два опытных работника Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры, обратив внимание, что одежда потерпевшего Н. и покончившего суицидом Т. не направлялась на судебно-медицинское исследование. В ходе проведенной экспертизы на вещах Т. были обнаружены следы крови Н., что в совокупности с иными доказательствами позволило вынести мотивированное постановление о прекращении уголовного дела в связи со смертью лица, совершившего данное преступление[1].

В то же время до сих пор в отечественной судебной медицине не осуществлен критический анализ и обобщение отдельных исследований в аспекте влияния фактора давности на свойства вещественных доказательств биологического происхождения, что мешает реализации на практике проведенных и опробированных отдельных предложений, а также затрудняет в целом представление о разрешении данной проблемы, для чего требуется: а) изучение экспериментальным путем влияния отдельных внешних воздействий и их сочетаний (с учетом различных сроков) на эффективность результатов исследований объектов биологического происхождения; б) установление разрешающей способности применяемых методов, их пороговой чувствительности, поиск новых методов, конкретизирующих сроки давности; в) создание экспертных критериев, позволяющих обоснованно и объективно решать вопросы, ставящиеся следователями и судьями о сроках образования вещественных доказательств биологического происхождения; г) систематическое и своевременное информирование органов следствия, суда и судебно-медицинских экспертов о научно обоснованных возможностях установления

[1] Уголовное дело № 6225. Т. 6 // Архив Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры за 1998 г.

сроков давности при экспертизах вещественных доказательств биологического характера.

Проблемные вопросы естественных диагностических признаков самоубийств

При обнаружении трупа со следами насильственной смерти возникает необходимость установления ее рода, т.е. имело ли место убийство, самоубийство или несчастный случай? Известно, что судебно-медицинские эксперты не вправе решать вопрос о роде насильственной смерти. В первую очередь судебный медик обязан установить, является ли смерть насильственной или ненасильственной, т.е. категорию смерти и ее причину.

В криминалистическом аспекте процесс отличия факта убийства от самоубийства, порой, сложен и требует немалых усилий со стороны следователя, особенно в тех ситуациях, когда возникает подозрение о противоправном лишении жизни человека, замаскированном инсценировкой суицида[1].

Судебных медиков, психиатров и сотрудников правоохранительных органов давно интересовал вопрос о патолого-анатомических особенностях самоубийц, поскольку «…при социальном факторе самоубийства нельзя удовлетворительно объяснить, почему из двух людей одного возраста, пола, одной нации, живущих в одном климате, находящихся в одинаковых условиях существования, физически здоровых, при всех видимых равных условиях один кончает самоубийством, а другому даже мысль о самоубийстве противна и несвойственна. В жизни часто наблюдаются такие случаи, которые социально-экономическими причинами не объяснить»[2].

С 30-х годов XIX в. взгляд на суицид как на болезнь возник и развивался в Европе в рамках медицинских и общественных дисциплин. Французский врач Этьен Эскироль в своем труде «Об умственных болезнях» (1838) дока-

---

[1] Кузнецов В.В. Инсценировка как способ сокрытия преступления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1977. С. 9–13; Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками. М., 1973. С. 68–103; Рывкин С.Ю. Особенности расследования и предупреждения убийств, совершенных военнослужащими: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 18–22.

[2] Гавриловский В.П. К вопросу об анатомических изменениях на трупах самоубийц // Судебно-медицинская экспертиза. Кн. 11. М.; Л., 1929. С. 59.

зывал, «…что человек покушается на свою жизнь только в состоянии умственного помешательства, и что самоубийцы – помешанные»[1]. Соотечественник Э. Эскироля врач С.Е. Бурден в работе «Самоубийство как болезнь» (1845) обосновывал суицид в качестве самостоятельной болезни[2].

Английский медик Форбес Винслоу в книге «Анатомия самоубийства» (1840) писал, что «…в большей мере, чем обыкновенно думают, предрасположенность к самоубийству происходит от расстройства мозга и органов пищеварения», причем «…желудок, печень и кишечник наиболее часто являются областью патологических явлений»[3].

В СССР эти и подобные исследования именовали «вульгарным биологизаторством в судебной медицине», «лобмрозианством»[4]. Следует заметить, что небольшая по объему и научно-популярная по содержанию книжка итальянского врача-психиатра Ч. Ломброзо, посвященная особенностям «преступного человека», появилась намного позже указанных работ, а вопросы суицида в ней почти не рассматривались[5]. Но и после того, как ученые перестали именовать суицид болезнью, исследователи разных стран продолжали поиск «диагностических признаков» самоубийц.

В начале XX в. австрийский медик Антон Брош вскрыл более 370 трупов самоубийц и заявил, что в 7,6 % случаев обнаружил явные признаки душевной болезни[6]. В этому же периоду времени относятся исследования немецких ученых Геллера и Оллендорфа, которые исследовали головной мозг у 600 самоубийц, обнаружив почти у всех изменения в мозгу, гиперостозы и склерозы черепа[7]. Немногим позже А.И. Крюков и другие медики, исследовав черепа самоубийц, нашли преждевременное заращение швов череп-

---

[1] J.E.D. Esquirol. Des Maladies mentales. Paris, 1838. p. 315.
[2] C.E. Bourdin. Du suicide considèrè comme maladie. Paris, 1845.
[3] Forbes Winslow. The Anatomy of Suicide. London, 1840. p. 280.
[4] Поркшеян О.Х. О вульгарном биологизаторстве в судебной медицине капиталистических стран // Судебно-медицинская экспертиза. 1986. № 1. С. 6–11; Десятов В.П., Шнайдер А.Д. К вопросу о приоритете идеологической борьбы с лженаучной теорией Ч. Ломброзо // Судебно-медицинская экспертиза. 1987. № 2. С. 7–8.
[5] Lombroso C. L'hommecriminel. Paris, 1887; Голлэндер. Причины преступности // Тюремный вестник. 1908. № 4. С. 363–368.
[6] Гордон Г. Современные самоубийства // Русская мысль. 1912. № 5. С. 79.
[7] Косоротов Д.П. Учебник судебной медицины. М.; Л., 1928. С. 297.

ных костей (нормально швы зарастают после 50 лет, а у самоубийц – уже в молодом возрасте), образование выпуклостей, неровностей («гребешков») и вдавлений на основании черепа, истончение черепной крышки и т.п[1]. Правда, через несколько лет А.И. Крюков признал: «Долгое изучение, около 30 лет, черепов как самоубийц, так и умерших от других причин, на громадном числе судебно-медицинских вскрытий привело меня к глубокому убеждению,…что дегенерация, особенно черепа, коснулась не только лиц, так или иначе покончивших жизнь, но захватила поражающее число людей на вид почти нормальных»[2]. Подобное мнение в XIX в. высказывал итальянский исследователь Джузеппе Пели (Giseppe Peli)[3].

Советский судебный медик В.П. Гавриловский опубликовал результаты своих 11-летних наблюдений при экспертизе трупов самоубийц. Главные отличия таких субъектов – это малое сердце и узость кровеносных сосудов по сравнению с общим весом всего тела, увеличенный тонус, уменьшенные надпочечники и набухание головного мозга. «Наиболее ярко и постоянно подобные изменения находились на трупах лиц, самоубийство которых с точки зрения дознания и следствия не мотивировалось»[4].

Другой судебно-медицинский эксперт Д.И. Зискинд (Курская губерния) описал дегенеративные признаки черепа «заведомых самоубийц» (1930), отметив: «В некоторых запутанных случаях, когда было весьма трудно решить вопрос, имеется ли в данном случае убийство, самоубийство или несчастный случай, совокупность вышеприведенных наблюдений позволила мне ставить дифференциальный судебно-медицинский диагноз, если позволительно так выразиться: до сих пор судебных недоразумений у меня не было»[5].

---

[1] Крюков А.И. К вопросу о причинах самоубийства // Неврология и психиатрия. Орел, 1923. С. 56–72.
[2] Крюков А.И. О дегенерации черепа // Архив криминологии и судебной медицины. Т. 1. Кн. 2–3. Харьков, 1927. С. 706.
[3] Ковалевский П.И. Библиография // Архив психиатрии, нейрологии и судебной психопатологии. Харьков, 1884. Том IV. № 2. С. 159.
[4] Гавриловский В.П. К вопросу об анатомических изменениях на трупах самоубийц // Судебно-медицинская экспертиза. Кн. 11. М.; Л., 1929. С. 59–60.
[5] Зискинд Д.И. Дегенерация черепа как фактор, помогающий ставить дифференциальный диагноз между убийством и самоубийством // Судебно-медицинская экспертиза. Книга 14. М.; Л., 1930. С. 48–49.

Подобное заявление эксперта для той эпохи звучало вполне обоснованно. «Положение о медицинских экспертах» (24 октября 1921 г.), утвержденное народными комиссариатами здравоохранения и юстиции РСФСР, давало судебному медику возможность не только определять род насильственной смерти. При проведении экспертизы медицинский эксперт фактически наделялся правами следователя: он имел право требовать для обозрения все документы, относящиеся к расследуемому событию, переписку и вещественные доказательства; он мог производить осмотры местности и помещений, опрашивать потерпевших, свидетелей, сведущих лиц. Участие следователя в указанных действиях медицинского эксперта не предусматривалось[1].

В середине 30-х годов XX в., как отмечает С.Н. Еремин, вследствие неточностей инструкций Наркомздрава, регулирующих работу судебных медиков, в среде последних начало укрепляться мнение о том, что судебно-медицинский эксперт является научным судьей. Судебные медики стали вторгаться в область квалификации преступлений (убийство, самоубийство, несчастный случай) вплоть до установления вины конкретных подозреваемых[2].

Спустя десятилетия проблема взаимосвязи суицида с заболеваниями индивида продолжала интересовать отечественных судебных медиков. Х.Г. Эритс сообщал: «Нередко из обстоятельств происшествия, катамнестических данных и медицинских документов, и с учетом данных исследования трупа устанавливалась очевидная связь суицидального поступка с заболеванием… В изученном нами материале в 64 % суицидальных случаев были обнаружены различные хронические заболевания, которые могли быть причи-

---

[1] Березутский Е.Ю. Актуальные вопросы теории и практики исследования материальной обстановки места убийства: автореф. дис. … канд.., 2001. С. 10; Панфиленко О.А. О состоянии и деятельности советской судебно-медицинской экспертизы в 20-е годы // Судебно-медицинская экспертиза. 1988. № 4. С. 58–59.

[2] Еремин С.Н. Заключение специалиста как новый вид доказательства в уголовном судопроизводстве (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 8.

ной или мотивом суицидального поступка»[1]. Разумеется, эта информация могла бы оказать помощь и следователям.

Представляются заслуживающими внимания для диагностики суицида исследования В.С. Тишина (лаборатория экспериментальной физиологии по оживлению организма АМН СССР). Он изучил случаи насильственной смерти здоровых людей, разделенные на 5 групп по патогенетическому признаку, установив следующее: 1) при внезапном глубоком нарушении функций центральной нервной системы, как и при мгновенно наступившей смерти, фиксируется то содержание гликогена и сахара в печени, которое имелось к моменту травмы; 2) возбуждение высших отделов центральной нервной системы (суицидальные переживания), как правило, вызывает обеднение печени углеводами и обусловливает появление сахара в моче[2]. Иными словами, если самоубийству предшествовал определенный период обдумывания, подготовки к уходу из жизни, то это можно определить при соответствующих анализах, взятых от трупа.

К сожалению, изучая сборник «Следственная практика» за период 60–80 гг. минувшего века (издание ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР), мы не встретили указания на то, что названный В.С. Тишиным диагностический признак суицида был использован следователями. Нет таких сведений и в публикациях издания Следственного комитета РФ «Предварительное следствие».

Другим индикационным признаком суицида могут быть исследования надпочечников. В.И. Алисиевич сообщает: «Судебному медику необходимо знать признаки стимуляции нейро-эндокринной системы, которые могут быть свидетелями того, что организм перед смертью находился в состоянии стресса… Наибольшее практическое значение для диагностики состояния

---

[1] Эритс Х.Г. Значение заболеваний при суицидальных случаях // Актуальные вопросы судебной медицины и патологической анатомии. Таллин, 1975. С. 134–136.

[2] Тишин В.С. Функциональное состояние высших отделов центральной нервной системы перед наступлением насильственной смерти и содержание углеводов в печени трупа // Судебно-медицинская экспертиза. 1961. № 2. С. 6–10.

стресса имеют изменения в надпочечниках»[1]. А предсмертное состояние самоубийц, как правило, характеризуется стрессом[2], что поможет в определенных случаях отличить суицид от его инсценировки.

Изложенные обстоятельства обусловили проведение нами в 2012 г. опроса руководителей бюро судебно-медицинских экспертиз в 30 субъектах Российской Федерации[3]. Респондентам предлагалось ответить на два вопроса:

1. Используют ли судебные медики сведения о заращивании швов черепа у лиц, покончивших суицидом, как диагностический признак склонности человека к самоубийству?

2. Используются ли ныне экспертами иммуногистохимические исследования, позволяющие определить наличие депрессивного состояния у лица, покончившего самоубийством?

Для ответа на второй вопрос респондентам высылалась ксерокопия статьи судебных медиков Ю.И. Пиголкина и В.Д. Гончарука, обобщающая результаты иммуногистохимических исследований причин депрессии в нашей стране и за рубежом[4].

По итогам полученных нами ответов можно заключить: в приказе Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346 н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-медицинских учреждениях Российской Федерации» нет упоминания об утвержденных сертифицированных методиках диагностики склонности к суициду по особенностям заращения швов черепа, а также диагностики депрессивных состояний иммуногистохимическими методами. По данной причине вышеуказанные иссле-

---

[1] Алисиевич В.И. К судебно-медицинской диагностике состояния стресса // Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы трупа. М., 1977. С. 22–24.

[2] Амбрумова А.Г. Психология самоубийства // Социальная и клиническая психиатрия. 1996. № 4. С. 14–19; Выдрина Н.В. Особенности мотивации самоубийств // Актуальные проблемы правоведения в современный период. Ч. 2. Томск, 1993. С. 133–134.

[3] Ардашев Р.Г. О возможности экспертной диагностики склонности к суициду // Закон и право. 2012. № 11. С. 97–98.

[4] Пиголкин Ю.И., Гончарук В.Д. К вопросу о диагностике депрессивных состояний // Судебно-медицинская экспертиза. 1997. № 4. С. 41–42.

дования не используются судебно-медицинскими экспертами. В настоящее время в судебно-медицинской экспертной практике используются медицинские технологии, разрешенные к применению Росздравнадзором[1].

В то же время некоторые ответы позволяют сделать вывод о неоднозначности отношения ряда экспертов к исследуемой проблеме.

Например, начальник бюро судебно-медицинских экспертиз (СМЭ) Ростовской области сообщает: «Сейчас повсеместно прослеживается нарушение последовательности заращивания швов черепа, поэтому данная методика для диагностики склонности человека к самоубийству не применяется»[2].

Начальник областного Мурманского бюро СМЭ считает целесообразным «…назначение комиссионной судебно-медицинской экспертизы с привлечением судебного психиатра и оценкой исчерпывающих данных относительно жизни усопшего. Исследование швов черепа следует считать как дополнение к уже полученным данным»[3].

Некоторые респонденты указывают на отсутствие необходимой материальной базы, позволяющей проводить новейшие исследования. «В государственном казенном учреждении «Курганское областное бюро судебно-медицинской экспертизы» иммуногистохимические исследования не проводятся ввиду отсутствия соответствующего оборудования»[4].

Начальник бюро СМЭ Калининградской области сообщает: «Иммуногистохимические методы исследования для нашего учреждения пока еще остаются недоступными…»[5]. О попытке экспертов провести исследования на более совершенном оборудовании говорится в ответе исполняющего обязанности начальника бюро СМЭ Архангельской области: «По поводу диагностики депрессивных состояний начальник бюро СМЭ обращался в Институт

---

[1] См.: Клевно В.А. Медицинские технологии, используемые при производстве судебно-медицинских экспертиз: сборник медицинских технологий. М., 2012.
[2] Письмо № 1467 от 26 июня 2012 г. Личный архив автора.
[3] Письмо № 763 от 20 июня 2012 г. Личный архив автора.
[4] Письмо № 1020 от 18 июня 2012 г. Личный архив автора.
[5] Письмо № 784 от 18 июня 2012 г. Личный архив автора.

мозга человека, куда направлялись для исследования гистологические препараты…»[1].

На наш взгляд, наиболее доказательной научной работой последних лет в России, подтверждающей перспективу названных исследований, является монография Ф.В. Алябьева, Ю.М. Падерова и С.Ю. Кладова (2005), предназначенная эндокринологам, а также работникам следствия и суда[2].

В аннотации книги указано, что результаты данного исследования позволяют «…с высокой долей вероятности диагностировать наличие завершенного суицида». По мнению указанных авторов, «…у самоубийц в сравнении с контрольной группой регистрируется статистически значимое увеличение массы левого надпочечника и коркового вещества левого надпочечника»[3]. При этом «…у самоубийц по сравнению с контролем снижается функциональная активность пучковой зоны левого надпочечника, а также клубочковой, пучковой и сетчатой зон правого надпочечника… Используя дискриминантный анализ, при помощи всего трех показателей морфофункционального состояния надпочечников можно со 100 % безошибочностью дифференцировать случаи смерти, вызванные механической травмой, и реализованную попытку суицида»[4]. Иначе говоря, эти данные могут принести реальную пользу следователям в ситуациях неопределенности рода насильственной смерти. Однако, с учетом изложенного, судебно-медицинская экспертиза здесь будет проводиться с участием немногих пока в России узких специалистов.

Кроме иммуногистохимических методов диагностики суицида другое направление такой диагностики могут дать дерматоглифические исследования. «С позиций криминалистической науки предмет дерматоглифики ориентирован на изучение кожного рельефа и представляет собой особую сферу, входящую в систему антропологических знаний»[5]. Основоположник россий-

---

[1] Письмо № 2557 от 7 июня 2012 г. Личный архив автора.
[2] Алябьев Ф.В., Падеров Ю.М., Кладов С.Ю. Морфология надпочечников в случаях завершенного суицида. Томск, 2005.
[3] Алябьев Ф.В. и др. Указ. раб. С. 59.
[4] Алябьев Ф.В. и др. Указ. раб. С. 65–66.
[5] Криминалистика /под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло СПб., 2001. С. 183.

ской криминалистической дерматоглифики В.В. Яровенко дает следующее определение: «Криминалистическая дерматоглифика – это самостоятельный раздел следоведения, изучающий признаки и характеристики папиллярных узоров, волярные поверхности кистей рук и стоп, флексорные (сгибательные), функциональные складки и кожу человека в целом, а также их следы, путем проведения следственных и розыскных мероприятий в целях определения черт характера, свойств организма, обусловленных генетическими, национальными и географическими признаками»[1].

Дерматоглифические исследования интересуют не только криминалистов, но также медиков, антропологов, этнографов. В медицинской дерматоглифике имеются сведения об особенностях рисунков кожи рук при значительном числе заболеваний[2]. В последние годы ряд исследователей обратили внимание на поиск особенностей дерматоглифики у самоубийц, описательные признаки кожных узоров которых «…имеют отличия строения гребешковой кожи по сравнению с контрольной группой»[3]. Как новое направление в криминалистической дерматоглифике следует рассматривать психодерматоглифику, анализ которой направлен на диагностику отклоняющегося или девиантного поведения; к сфере последнего относят агрессивные действия по отношению к другим, употребление алкоголя, наркотиков, курение, бродяжничество, самоубийство[4].

В контексте изложенного представляют интерес исследования группы российских судебных медиков, изучивших отпечатки кожных узоров стоп трупов 98 мужчин, погибших от передозировки наркотиков, а также 50 мужчин, покончивших жизнь самоубийством (по данным следствия). В качестве контрольной группы использовались отпечатки стоп трупов 166 мужчин, до-

---

[1] Яровенко В.В. Криминалистическая дерматоглифика. Владивосток, 2011. С. 61.

[2] Бочков Н.П., Буланов А.Г., Бураковский Г.Г. Количественный дерматоглифический метод диагностики болезни Дауна // Вопросы охраны материнства и детства. 1972. Т. 17, № 6; Звягин В.Н., Тарасов И.Б. Судебно-медицинские аспекты дерматоглифики кистей и стоп // Судебно-медицинская экспертиза. 1989. № 2. С. 14.

[3] Зороастров О.М., Чистикин Т.А., Зороастров М.О., Бевза А.Л. Судебно-медицинские аспекты исследований кожных узоров как маркеров предрасположенности к наркомании и сопровождающим ее суицидам // Судебно-медицинская экспертиза. 2009. № 4. С. 42.

[4] Яровенко В.В. Криминалистическая дерматоглифика. Владивосток, 2011. С. 156–157.

стоверно умерших от иных причин. В группе самоубийц описательные признаки дерматоглифики стоп имели значительные отличия строения гребешковой кожи по сравнению с контрольной группой. При этом был выявлен ряд однонаправленных уклонений отдельных признаков дерматоглифики у лиц, употреблявших наркотики и склонных к суициду[1].

Специалисты в области судебной медицины, С.А. Иваненко, А.П. Божченко, И.А. Толмачев, разработали методику для диагностики предрасположенности к суициду, использовав 20 наиболее информативных признаков различных участков гребешковой кожи рук и ног человека. Причем эта предрасположенность рассматривается как неустойчивость нервной системы человека в условиях хронического стресса, когда суицид только одна из составляющих неадекватного поведения человека. По пальцам рук эффективность разработанных моделей, как утверждают авторы, составляет 83 %, по пальцам ног – 82 %, по ладоням – 76 %, по подошвам –74 %. Эти исследования «…позволяют в комплексе с другими методиками с большей эффективностью определять риск суицида в практике производства судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз, а также использовать их в системе профессионального отбора»[2]. С учетом изложенного, на разрешение судебной дерматоглифической экспертизы[3] можно поставить вопрос: имеет ли дерматоглифика участков гребешковой кожи рук и ног погибшего (фамилия, имя, отчество) признаки, свидетельствующие о предрасположенности к суициду, и какие именно?

Однако, следует отметить, что «дерматоглифика, как генетический маркер, является лишь предпосылкой для прогноза поведенческой и психической индивидуальности человека. Особенно успешно дерматоглифические

---

[1] Зороастров О.М., Чистикина Т.А., Зороастров М.О., Бевза А.Л. Судебно-медицинские аспекты исследований кожных узоров как маркеров предрасположенности к наркомании и сопровождающим ее суицидам // Судебно-медицинская экспертиза. 2009. № 4. С. 41–43.

[2] Иваненко С.А., Божченко А.П., Толмачев И.А. Дерматоглифика суицидентов: характеристика и значение в решении экспертных задач // Судебно-медицинская экспертиза. 2011. № 5. С. 29.

[3] Яровенко В.В. Криминалистическая дерматоглифика. Владивосток, 2011. С. 171; Зороастров М.О. Судебно-медицинские аспекты динамики и генетических основ самоубийств у жителей Тюменского региона: автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 2006.

критерии используются в спортивной медицине для профессионального отбора в конкретные виды спорта. Но и в этом случае выявленный дерматоглифический «портрет» не является 80 или 100 % гарантом выдающихся спортивных достижений»[1].

В танатологии – отрасли науки, занимающейся аспектами умирания и смерти, – в последние годы привлекают внимание результаты нетрадиционных научных исследований, которые требуют тщательной проверки, отработки новых методик[2]. В настоящее время в судебно-медицинской танатологии используется большой арсенал методов и средств диагностики, но их информативность, достоверность и объективность не всегда удовлетворяют потребности судебных медиков и следователей[3]. Развитие учения о биоэнергетике организмов позволило специалистам разных стран прийти к выводу, что информационно-энергетические поля не сразу исчезают после гибели их биологического обладателя, а существуют еще некоторое время, что позволяет обнаружить их с помощью специальной аппаратуры и даже попытаться расшифровать определенную информацию, которой ранее обладал живой организм. В указанном контексте особый интерес для криминалистов и судебных медиков представляет явление «эффекта Кирлиан». В 1949 г. в СССР супруги Кирлиан зарегистрировали патент на метод фотографирования объектов в высокочастотном электрическом разряде[4]. Хотя свечение различных объектов, в том числе имеющих биологическую природу, в электромагнитных полях высокой напряженности было известно еще в XIX в.[5], это явление получило имя российских изобретателей, долгое время работавших над усовершенствованием приборного наблюдения свечения газового разряда, воз-

---

[1] Письмо № 950 от 20 марта 2013 г. директора Российского Центра судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РФ А.В. Ковалева. Личный архив автора.
[2] Рязанцев С. Танатология – наука о смерти. СПб., 1994. С. 92, 118–119.
[3] Науменко В.Г., Алисиевич В.И., Концевич И.А., Шагылыджов К.Ш. Состояние и перспективы разработки вопросов судебно-медицинской танатологии // Судебно-медицинская экспертиза. 1989. № 3. С. 11–14.
[4] Кирлиан С.Д., Кирлиан В.Х. В мире чудесных разрядов. М., 1964.
[5] Погорельский М. Электрофотосфены и энергография как доказательство существования физиологической полярной энергии. СПб., 1899.

никающего вблизи поверхности исследуемого объекта при помещении последнего в электрическое поле высокой напряженности.

«Эффект Кирлиан» использовался в экспериментальных исследованиях, проведенных в 90-х годах минувшего столетия сотрудниками Санкт-Петербургского института точной механики и оптики под руководством проф. К.Г. Короткова. Он утверждает, что информационно-энергетические поля окружают тело умершего человека в течение нескольких суток после наступления смерти, постепенно исчезая. По мнению К.Г. Короткова, физические параметры этих полей с большой степенью достоверности показывают, как ушел из жизни человек: а) от естественных причин, обусловленных состоянием организма; б) от последствий неожиданных катастроф (транспортных и иных); в) вследствие самоубийства или насильственного действия преступника[1].

Все эксперименты на трупах лиц, умерших от разных причин, были получены в одних и тех же условиях: в одном помещении, с одной и той же аппаратурой, работающей в определенном стабилизирующем режиме. В основном исследования проводились с пятницы до понедельника, то есть включали трое полных суток, дважды эксперименты длились четверо суток. При опытах левая рука трупа устанавливалась в определенном положении на электроде. Круглосуточно, через каждый час, снимались газоразрядные характеристики левой кисти, указательного, среднего, безымянного и маленького пальца, что определялось конструкцией фиксирующей системы. Для компьютерной обработки каждая газоразрядная фотография снималась сканером, настроенным в определенном режиме. Полученные компьютерные образы обрабатывались при помощи специально разработанного программного обеспечения[2].

---

[1] Валентинов А. Диагноз для покойника // Российская газета. 1995. 24 февраля; Валентинов А. Книга судеб в научной прозе // Российская газета. 1996. 20 декабря; Коротков К. Когда душа расстается с телом? // Наука и религия. 1995. № 8. С. 48–50; Коротков К.Г. Свет после жизни. СПб., 1996.

[2] Коротков К.Г. Свет после жизни. СПб., 1996. С. 55–84.

По утверждению К.Г. Короткова, газоразрядные кривые (показатели) трупа, фиксируемые специальной аппаратурой не менее трех суток подряд с момента наступления смерти, продемонстрировали в экспериментах следующие особенности по названным выше группам случаев:

1. Кривые с относительно небольшой амплитудой колебаний (естественная смерть).
2. Кривые с относительно небольшой амплитудой при наличии одного ярко выраженного пика (смерть в результате катастрофы).
3. Кривые с колебаниями большой амплитуды, продолжающимися в течение длительного времени (суицид или убийство)[1].

В 2002 г. К.Г. Коротков объявил о намерении «допрашивать» умерших людей: «…Мы возвращаемся к нашим старым экспериментам с покойниками, но уже на новом уровне. Если раньше мы просто облучали тела, вызывая свечение информационных полей, остающихся после смерти, то теперь попробуем «общаться» с ними, получить и расшифровать информацию, которую они накопили за время жизни человека. Несмотря на кажущуюся фантастичность такой идеи, предварительные изыскания показали, что это возможно»[2].

На первый взгляд, данные исследования очень перспективны для выявления вероятности вида насильственной смерти в случаях ее неопределенной диагностики. Однако оценка данного «научного открытия» сотрудниками правоохранительных органов и учеными свидетельствует об ином отношении к нему.

Наши запросы в правоохранительные органы г. Санкт-Петербурга, в котором живет и работает К.Г. Коротков, показали, что ГУ МВД, РУ ФСБ и управление следственного комитета РФ не используют в своей деятельности названную методику «инструментального опроса» трупов[3]. О несостоятельности данной методики упоминает Е. Шишов, не касаясь порочности техни-

---

[1] Коротков К.Г. Указ. раб. С. 87–108.
[2] Валентинов А. Разговор с покойником о физике и жизни // Российская газета. 2002. 12 апреля.
[3] Ардашев Р.Г. Об одной псевдонаучной инновации // В защиту науки. Бюллетень № 10. М., 2012. С. 94–97.

ческой стороны исследования[1]. Академик Е.Б. Александров, возглавляющий Физико-технический Институт РАН, пишет: « Надо отдать должное г-ну Короткову – часть представленных им экспериментальных данных вполне говорит сама за себя… Это – тенденциозная выборка из последовательности случайных событий… Автор, называющий себя физиком, занимается газоразрядной визуализацией «ауры», всерьез пишет о «Верховном духе» и «Тонком мире», верит в медиумизм... Книга производит крайне тягостное впечатление»[2].

Иными словами, «открытие» К.Г. Короткова является псевдонаучным, наподобие «запатентованного» способа Л.М. Вильданова о поиске пропавшего без вести человека (или его трупа) по вещи, принадлежавшей исчезнувшему[3]. В то же время судебными медиками зарегистрирован новый тип электрической активности, названный медленноволновой электрической активностью (МВЭА) в органах умершего субъекта, что позволяет использовать данный метод для разработки экспертных критериев давности наступления смерти[4]. В состоянии умирания мышцы продолжают сокращаться при их электрическом раздражении, данные посмертные реакции переживающих органов и тканей получили название суправитальных реакций[5].

В целом же можно прийти к выводу, что уровень современных научных знаний, прежде всего в области судебной медицины, достаточно высок для того, чтобы следователь смог принять обоснованное правовое решение по факту суицида.

---

[1] Шишов Е. Об использовании специальных познаний для получения криминалистически значимой информации в ходе расследования // Уголовное право. 2001. № 4. С. 82.
[2] Александров Е.Б. Проблемы экспансии лженауки // В защиту науки. Бюллетень № 1. М., 2006. С. 27–28.
[3] Архипова А.Н., Китаев Н.Н. О подмене «нетрадиционных» приемов раскрытия преступлений лженаучными рекомендациями // Вестник криминалистики. 2011. № 1.
[4] Неделько Ф.Н., Бутуханов В.В., Томилова И.Н. Динамика электрической активности некоторых органов экспериментальных животных в позднем посмертном периоде // Судебно-медицинская экспертиза. 1987. № 1. С. 12–14.
[5] Локтев В.Е., Федосюткин Б.А. Определение давности наступления смерти на месте происшествия. М., 1992. С. 19.

3.2.2. Тактические особенности назначения и производства криминалистических экспертиз

Сведения о назначении криминалистических экспертиз при расследовании убийств, замаскированных инсценировками суицида, можно найти в работах В.С. Бурдановой, Г.Н. Мудьюгина и некоторых других авторов[1]. Однако в отечественной криминалистике до последнего времени отсутствовали исследования, посвященные роли криминалистических экспертиз при расследовании убийств, сопряженных с суицидом виновных лиц.

В ситуациях очевидного убийства, когда убийца покончил с собой на месте преступления или позже в другом месте; когда убийца покончил с собой при задержании; в ситуации неочевидного убийства, при обнаружении трупов с признаками насильственной смерти, один из которых имеет признаки самоубийства, проводились следующие криминалистические экспертизы: баллистические, холодного оружия, узлов, восстановления целого по частям, наложения микрочастиц, почерковедческие. О криминалистической экспертизе узлов при расследовании убийств и самоубийств упоминает Н. Майлис[2]. При утоплении-самоубийстве в ряде случаев имеет место связывание себе рук и ног[3]. Ю.С. Сапожников сообщает о характерных особенностях связывания рук самому себе у самоубийц, обычно очень отличающихся от тех, которые бывают при связывании рук другими людьми[4]. Он пишет о таких утопленниках: «Если труп связанный, всегда следует обращать внимание на характер и особенности узлов»[5]. Аналогичные наблюдения имеются в работе те П. Реефельдта, который описывал даже двойной суицид (утопление) супружеской четы[6].

---

[1] Бурданова В.С. Расследование уголовных дел об убийствах, замаскированных инсценировкой самоубийства, и дел о доведении до самоубийства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Л., 1966. С. 12–13; Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками. М., 1973. С. 68–103.
[2] Майлис Н. Экспертные исследования узлов // Социалистическая законность. 1982. № 2. С. 48.
[3] Красавин С.М., Колпащиков Е.Г. Установление последовательности действий при комбинированном способе самоубийства // Судебно-медицинская экспертиза. 1987. № 4. С. 61.
[4] Сапожников Ю.С. Криминалистика в судебной медицине. Киев, 1970. С. 213.
[5] Сапожников Ю.С. Указ. раб. С. 215.
[6] Реефельдт П. Судебно-медицинское установление преступления: Руководство для органов уголовного розыска, дознания и следствия. М., 1928. С. 58.

В ситуации, когда подозреваемый (обвиняемый) в убийстве задержан (заключен под стражу) и прибегнул к суициду, из 11 случаев суицида (8 – самоповешение, 3 – вскрытие вен) ни по одному делу не назначалась экспертиза узлов или микрочастиц, находящихся на руках и одежде покойного с целью исключения возможной инсценировки самоубийства, хотя в литературе такие случаи упоминаются[1]. Не назначалась и судебно-почерковедческая экспертиза предсмертных записок, обнаруженных в камере.

В ситуации, когда лицо, обвиняемое в совершении убийства, покончило с собой в ходе судебного следствия или после вынесения обвинительного приговора, (5 эпизодов самоповешения) в четырех случаях имело место оставление предсмертных записок, которые на криминалистическую экспертизу не направлялись. В целом из 134 уголовных дел по 39 (29 %) обнаружены предсмертные письма (записки) убийц, по 27 из которых назначалась почерковедческая экспертиза. В двух случаях письма имели значительный объем (более 300 слов), но возможной автороведческой экспертизы по ним не назначалось[2], хотя представлялось важным получение ответа на вопрос: является ли текст спонтанным или подготовленным?[3]

Ни по одной из 27 экспертиз предсмертных писем убийц не ставился вопрос о времени исполнения документа, хотя в некоторых случаях судебно-техническая экспертиза документа могла бы, на наш взгляд, исключить инсценировку суицида (использование убийцей текстов, написанных «суицидентом» при своих раздумьях об уходе из жизни задолго до расследуемого события).

Назначение указанных экспертиз в отношении предсмертной записки позволяет проверить следующие версии: 1) записка написана перед смертью

---

[1] Сайков В.И. Преступления без наказания. Иркутск, 2009. С. 82–84.

[2] Так произошло в случае с Владимиром Стуйной-Гусаковым, входившем в состав банды, убившей 9 человек. Стуйна покончил с собой и малолетним сыном, оставив прокурору большое предсмертное письмо, содержание которого позволило арестовать и осудить всю преступную группу. Уголовное дело № 2-19/2001. Архив Нижегородского областного суда, 2001; Уголовное дело № 1-24/2001. Архив Вильнюсского окружного суда, 2001. – *Прим. авт.*

[3] Галяшина Е.И., Ермолова Е.И. Перспективы развития автороведческой экспертизы в России // Судебная экспертиза. 2005. № 3. С. 5.

и в связи с решением покончить жизнь самоубийством; 2) записка написана ранее, но решение о суициде, действительно, было и к моменту смерти не изменилось; 3) записка написана другим лицом; 4) записка написана потерпевшим, но текст составлен другим лицом[1].

При расследовании убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом, совершенных с применением огнестрельного оружия, назначаются судебно-баллистические экспертизы для выяснения вопросов: о пригодности оружия к стрельбе, о давности последнего выстрела, о расстоянии, с которого производились выстрелы и т.п. При сопоставлении с другими материалами уголовного дела, ответы на подобного рода вопросы помогают при установлении картины события, а также при разоблачении возможных инсценировок[2]. Необходимыми являются и комплексные экспертизы снарядов (дроби, пуль).

Так, бывший член фермерского хозяйства Ш. застрелился в своем доме из обреза охотничьего ружья 12 калибра. В тот же день на открытой местности (поле) были обнаружены трупы фермеров С. и Ч. с огнестрельными ранениями. Комплексная экспертиза дроби и пуль, извлеченных из трупов Ш., С. и Ч. показала, что они имеют одинаковый качественный элементный состав, как и фрагменты пыжей, внедрившихся в тела покойных. Эксперты-баллисты выявили признаки недавних выстрелов из обреза Ш. Впоследствии было доказано, что преступление Ш. совершил из мести, поскольку потерпевшие не желали вернуть ему долг[3].

На первоначальном этапе расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом, часто назначают дактилоскопические экспертизы с целью установления личности преступника (когда на месте происшествия находятся только трупы потерпевших).

Так, 28 февраля 2013 г. в квартире дома по ул. Аэродромной в г. Санкт-Петербурге были обнаружены с огнестрельными ранениями головы тела проживавших там Сабины Р. и ее малолетней дочери Арины. На при-

---

[1] Квитко Н., Холопова Е. Особенности отдельных видов судебно-психологических экспертиз по факту самоубийства [Электронный ресурс] // Право и жизнь. 2002. № 46 (2). Режим доступа: http://www.law-n-life.ru/index.php/ru/m-arhiv-ru-ru/m-arhiv1-end-ru-ru (дата обращения: 31.08.2016).

[2] Семеногов В.В. Использование возможностей судебных экспертиз при расследовании убийств, скрытых инсценировками // Криминалистика XXI столетия. Материалы международной научно-практической конференции 25-26 сентября 2010 г. Харьков. 2010. С. 479-480.

[3] Уголовное дело № 2007227676. Архив Каменского межрайонного СО СУ СК РФ по Ростовской области за 2008 г.

частность к совершению данного преступления сотрудники органов внутренних дел пытались проверить бывшего мужа Сабины – Олега Р., автомобиль которого они остановили в г. Волхове Ленинградской области. После блокировки его автотранспорта, Олег Р. покончил с собой, выстрелив себе в голову из обреза двуствольного охотничьего ружья 16-го калибра. Судебная дактилоскопическая экспертиза установила наличие отпечатков пальцев Олега Р. в жилище потерпевших, а в ходе расследования его вида в содеянном была убедительно доказана[1].

Иногда при расследовании дел названной категории назначаются трасологические экспертизы следов ног.

Так, ранним утром 10 сентября 2012 г. Петр И., вооружившись охотничьим самозарядным ружьем 12-го калибра, пришел в дом, где находились его дети, жена и родители жены (всего пять человек). На почве неприязненных отношений, обусловленных длительным пьянством И. и твердым намерением супруги расторгнуть с ним брак, Петр И. убил всех пятерых потерпевших, а позднее он застрелился сам. В качестве одного из доказательств вины И. следователь сослался на заключение № 360 трасологической экспертизы: след обуви, обнаруженный на фрагменте доски крыльца дома, где были убиты потерпевшие, мог быть оставлен кроссовком на левую ногу, изъятым с трупа Петра И.[2]

По 7 уголовным делам об убийствах, как мы полагаем , могла бы иметь существенное значение реконструкция события, для чего большую помощь могли бы оказать комплексные экспертизы по исследованию места происшествия (которые в криминалистической литературе называют ситуалогическими или ситуационными)[3]. Однако для таких комплексных экспертиз объективно требуются качественные материалы (подробные протоколы осмотров места происшествия и трупа на нем, с множественными цветными фотоснимками и проведенными видеозаписями обстановки; подробные заключения судебных экспертиз, иллюстрированные соответствующими наглядными приложениями)[4], что ни в одном случае не имело места. Нужно согласиться с

---

[1] Уголовное дело № 99139. Архив следственного отдела по Приморскому району ГСУ СК РФ по г. Санкт-Петербургу за 2013 г.

[2] Уголовное дело № 560458. Архив следственного управления СК РФ по Республике Хакасия за 2013 г.

[3] Хазиев Ш. Возможности судебно-трасологической экспертизы // Соц. законность. 1991. № 12. С. 37.

[4] Архипова А.Н., Китаев Н.Н. Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы в ситуациях, когда труп потерпевшего не обнаружен или подвергался уничтожению // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Юридические науки». Симферополь. Т. 22 (61). 2009. № 1. С. 255; Самищенко С.С., Фонарев А.В. Комплексные судебно-медицинские и криминалистические ситуационные исследования при установлении обстоятельств смерти человека // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. М., 2007. С. 433.

мнением Ю.В. Кореневского: «То, что не было сделано в первые дни и даже часы, «по горячим следам», невозможно потом наверстать, восполнить, несмотря на долгие месяцы напряженной кропотливой работы»[1].

Здесь следователь всегда должен помнить, что простота механизма некоторых убийств и актов суицида не означает, что простые явления одинаковы. При изучении материальной обстановки и воссоздании по ней механизма преступления приходится сталкиваться со множеством типов и форм процессов, поскольку каждая обстановка места происшествия отличается от других своей структурой, количеством элементов и связей, взаиморасположением этих элементов[2]. К сожалению, экспертные криминалистические ситуационные исследования в современной России пока не получили развития, что вызывает немало справедливых вопросов у работников правоохранительных органов, в том числе и по исследуемой нами теме[3].

Так, В.Е. Лапшин рекомендует назначать экспертизу места происшествия «…либо сразу после следственного осмотра места происшествия, либо параллельно с последним»[4]. При этом, по мнению данного автора, «…предметом экспертизы места происшествия является установление отдельных элементов события совершенного преступления, отдельных деталей ситуации при решении задач, связанных с исследованием материальных отображений в вещной обстановке места происшествия. Объектом – сама вещная обстановка места происшествия»[5].

Необходимо отметить, что здесь может идти речь только о криминалистических аспектах, не затрагивая судебно-медицинские (трупы потерпевших и убийцы, покончившего суицидом, должны исследоваться, в первую оче-

---

[1] Кореневский Ю.В. Судебная практика и совершенствование предварительного расследования. М., 1974. С. 67.

[2] Ильченко Ю.И. Некоторые вопросы восстановления механизма преступления по материальной обстановке места происшествия: сб. ст. аспирантов и соискателей Казахского гос. университета. Вып.VIII. Ч. 2. Алма-Ата, 1965. С. 146.

[3] Бурыка Д.А., Глотов Д.А. Особенности выявления криминальных инсценировок на стадии возбуждения уголовного дела. М., 2012; Дементьев В.В., Степанов В.В. Инсценировка преступления: сущность и методы раскрытия. М., 2009.

[4] Лапшин В.Е. Место происшествия как объект экспертного исследования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. С. 11.

[5] Лапшин В.Е. Указ. раб. С. 10.

редь, судебными медиками). Кроме того, нередко имеют место случаи, когда при вскрытии трупов, изъятых с места происшествия, выясняется совсем иная судебно-медицинская характеристика содеянного, нежели это представлялось ранее при осмотре места происшествия[1]. Анализ следственной практики по делам об убийствах показывает регулярно повторяющиеся недочеты при проведении осмотра места происшествия и трупа[2], когда род смерти (убийство) устанавливается не при осмотре, а только после судебно-медицинского исследования трупа. Все это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что ситуалогическая экспертиза по делам об убийствах, сопряженных с суицидом подозреваемого на месте происшествия, может быть только комплексной (медико-криминалистической)[3], а ее назначение должно быть обусловлено наличием существенной доказательственной информации, с которой предстоит работать экспертам.

Так, в качестве объекта исследования криминалистической экспертизы следы крови выступают в случаях отражения в них размеров, конфигурации и других особенностей внешнего строения того или иного предмета (его частей). В данных случаях кровь интересует эксперта-криминалиста только в качестве красителя, который передает информацию о внешних признаках идентифицируемого предмета[4]. Поэтому совершенно правы А.А. Протасевич, Д.А. Степаненко и В.И. Шиканов в своем утверждении, что именно к компетенции специалистов в области судебной медицины относятся исследование формы следов крови, поскольку в основе их изучения лежат сугубо медицинские знания, позволяющие учитывать свойства телесных повреждений, вызвавших кровотечение, и другие важные сведения анатомического и физиологического характера[5].

---

[1] Попов В.Л. Судебно-медицинская казуистика. Л., 1991. С. 54–74; Сапожников Ю.С. Криминалистика в судебной медицине. Киев, 1970. С. 59–240.

[2] Коржевская В.Ф. Убийства, установленные при судебно-медицинском исследовании трупа // Актуальные вопросы теории и практики судебной медицины. Вып. 135. Л., 1975. С. 22.

[3] Семенов В.В. Использование возможностей судебных экспертиз при расследовании убийств, скрытых инсценировками // Криминалистика XXI столетия. Харьков, 2010. С. 480.

[4] Протасевич А.А., Степаненко Д.А., Шиканов В.И. Кровь как структурный элемент следовой обстановки на месте происшествия. Иркутск, 1998. С. 171.

[5] Протасевич А.А., Степаненко Д.А., Шиканов В.И. Указ. раб. С. 171.

Удлинение сроков проведения медико-криминалистических (ситуалогических) экспертиз вызвано, как правило, тем фактором, что недостаточно четко отработаны вопросы взаимодействия судебно-экспертных учреждений разных ведомств.

3.2.3. Проблемы назначения и проведения судебно-психиатрических, судебно-психологических, судебных психолого-психиатрических экспертиз

В настоящее время, по подсчетам специалистов, теми или иными психическими заболеваниями в России страдает около 30 % населения, т.е. примерно 50 млн. человек[1]. Как отечественными, так и зарубежными авторами выявлена определенная взаимосвязь аутоагрессивности (склонности к самоповреждениям и суициду) и склонности к агрессии[2]. В.М. Блейхер, И.В. Крук[3] относят стремление к убийству, самоубийству и самоувечью к «неодолимым влечениям», которые вызывают сильнейшее патологическое стремление к их реализации и удовлетворению. По меткому выражению DelisledeSales, «от охоты умереть легко перейти к охоте убивать»[4]. Известный психоаналитик К. Меннингер утверждает, что побуждения к самоубийству состоят: а) из желания убить; б) желания быть убитым; в) желания умереть[5].

Согласно исследованиям П.М. Попова, многие больные шизофренией, совершившие особо опасные действия (убийства), в дальнейшем, при ремиссии, обнаруживали выраженные и стойкие суицидальные тенденции[6]. У подавляющего числа таких больных опасные действия провоцировались неблагоприятной бытовой ситуацией, конфликтами с окружающими лицами, реже

---

[1] Кочетова Т.А., Новоженина И.В. Законодательные основы защиты прав лиц с психическими отклонениями // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 1. С. 171.
[2] Амбрумова А.Г. Социально-психологическая дезадаптация личности и профилактика суицида (библиографический обзор) // Вопросы психологии. 1981. № 4. С. 91–102.
[3] Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психологических терминов. Воронеж, 1995.
[4] Ольхин П. Последние дни самоубийц. СПб., 1863. С. 294.
[5] Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбах. 2-е изд. СПб., 2003. С. 776.
[6] Попов П.М. Особенности судебно-психиатрической экспертизы и принудительного лечения больных шизофренией с суицидальными тенденциями: материалы конф., посвященной вопросам принудительного лечения и реадаптации психически больных. М., 1970. С. 36–37.

– алкогольным опьянением[1]. По наблюдениям П.М. Попова и И.В. Самсоновой, больные шизофренией с суицидальными проявлениями достоверно более склонны к совершению опасных действий, направленных против жизни окружающих[2]. В.М. Шумаков пишет, что вероятность риска опасных действий в отношении окружающих может теоретически в 142 раза превышать вероятность отсутствия риска опасных действий, если больной имеет мужской пол и возраст до 20 лет, страдает параноидной формой шизофрении, продолжительность заболевания до 5 лет, уровень образования – начальный, при занятости неквалифицированным трудом[3]. Однако такие же действия в отношении себя и других лиц могут совершать и субъекты, чья вменяемость подтверждена судебно-психиатрическими экспертизами[4]. Риск суицидальности возрастает при некоторых личностных характеристиках, таких, например, как невротизм и импульсивность, а последняя может быть как устойчивой личностной особенностью человека, так и состоянием, вызванным употреблением алкоголя[5].

В контингенте лиц, совершивших убийство, сопряженное с суицидом, велико число психопатов. Психопатией называется аномалия характера, относящаяся к области психологического дефекта, а не к психопатологическим нарушениям, поскольку кроме врожденных факторов в формировании патологических черт характера принимают участие социальные условия[6]. Исследователи выделяют две основные группы психопатий – экспансивного круга (истероидный, эпилептоидный, неустойчивый, гипертимный типы, которых характеризует резкость, напористость, несдержанность, пренебрежение к

---

[1] Яновская Э.В. О предупреждении общественно опасных действий, совершаемых больными шизофренией по бредовым мотивам // Судебно-медицинская экспертиза. 1966. № 3. С. 51.

[2] Попов П.М., Самсонова И.В. Общественная опасность больных шизофренией с суицидальными тенденциями // Судебно-психиатрическая экспертиза.. М., 1979. С. 64–73.

[3] Шумаков В.М. Клинические и социально-демографические характеристики больных шизофренией, совершавших общественно-опасные действия: автореф. дис. … докт. мед. наук. М., 1975. С. 34.

[4] Дмитриева Т.Б., Шостакович Б.В. и др. Мужчины, обвиненные в убийствах (клинико-социальная характеристика) // Агрессия и психическое здоровье. СПб., 2002. С. 45–64; Жардецкий А.Н. Аутоагрессивное поведение обвиняемых: автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 2003.

[5] Неелман Й., де Грот М.Х. Суицидальность: расстройство, не признающее границ // Социальная и клиническая психиатрия. 2007. № 2. С. 26.

[6] Васильева Н.В. О границах понятия «психические нарушения» в контексте применения статьи 22 УК РФ // // Проблемы социальной психологии XXI века. Ярославль, 2001. Т. 1. С. 113–114.

окружающим, конфликтность, стеничность, резко завышенная оценка своих личностных качеств) и астенического круга (астеноневротический, шизоидный, психастенический, сенситивный типы, которых объединяет стеснительность, уступчивость, социальная робость и проблемность приспособления к социуму)[1]. Психопаты бурно реагируют на ничтожные раздражители, легко совершают убийства близких в ссоре[2], могут быть склонны к суициду[3].

При выяснении обстоятельств факта самоубийства (посткриминальный суицид и др.) и исключения его криминальной инсценировки, а также для определения возможности доведения до самоубийства назначаются судебные посмертные экспертизы психики (психологические, психиатрические, психолого-психиатрические)[4].

Объектом судебно-психологической (комплексной психолого-психиатрической экспертизы) по факту самоубийства является психическое состояние подэкспертного лица, предшествовавшее самоубийству[5].

Степень выраженности суицидальных проявлений, темп их развития и устойчивость в значительной мере определяются структурой и тяжестью психопатологических расстройств[6]. При сомнениях относительно рода насильственной смерти, как отмечают Т.П. Печерникова и Т.Н. Туденева, следователи могут принимать во внимание следующие признаки, говорящие о высоком риске завершенного самоубийства: а) наличие депрессивного расстройства незадолго до смерти; б) суицидальные тенденции (особенно попытки) как на протяжении всей жизни в сходных ситуациях, так и особенно в последнее время; упоминание в высказываниях незадолго до смерти способа суицида; в) значительная представленность субъективно психотравмирую-

---

[1] Кербиков О.В. К учению о динамике психопатий // Избранные труды. М., 1971. С. 163–185.
[2] Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии. М., 1998. С. 96.
[3] Гульдан В.В. Основные типы мотивации противоправных действий у психопатических личностей // Вестник МГУ. Сер. «Психология». 1984. № 1. С. 36.
[4] Китаева В.Н. Судебно-психологическая экспертиза при определении посткриминального суицида как улики поведения // Законность. 2002. № 1. С. 38–40.
[5] Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза лица, окончившего жизнь самоубийством / Медицинская и судебная психология: курс лекций / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. 3-е изд. М., 2009. С. 560.
[6] Попов П.М., Самсонова И.В. Общественная опасность больных шизофренией с суицидальными тенденциями // Судебно-психиатрическая экспертиза: сборник науч. тр. № 32. М., 1979. С. 70–71.

щего конфликта в высказываниях или письменной продукции покойных незадолго до смерти, относительная «стабильность» этих переживаний, фиксированность на них; г) субъективная оценка невозможности разрешения конфликта не суицидальным способом[1].

Предсмертные письма убийц (п. «в» указанных признаков) могут содержать сведения, позволяющие следователям получить ценную информацию по предмету доказывания, а экспертам-психиатрам – оценить психическое здоровье суицидента[2]. Однако далеко не всегда такие письма оцениваются должным образом.

Так, И., вооружившись охотничьим ружьем, ножом и топориком, совершил 10 сентября 2012 г. убийство 5 человек (своей бывшей жены, ее родителей и своих двоих малолетних детей), после чего написал предсмертное письмо с объяснением мотивов содеянного, которое вместе с крупной денежной суммой подбросил на крыльцо дома соседей, а сам застрелился. При проведении посмертной судебно-психиатрической экспертизы, признавшей И. вменяемым психопатом с синдромом алкогольной зависимости, данное письмо даже не было объектом исследования экспертов[3].

В современной России последние 20 лет наблюдается рост актов педофилии, сопряженных с убийством потерпевших, что нельзя, конечно, отнести к случаям классического детоубийства[4]. Нередки случаи убийства детей не по сексуальным мотивам, а из хулиганства, по корыстным побуждениям и т.п. Значительное число малолетних умерщвляется невменяемыми лицами, где речь идет не о мотивации в ее истинно психологическом понимании, а о тех побудительных моментах, которые лежат в основе поступков психических больных, в том числе их общественно-опасных деяний. «Это значит, что нужно учитывать иллюзии, галлюцинации, бредовые и «сверхценные» идеи, патологическое усиление или ослабление волевой активности и т.п.»[5]. По-

---

[1] Печерникова Т.П., Туденева Т.Н. Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза «по факту смерти» // Российский психиатрический журнал. 2004. № 2. С. 19.

[2] Китаев Н.Н., Ардашев Р.Г. Криминалистическое значение предсмертных писем убийц, покончивших суицидом // Российский следователь. 2012. № 20. С. 2–4; Ласый Е.В., Новодворская М.В., Евстигнеев Р.А. Анализ предсмертных записок и протоколов расследования по факту суицида: связь факта употребления алкоголя и анамнеза злоупотребления алкоголем с триггерами и мотивами суицида // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. Т. 22. № 4. С. 57–62.

[3] Уголовное дело № 560458. Архив следственного управления СК РФ по Республике Хакасия за 2013 г.

[4] Челищева В. Все больше возбуждается дел // Новая газета. 2012. 25 мая.

[5] Улицкий С. Квалификация общественно-опасных деяний невменяемых // Законность. 2003. № 11. С. 22.

добные деяния совершаются и при сумеречном помрачении сознания – негативном изменении в нормальном функционировании сознания, отличительными чертами которого являются дезориентация в окружающем мире, появление вызывающих страх галлюцинаций и проявление агрессии[1].

Можно уверенно утверждать, что распространенность в Российской Федерации самоубийств лиц, умертвивших до суицида малолетние жертвы, достоверно не изучена[2]. Нет сведений в масштабах страны и о том, сколько таких суицидентов страдали различными психическими заболеваниями и расстройствами, поскольку посмертная судебно-психиатрическая экспертиза в названных случаях назначается далеко не всегда. Нами выборочно изучена практика правоохранительных органов в 41 субъекте РФ, что позволяет прийти к следующим выводам:

1. Посмертная судебно-психиатрическая (психолого-психиатрическая) экспертиза суицидентов, умерщвлявших детей, в ряде случаев не назначалась потому, что уголовные дела не возбуждались «…в связи со смертью виновного лица».

2. Посмертные экспертизы психики не назначались и после возбуждения уголовного дела, когда главными причинами этому выступали рассуждения следователя о том, что дело «…не имеет судебной перспективы», и что сбор ретроспективных материалов о личности суицидента требует значительного времени и усилий. В то же время, существующие пособия и методические указания на протяжении многих лет прямо обязывают следственных работников назначать такие посмертные экспертизы, для чего требуется качественная обширная информация[3].

3. В случаях проведения посмертных судебно-психиатрических и психолого-психиатрических экспертиз по делам о суициде лиц, умертвлявших

---

[1] Большая психологическая энциклопедия. М., 2007. С. 448.

[2] Осколкова С.Н., Печенкина О.И. К вопросу о суицидальном поведении больных шизофренией, совершивших агрессивные общественно-опасные деяния // Российский психиатрический журнал. 2009. № 1. С. 10–15.

[3] Холодковская Е., Боброва И. Какие материалы нужны для судебно-психиатрической экспертизы // Соц. законность. 1979. № 3. С. 45–46; Холодковская Е., Коканбаева Р. Значение материалов уголовных дел для судебно-психиатрического заключения // Соц. законность. 1983. № 3. С. 49–50.

детей, при наличии достаточно собранных материалов эксперты приходили к самым разным выводам (о личности суицидента, мотивации содеянного и суицида), которые имели научное обоснование.

Так, жительница г. Новокузнецка Л., проживавшая вместе с престарелой матерью и двумя малолетними детьми, была обнаружена повесившейся в своей квартире, где находились трупы задушенных членов ее семьи и две записки, исполненные ее рукой. В процессе посмертной судебно-психиатрической экспертизы (№ 516/11) установили: Л. страдала психическим расстройством в форме аффективно-бредового состояния, проявляющегося колебаниями настроения, что явилось причиной умерщвления домашних и суицида[1].

Гражданин Т. нанес малолетней Г. ряд ударов топором, причинив смерть, а после задержания сотрудниками МВД утверждал, что «…пытался зарубить черта», вел себя неадекватно. Придя в себя и узнав о совершении им убийства девочки, Т. очень расстроился и повесился в камере изолятора временного содержания. По заключению экспертов-психиатров, Т. находился в просоночном патологическом состоянии. «Находясь в помраченном сознании при отсутствии контакта с окружающими, Т. «гонялся за чертом», наносил ему ранения топором… После содеянного у него наблюдалась реакция растерянности (не понимал, что совершил), а в последующем – осознание случившегося, что могло послужить причиной суицида»[2].

Ранее судимый за совершение развратных действий М., похитил 6-летнюю Н., труп которой через полтора месяца был обнаружен в окрестностях г. Иркутска в состоянии сильных гнилостных изменений, что не позволило судебным медикам категорично определить причину смерти (предположительное удушение руками). При попытке задержания работниками милиции М. демонстративно бросился под колеса двигавшегося грузового автомобиля, отчего погиб на месте. Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза пришла к выводам, что мотивом похищения девочки и ее убийства явились сексуальные побуждения М., находившегося во вменяемом состоянии, а суицид подозреваемого обусловлен страхом расплаты за содеянное[3].

Более века назад Э. Дюркгейм писал, что если в акте самоубийства и присутствуют какие-либо субъективные аспекты, представляющие отдельный интерес, так это та мотивация, которая толкнула человека на данный по-

---

[1] Уголовное дело № 11240172. Архив следственного отдела по г. Новокузнецку Кемеровской области за 2011 г.

[2] Уголовное дело № 11240248. Т. 2. л.д. 22–24. Архив следственного отдела г. Новокузнецка СУ СК РФ по Кемеровской области за 2011 г.

[3] Уголовное дело № 14284. Архив прокуратуры Ленинского района г. Иркутска за 1983 г.

ступок[1]. В контексте сказанного большой интерес представляют возможности судебно-психологической экспертизы при расследовании убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом виновного лица.

В первую очередь мы говорим не об очевидном деянии, совершенном в одном месте и почти в одно и то же время[2], а когда причастность суицидента к убийству требует обширного комплекса оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий. В.В. Донцов в диссертационном исследовании справедливо указал трехчленную структуру процесса установления убийц, составными частями которого являются следующие этапы: 1) выявление убийства; 2) выявление лица, совершившего убийство; 3) изобличение указанного лица в совершенном преступлении[3]. Но в интересующих нас случаях речь идет о событиях, когда пункты 2 и 3 следователь должен отрабатывать при отсутствии живого подозреваемого (что нередко является сложнейшей задачей со многими неизвестными).

Посмертная судебно-психологическая экспертиза суицидентов в нашей стране довольно активно обсуждалась процессуалистами, психологами, криминалистами, высказывавшими разные точки зрения. Н.А. Селиванов допускал при ее производстве такую формулировку вопроса: находилось ли данное лицо в период, предшествующий его смерти, в психическом состоянии, предрасполагавшем к самоубийству, и если да, то в чем конкретно это выражалось?[4] М.М. Коченов советовал выяснять у эксперта: если исследуемое лицо находилось в предшествующий смерти период в предрасполагающем к самоубийству состоянии, чем это состояние могло быть вызвано?[5] В.Ф. Ен-

---

[1] Дюркгейм Э. Самоубийство. СПб., 1998. С. 39–42.
[2] Китаев Н.Н. Посткриминальный суицид убийц // Социально-экономические и правовые проблемы Восточно-Сибирского региона на пороге третьего тысячелетия. Иркутск, 1998. С. 70–72.
[3] Донцов В.В. Теоретические и методические основы установления лица, совершившего убийство: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1989. С. 11–12.
[4] Селиванов Н.А. Некоторые вопросы судебно-психологической экспертизы // Советская юстиция. 1984. № 12. С. 11–12.
[5] Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза // Справочник следователя. Вып. 3. М., 1992. С. 182.

галычев решительно высказывается за активное участие эксперта-психолога в решении вопроса о роде смерти человека[1].

Ф.С. Сафуанов предлагает назначать посмертную судебно-психологическую экспертизу при наличии доказанности факта самоубийства[2]. Он считает ненужным ставить перед экспертом вопрос: «Какие индивидуально-психологические особенности подэкспертного лица могли способствовать принятию им решения о самоубийстве?» По его мнению, ответ на этот вопрос представляет обязательный компонент экспертного заключения при квалификации психического состояния лица в период, предшествующий суициду[3]. С таким утверждением нельзя согласиться, потому что выявление индивидуальных психологических особенностей подэкспертных имеет важнейшее диагностическое значение не только при проведении посмертных, но и других видов судебно-психологической экспертизы[4].

Ф.С. Сафуанов считает неправильной формулировку вопроса, находился ли подэкспертный в период, предшествующий смерти, в психическом состоянии, располагающем к суициду, поскольку «…трудно оценивать какое-либо психическое состояние человека как предрасположение к самоубийству»[5]. Но существует немало «трудных» ситуаций, с которыми имеют дело различные эксперты, к тому же врачами-суицидологами уже давно разработаны методические рекомендации для диагностики суицидального поведения[6], а предпосылки такого поведения на протяжении многих лет являются объектом исследования ряда ученых разных стран[7]. По логике Ф.С. Сафуа-

---

[1] Енгалычев В.Ф. Посмертная судебно-психологическая экспертиза // Прикладная юридическая психология. М., 2001. С. 426–430.
[2] Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 1998. С. 170-171.
[3] Сафуанов Ф.С. Указ. раб. С. 177–178.
[4] Ермаков Н.П., Китаев Н.Н. Виды судебно-психологической экспертизы. Иркутск, 1986. С. 43; Китаев Н. Судебно-психологическая экспертиза при изобличении инсценировок несчастных случаев и самоубийств // Законность. 1995. № 12. С. 15–16.
[5] Сафуанов Ф.С. Указ. раб. С. 176.
[6] Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения: метод. рекомендации. М., 1980.
[7] Гайсина Д.А., Халилова З.Л., Хуснутдинова Э.К. Генетические факторы риска суицидального поведения // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2008. Т. 108. № 1. С. 87–91; Каргин А.М., Холмогорова А.Б., Войцех В.Ф. Личностные факторы суицидального поведения у пациентов кризисного стационара, совершивших суицидальные попытки // Социальная и клиническая психиатрия. 2009. Т. 19. № 4. С. 15–20; Кудрявцев И.А., Декало Е.З. Клинико-психологические маркеры суицидального риска // Российский психиатрический журнал. 2012. № 4. С. 29–35; Семенова Н.Б. Предпосылки суицидального поведения коренного

нова, если уголовно-наказуемые действия виновного лица доказаны следователем, то нет уже необходимости в проведении экспертных психологических исследований? Однако роль эксперта-психолога крайне важна в ситуациях расследования гибели людей при отсутствии цельной, убедительной совокупности доказательств, позволяющей представлять всю картину события[1]. Что касается темы установления мотива суицида, то она всегда представляла сложность для исследователей, но данная причина не может служить препятствием для квалифицированных экспертов в даче ими заключения.

Таким образом, в постановлении о назначении посмертной судебно-психологической экспертизы или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по рассматриваемой категории уголовных дел должны быть сформулированы, как минимум, два вопроса:

1. В каком психическом состоянии находился подэкспертный в период, предшествующий самоубийству?

2. Существует ли причинно-следственная связь между действиями подэкспертного (убийство) и его психическим состоянием в период, предшествующий самоубийству?

Следует согласиться с мнением В.Н. Китаевой, считающей актуальным проведение посмертных судебно-психологических экспертиз по делам об убийствах, где:

а) отсутствуют предсмертные письма самоубийц;

б) нет очевидцев убийства и достаточно полной картины, позволяющей судить о событии преступления и его виновнике;

в) следователь и оперативные сотрудники располагают только отрывочной информацией, требующей надлежащей проверки (сведения от аген-

---

населения Республики Тыва // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2010. Т. 110. № 2. С. 87–89; Фетисова Л.Н. Влияние семейных факторов на формирование суицидального поведения подростков // Альманах сестринского дела. 2011. Т. 4. № 1–2. С. 29–32.

[1] Китаева В.Н. Судебно-психологическая экспертиза при расследовании тяжких преступлений против личности: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. С. 113–114.

тов МВД, от родных, знакомых и сослуживцев лица, покончившего суицидом и т.п.)[1].

Роль эксперта-психолога здесь трудно переоценить, т.к. по наблюдению С.В. Бородина и А.С. Михлина, «…лица, опасающиеся уголовной ответственности, стараются довести свое намерение до конца…Самоубийства даже с предсмертными записками о невиновности встречаются и по делам с бесспорно доказанной виной»[2].

Немаловажным является решение вопроса о том, на каком этапе расследования необходимо назначать посмертную судебно-психологическую или комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу. Общее тактическое правило, позволяющее определить момент назначения любого вида судебной экспертизы, заключается в том, что она должна назначаться своевременно и проводиться без промедления как только: 1) появились вопросы, для разрешения которых требуются специальные знания; 2) собраны материалы, необходимые для дачи заключения экспертом[3].

Судебно-психологическую экспертизу (комплексную психолого-психиатрическую экспертизу) нецелесообразно назначать на первоначальном этапе расследования, когда не собраны все необходимые сведения о личности обследуемого, а также в конце предварительного расследования, так как заключение эксперта позволяет определить ряд обстоятельств совершенного преступления, и влияет на формирование следователем окончательных выводов по делу.

В зависимости от того, имеются на момент возбуждения уголовного дела сведения о личности преступника или же информация о нем появилась к концу первоначального этапа расследования, посмертная судебно-

---

[1] Китаева В.Н. Значение посмертной психолого-психиатрической экспертизы виновного лица по делам об убийствах прошлых лет // Российский следователь. 2000. № 1. С. 2–3; Китаева В.Н. Судебно-психологическая экспертиза при определении посткриминального суицида как улики поведения // Законность. 2002. № 1. С. 38–40.

[2] Бородин С.В., Михлин А.С. Мотивы и причины самоубийств // Актуальные проблемы суицидологи. М., 1978. С. 38.

[3] Мельник В.В., Яровенко В.В. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы. Владивосток, 1991. С. 91.

психологическая (комплексная психолого-психиатрическая) экспертиза убийцы-суицидента должна назначаться, соответственно, либо в конце первоначального этапа расследования, либо на последующем этапе расследования, но не перед самым его окончанием.

Определяющим моментом для вынесения постановления о назначении такой экспертизы является наличие достаточного материала, на основе которого возможно производство посмертной судебно-психологической (комплексной психолого-психиатрической) экспертизы.

Именно поэтому следует признать неверной рекомендацию назначать посмертную судебно-психологическую (комплексную психолого-психиатрическую) экспертизу на этапе проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ)[1].

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ следователь вправе назначить судебную экспертизу, но это не применимо в отношении судебных экспертиз по исследованию психической деятельности лиц, интересующих органы следствия. Собрать все необходимые для полноценного психологического или психолого-психиатрического исследования материалы без возбуждения уголовного дела и производства необходимых следственных действий (допрос, выемка и др.) практически невозможно.

Эксперты-психологи, отмечают, что «практика обращения к экспертам на этапе доследственной проверки, как правило, сопряжена с недостаточной полнотой и качеством источников экспертного исследования, что, в свою очередь актуализирует проблему доказательности формулируемых психологами и психиатрами выводов»[2].

Для разрешения данной ситуации в 2011 году руководство Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского в информационном письме указало на недопустимость подобной практики в работе следственных органов и рекомендовало руководи-

---

[1] Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза. М., 2014 С. 290.

[2] Смирнов В.П., Смирнова Т. Г. Актуальные вопросы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) суицида // Криминалистъ. 2013. № 1 (12). С. 79.

телям судебно-психиатрических экспертных учреждений отказываться от исполнения поручений о проведении исследований на доследственном этапе[1].

Однако на тот период времени УПК РФ не предусматривал возможность следователя назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок в ходе проверки сообщений о преступлениях. Такое право следователь получил, когда Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ была изменена редакция ст. 144 УПК РФ. Однако эти изменения не влияют на практическую возможность следователя собрать полный материал для производства судебно-психологической (комплексной психолого-психиатрической) экспертизы только после возбуждения уголовного дела.

В ситуациях посткриминального суицида убийц особое значение имеют подробные показания очевидцев совершенного преступления, а если свидетелями являются малолетние, то им необходимо назначать судебно-психологическую экспертизу, что окажет существенную помощь следователю в обоснованной оценке показаний данных лиц[2].

Так, при расследовании уголовного дела в отношении Т., совершившего жестокое убийство ребенка и затем покончившего суицидом, единственным очевидцем деяния был 9-летний К. (внук подозреваемого). Он дал подробные показания, после чего следователь назначил К. психолого-психиатрическую экспертизу. Эксперт-психолог отметил, что у К. нет повышенной склонности к фантазированию и лжи, он не обнаруживает таких нарушений внимания, восприятия, памяти, мышления, которые препятствовали бы его способности воспринимать внешнюю сторону событий. К. мог правильно воспринимать важные для дела обстоятельства и давать о них показания[3]*. Данное заключение экспертов было учтено следователем при вынесении постановления о прекращении уголовного дела.*

И.В. Махова утверждает: «Для того чтобы оценить правдивость показаний свидетеля, нет необходимости в назначении и производстве судебно-

---

[1] Щукина Е.Я., Ткаченко А.А., Шишков С.Н. О практике привлечения специалистов судебно-психиатрических экспертных учреждений (отделений) к участию в доследственной проверке материалов (в порядке ст. 144 УПК РФ) : информационное письмо. М., 2011. С. 8.

[2] Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Экспертные психологические исследования в уголовном процессе: проблемы, практика, перспективы. Иркутск, 2002. С. 161.

[3] Уголовное дело № 11240248. Т. 1. л.д. 255–258. Архив СО г. Новокузнецка СУ СК РФ по Кемеровской области за 2011 г.

психологической экспертизы»[1]. Однако, если следователь не будет располагать необходимой индивидуальной характеристикой личности свидетеля, составленной в процессе психологических экспертных исследований, он не сможет надлежаще оценить качество показаний, полученных от допрошенного лица. Поэтому мы солидарны с компетентным мнением О.Д. Ситковской: «При экспертизе свидетельских показаний психолог может предъявить доводы «за» и «против» их психологической достоверности, которые, как и любой другой вывод эксперта, подлежат оценке и проверке следствием и судом. Поэтому речь не идет о подмене деятельности суда в оценке достоверности показаний»[2].

В качестве причин, препятствующих проведению судебно-психологических экспертиз по делам названной категории, можно назвать:

1. Невысокую психологическую культуру субъектов уголовного процесса, когда психологическая экспертиза подменяется судебно-психиатрической или психолого-психиатрической[3]. Это обусловлено непониманием возможностей психологической экспертизы, следовательно, и отсутствием правильного толкования ее результатов.

2. Недостаточную организационно-правовую обеспеченность проведения судебно-психологической экспертизы. В большинстве субъектов РФ государственные судебно-экспертные учреждения не имеют должностей экспертов-психологов, которые могут самостоятельно проводить такие исследования (психологи, входящие в комиссии по проведению судебных психолого-психиатрических экспертиз, не принимаются во внимание ввиду их узкой подготовленности и несамостоятельности). Проведение же судебно-психологических экспертиз негосударственными экспертами зачастую вле-

---

[1] Махова И.В. К вопросу об оценке достоверности показаний // Вестник криминалистики. Вып. 2 (30). 2009. С. 85.
[2] Ситковская О.Д. Психология свидетельских показаний. М., 2007. С. 56.
[3] Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Экспертные психологические исследования в уголовном процессе: проблемы, практика, перспективы. Иркутск, 2002. С. 76–94.

чет получение следователями платных «заказных» заключений, далеких от профессионализма и объективности[1].

На нынешний день учеными выявлены общие нейропсихологические механизмы суицидального и агрессивного поведения, проявляющиеся в преобладании активности правого полушарий головного мозга[2]. За последние десятилетия обнаружены некоторые молекулярно-генетические механизмы предрасположенности к суицидальному поведению и его реализации[3]. Все это, на наш взгляд, может быть использовано при проведении экспертиз психики таких суицидентов (как посмертных исследований, так и в отношении живых лиц, покушавшихся на самоубийство)[4]. И здесь для экспертов (психиатров и психологов) могут оказать существенную помощь результаты иммуногистохимических исследований, применяемых в судебно-медицинской диагностике депрессивных состояний.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Для убедительности выводов судебно-медицинской экспертизы трупа убийцы-суицидента в случаях наступления смерти от асфиксии в результате самоповешения необходимо использовать статистико-вероятностный метод, а также морфологические методы исследования. Заключение судебно-медицинской экспертизы трупа, при производстве которой использовались данные методы, позволит следователю сделать обоснованный вывод о том, наступила ли смерть подозреваемого (обвиняемого) от самоубийства или имело место его инсценировка.

2. Доказательственная ценность заключений судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств по уголовным делам об убийствах, в том числе, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя,

---

[1] Халиков А.Н. Психологические псевдоэкспертизы // Судебная экспертиза: российский и международный опыт. Волгоград, 2012. С. 356–360.
[2] Иванов О.В., Егоров А.Ю. Агрессия и суицидальное поведение: нейропсихологические аспекты // Неврологический вестник. Вып. 3. Казань, 2012. С. 22.
[3] Гайсина Д.А., Халилова З.Л., Хуснутдинова Э.К. Генетические факторы риска суицидального поведения // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2008. № 1. С. 87–91.
[4] Кудрявцев И.А., Декало Е.З. Клинико-психологические маркеры суицидального риска // Российский психиатрический журнал. 2012. № 4. С. 29–35.

подтверждается многолетней положительной следственной практикой. Однако в ситуации неочевидного убийства, при отсутствии подозреваемого, вещественные доказательства биологического происхождения хранятся часто в ненадлежащих условиях либо теряются. Следователю, особенно, с небольшим опытом работы, необходимо чаще прибегать к помощи специалиста в области судебной медицины для правильного изъятия объектов биологического происхождения, а также обследования мест их хранения для определения, соответствуют ли условия их хранения необходимым требованиям.

3. В ситуациях неопределенности рода смерти для диагностики суицида могут быть привлечены различные методы патолого-анатомических, антропологических исследований. Некоторые из этих методов и методик получили научное обоснование, но еще не внедрены широко в экспертную практику (иммуногистохимические, методы медицинской дерматоглифики). Однако существуют широко пропагандируемые методы исследования трупа, которые по сути являются лженаучными («эффект Кирлиана», «методика инструментального опроса» трупа К.Г. Короткова). В этой связи следователям, назначающим дерматоглифическую, судебно-медицинскую экспертизу трупа нужно иметь представление о современных методах и методиках экспертного исследования, о том, рекомендованы ли они головным государственным судебно-экспертным учреждением РФ определенного профиля к применению, соответствуют ли предъявляемым к экспертным методам и методикам требованиям, выработанным в судебной экспертологии. Для решения данных вопросов следователю могут понадобиться консультации специалиста в соответствующей области специальных знаний.

4. В процессе расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, как правило, назначаются и проводятся такие виды криминалистических экспертиз, как трасологические (дактилоскопическая, следов ног, целого по его частям, узлов и др.), судебно-баллистические, криминалистическая экспертиза холодного оружия, почерковедческая, а также судебные экспертизы из класса КЭМВИ.

Вместе с тем проведенное исследование показало, что следователи не всегда, когда это требуется для установления определенных обстоятельств совершенного преступления, используют возможности некоторых из указанных видов судебных экспертиз. В частности, по ряду изученных уголовных дел об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, не назначались экспертиза узлов, почерковедческая экспертиза посмертных записок, экспертиза микрочастиц (КЭМВИ).

Кроме того, вообще не назначались автороведческие экспертизы для решения идентификационной задачи по установлению автора предсмертного письма, а также не проводилась технико-криминалистическая экспертиза предсмертных записок для решения диагностической задачи по установлению абсолютной давности документа.

5. Предложение некоторых авторов о проведении криминалистической экспертизы места происшествия нельзя считать обоснованным. По делам об убийствах, сопряженных с поскриминальным суицидом убийцы, решение ситуационных задач, когда обстановка места происшествия выступает одним из объектов исследования, возможна в рамках уже существующих экспертиз, зачастую носящих комплексных характер, например, в рамках медико-криминалистической экспертизы, решающей, в частности, вопрос о возможности причинения определенных повреждений с учетом определенных условий.

6. Для проверки версии о том, что посткриминальный суицид подозреваемого обусловлен совершенным им убийством, необходимо обязательно назначать посмертную психолого-психиатрическую или судебно-психологическую экспертизу. Заключение такой экспертизы позволит установить мотив самоубийства, а также обосновать вывод о мотиве убийства.

7. Нецелесообразно назначать посмертную психолого-психиатрическую или судебно-психологическую экспертизу на стадии проверки сообщения о преступлении. Из-за невозможности провести ряд следственных действий до возбуждения уголовного дела (допрос, выемка, обыск,

очная ставка и др.), следователь не соберет достаточные сведения о психической деятельности подозреваемого. Неполнота материалов о личности подозреваемого приведет либо к отказу экспертов от дачи заключения, либо к ошибкам экспертов, а это в свою очередь приведет к ошибочным выводам следователя.

8. Малолетним свидетелям-очевидцам по делам об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом убийцы, следует назначать судебно-психологическую экспертизу, заключение которой позволит оценить, могло ли правильно воспринимать обстоятельства совершенного преступления и давать о них показания малолетнее лицо. При этом эксперт-психолог не подменяет субъектов доказывания в оценке достоверности свидетельских показаний, напротив, его заключение облегчает такую оценку, делает ее объективной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сделать ряд теоретических выводов и научно-практических рекомендаций, которые сводятся к следующим основным положениям.

Посткриминальное поведение преступника традиционно изучается уголовным правом и криминологией. В криминалистике имеется ряд работ, в которых авторы отмечают значение исследования посткриминального поведения преступника для раскрытия и расследования преступлений. Однако криминалистическое учение о посткриминальном поведении преступника находится еще в стадии формирования.

Одним из видов посткриминального поведения преступника является посткриминальный суицид, который еще не был предметом научного исследования. Между тем посткриминальный суицид правонарушителя может осложнить расследование, как правило, особо тяжких и тяжких преступлений, среди которых первое место занимают убийства.

Анализ специальной литературы и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом убийцы, позволил сформулировать авторское определение посткриминального суицида, под которым следует понимать добровольное, умышленное лишение себя жизни лицом непосредственно после совершения им преступления или спустя некоторое время, причинно-обусловленное совершенным преступлением.

Обязательными признаками посткриминального суицида являются:

1) совершение самоубийства сразу или через какое-то время после совершения преступления. При этом самоубийство преступника может иметь место как до обнаружения преступления, так и на досудебных и судебных стадиях, до исполнения приговора;

2) суицид преступника обусловлен совершением преступления, между ними существует причинно-следственная связь. Если суицид преступника обусловлени иными обстоятельствами, а не фактом совершения преступления, то его нельзя рассматривать как посткриминальный.

Изучение феномена посткриминального суицида убийцы необходимо для разработки криминалистических рекомендаций по расследованию убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя.

В этой связи важным представляется исследование истории возникновения и развития научных знаний о расследовании такой категории уголовных дел. Изучение специальной литературы показало, что в России с древнейших времен и до настоящего времени отсутствовали научные труды по процессуальным и криминалистическим вопросам расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя. Сообщения о фактах убийств, связанных с последующим самоубийством преступника, публиковавшиеся в периодических юридических изданиях в первые два десятилетия XX века, а также отдельные статьи в научно-практическом сборнике «Следственная практика», в которых лаконично освещался положительный опыт расследования этой категории уголовных дел, не могли восполнить отсутствие научно-обоснованных криминалистических рекомендаций по расследованию этого вида убийств.

Для более глубокого уяснения сущности и значения посткриминального суицида правонарушителя рассмотрено его соотношение с такими понятиями, как противодействие расследованию, сокрытие преступления и улики поведения, что позволило установить следующее. Посткриминальный суицид (посткриминальное покушение на суицид) является одним из способов противодействия расследованию преступлений, который обладает рядом специфических особенностей, связанных с характеристикой субъекта, оказывающего противодействие, мотивом и целью его поведения, временем, местом оказываемого противодействия. Сокрытие преступления является формой противодействия расследованию, состоящей из таких способов, как утаивание, уничтожение, маскировка, фальсификация следов преступления и преступника и их носителей. Посткриминальный суицид выступает в качестве одного из способов сокрытия преступления, входящих в группу уничтожение, так как преступник, как носитель доказательственной информации, по-

сле совершения преступления лишает себя жизни с целью уклонения от уголовной ответственности.

Изучение посткриминального суицида с позиции криминалистической теории противодействия расследованию необходимо для разработки мер предупреждения этого специфического способа противодействия расследованию. Основанием для принятия таких мер служит выявление суицидального риска у подозреваемого (обвиняемого).

Посткриминальный суицид целесообразно рассматривать как улику поведения, так как он позволяет установить причинную связь между суицидом и преступлением (убийством), совершенным суицидентом ранее в условиях неочевидности.

В зависимости от времени совершения посткриминального суицида по делам об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, можно выделить следующие типовые следственные ситуации:

1. Убийство очевидное, убийца покончил жизнь самоубийством сразу после совершения преступления.

2. Убийство очевидное, убийца скрылся с места преступления, а позднее обнаружен его труп. Имеется информация, что покончил жизнь самоубийством.

3. Убийство очевидное, убийца скрылся с места преступления, заявив свидетелям о своем намерении в скором времени совершить суицид. Через некоторое время обнаружен труп убийцы с признаками суицида.

4. Убийство неочевидное: обнаружено несколько трупов с признаками насильственной смерти, среди которых имеется труп с признаками, указывающими на самоубийство.

5. Предполагаемый убийца покончил с собой при задержании.

6. Предполагаемый убийца задержан (заключен под стражу) и прибегнул к суициду в ходе предварительного расследования: а) в СИЗО; б) в другом месте (при производстве следственного действия и др.). Возможен парасуицид, когда покушавшийся выжил.

Лицо, обвиняемое в совершении убийства, может покончить с собой также в ходе судебного следствия или после вынесения обвинительного приговора.

Типовыми следственными версиями, которые выдвигают в перечисленных криминалистических ситуациях, являются: в первой и пятой следственных ситуациях – о цели и мотивах убийства, о соучастниках; при второй и седьмой криминалистических ситуациях – суицид подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) связан (не связан) с совершенным убийством; при третьей следственной ситуации – о мотивах убийства, о местонахождении скрывшегося преступника; при четвертой следственной ситуации – о мотивах убийств, о личности убийцы, об инсценировке суицида; при шестой следственной ситуации – суицид (парасуицид) обусловлен (не обусловлен) совершением убийства, в котором лицо подозревается (обвиняется).

Типичными следственными действиями, которые проводятся для проверки следственных версий в указанных следственных ситуациях, являются: осмотр места происшествия и трупа (трупов), назначение судебно-медицинских экспертиз, допрос свидетелей, обыск, осмотр предметов (документов), назначение криминалистических экспертиз, судебных экспертиз из класса криминалистических экспертиз материалов, веществ и изделий, посмертной психолого-психиатрической или судебно-психологической экспертизы.

В случае покушения на самоубийство лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении убийства, нужно провести: допрос подозреваемого (обвиняемого) о мотивах его поступка; допрос свидетелей (лица, которые пресекли суицид и (или) которым подозреваемый (обвиняемый) говорил о своем намерении совершить суицид); первичную или дополнительную психолого-психиатрическую экспертизу подозреваемого (обвиняемого); судебно-медицинскую экспертизу подозреваемого (обвиняемого).

Об особенностях возбуждения уголовного дела следует говорить в отношении первой следственной ситуации. Зачастую в случае суицида убийцы

сразу после совершения убийства уголовное дело не возбуждается, так как, по мнению следователей, оно не имеет судебной перспективы. Однако такая практика является порочной, не дающей возможности полно, всесторонне и объективно установить все обстоятельства совершенного преступления и причины самоубийства подозреваемого.

Особенности допроса по делам рассматриваемой категории сводятся к следующему:

1. Необходимо получить максимально полную и подробную информацию о личности убийцы-суицидента от свидетелей, знавших его в разные годы жизни, а также о личности преступника и событии преступления от малолетних свидетелей-очевидцев, если таковые имеются. Такой объем информации позволит в дальнейшем назначить посмертную психолого-психиатрическую экспертизу. Для объективизации показаний малолетних свидетелей-очевидцев необходимо назначать судебно-психологическую экспертизу, заключение которой позволит оценить, могло ли малолетнее лицо правильно воспринимать обстоятельства совершенного преступления и давать о них показания.

2. Целесообразно безотлагательно допрашивать умирающего потерпевшего по делу об убийстве или умирающего подозреваемого-суицидента, находящихся в медицинском учреждении и способных давать показания. Такой допрос, по возможности, следует дополнительно фиксировать с помощью технических средств (аудио-, видеозаписи), а протокол допроса составлять с учетом положений ч. 3 ст. 167 УПК РФ.

3. Вопрос о профилактике суицида подозреваемого (обвиняемого) по делам об убийствах необходимо рассматривать на стадии подготовки к допросу и в ходе допроса указанных лиц. При этом следователь может пользоваться информацией, полученной как процессуальным, так оперативным путем.

Особое значение при раскрытии и расследовании убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, имеет применение

специальных знаний. В частности, применение таких знаний требуется в ситуации розыска лиц, подозреваемых (обвиняемых) в убийствах, когда нужно проверить версию о том, что данное лицо покончило жизнь путем утопления в воде. Розыск трупа убийцы-суицидента может осуществляться как процессуальным путем (в ходе осмотра места происшествия), так и не процессуальным путем (в ходе ОРМ). При этом к розыску трупа в водоемах следует привлекать гидрологов. Устная консультация гидролога о том, в какой части водоема искать труп, носит ориентирующее значение, а письменно оформленная консультации данного специалиста может служить доказательством, если будет признана по уголовному делу иным документом (ст. 84 УПК РФ).

Проведенное исследование позволило определить современные возможности судебно-медицинских, судебных психолого-психиатрических, судебно-психологических, криминалистических и иных экспертиз при расследовании убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативно-правовые и иные акты

1. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г.: с учетом поправок, внесенных федер. конституцион. законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, 30.12.2008 № 7-ФКЗ, 05.02.2014 № 2-ФКЗ, 21.07.2014 № 11-ФКЗ // СПС «Консультант Плюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 19.12.2016) // СПС «Консультант Плюс».

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 19.12.2016) // СПС «Консультант Плюс».

4. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 19.12.2016) // СПС «Консультант Плюс».

5. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон 12.08.1995 № 144-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // СПС «Консультант Плюс».

6. Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" // СПС «Консультант Плюс».

7. Приказ Минюста России от 20.05.2013 N 72 (ред. от 15.08.2016) "Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы" (Зарегистрировано в Минюсте России 27.05.2013 N 28535) // СПС «Консультант Плюс».

8. Приказ Минздравсоцразвития России от 04.05.2012 N 477 н (ред. от 07.11.2012) "Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи" (Зарегистрировано в Минюсте России 16.05.2012 N 24183) // СПС «Консультант Плюс».

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 03.03.2015) "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)".

II. Специальная литература

10. Авдеев В.А. Механизм правового регулирования посткриминального поведения несовершеннолетних / В.А. Авдеев; М-во образования РФ. Иркут. гос. экон. акад. – Иркутск : Оттиск, 2001. – 237 с.

11. Авдеев В.А. Правовое регулирование посткриминального поведения несовершеннолетних: история и современность / В.А. Авдеев; М-во образования РФ. Иркут. гос. экон. акад. – Иркутск: Оттиск, 2001.– 151 с.

12. Акопов В.И. Борьба с современной насильственной преступностью: идеальное и реальное / В.И. Акопов, Е.С. Надтока // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 24–25 июня 2009 г. – М., 2009. – С. 10–14.

13. Александров А.А. К проблеме обоснованности вывода о давности наступления смерти / А.А. Александров [и др.] // Российский юридический журнал. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2012. – № 1 (82). – С. 164–170.

14. Александров Д.В. Утопление: некоторые криминалистические аспекты / Д.В. Александров. – Петрозаводск: Изд-во ООО «МГ», 1997. – 36 с.

15. Александров Е.Б. Проблемы экспансии лженауки / Е.Б. Александров // В защиту науки. – М., 2006. – № 1. – С. 14–29.

16. Алехин Д.В. Неквалифицированное производство следственных действий, как фактор, влияющий на возможность раскрытия и расследования преступлений прошлых лет / Д.В. Алехин // Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы Международ. научно-практич. конф. (Москва, 23 мая 2013 г.). – М., 2013. – Ч. 2. – С. 7–11.

17. Алешкина Т.Н. К вопросу об использовании научно-технических средств и методов в розыске без вести пропавших / Т.Н. Алешкина // Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства: материалы вузов. юбил. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения Р.С. Белкина и юбилеям его учеников. Москва, 25–26 октября 2007 г. – В 2 ч. – М., 2007. – Ч. 2. – С. 299–307.

18. Алисиевич В.И. К судебно-медицинской диагностике состояния стресса / В.И. Алисиевич // Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы трупа: сб. тр. / ЦНИИ судеб. Психиатрии им. В.П. Сербского; под общ. ред. В.И. Прозоровского. – М., 1977. – С. 22–25.

19. Алябьев Ф.В. Морфология надпочечников в случаях завершенного суицида / Ф.В. Алябьев, Ю.М. Падеров, С.Ю. Кладов. – Томск: Том. гос. ун-т, 2005. – 140 с.

20. Алякринский С.А. Схема предварительного следствия по уставу уголовного судопроизводства с разъяснениями Правительствующего сената, циркулярными распоряжениями Министерства юстиции и руководящими положениями юридической литературы: практ. пособие для судеб. следователей и канд. на судеб. должности / сост. судеб. следователь Владим. окр. суда С.А. Алякринский; под ред. и с доп. исп. обязанности товарища оберпрокурора Угол. кассац. деп. Сената А.В. Скопинского. – М.: юрид. кн. маг. «Правоведение» И.К. Голубева, 1912. – 174 с.

21. Амбрумова А.Г. Анализ предсмертных записок суицидентов / А.Г. Амбрумова, Л.И. Постовалова // Научные и организационные проблемы суицидологи: сб. науч. тр. / Моск. НИИ психиатрии. – М., 1983. – С. 53–74.

22. Амбрумова А.Г. Индивидуально-психологические аспекты суицидального поведения / А.Г. Амбрумова // Актуальные проблемы суицидологии: сб. ст. / отв. ред. проф. А.А. Портнов. – М., 1978. – С. 44–59. – (Труды Московского НИИ психиатрии; т. 82).

23. Амбрумова А.Г. Психология самоубийства / А.Г. Амбрумова // Социальная и клиническая психиатрия. – 1996. – Т. 6, № 4. – С. 14–20.

24. Амбрумова А.Г. Социально-психологическая дезадаптация личности и профилактика суицида / А.Г. Амбрумова, В.А. Тихоненко, Л.Л. Бергельсон // Вопросы психологии. – 1981. – № 4. – С. 91–102.

25. Амбрумова А.Г. Теоретико-методологические и организационные проблемы суицидологической превенции / А.Г. Амбрумова // Проблемы профилактики и реабилитации в суицидологи: сб. науч. тр. / Моск. НИИ психиатрии. – М., 1984. – С. 8–26.

26. Андреев А.С. Содержание и структура криминалистического учения о посткриминальном поведении лиц, связанных с преступной деятельностью / А.С. Андреев // Казанская наука. – 2015. – № 3. – С. 120–123.

27. Антонян Ю.М. Преступное поведение и психические аномалии / Ю.М. Антонян, С.В. Бородин. – М.: Спарк, 1998. – 215 с.

28. Ардашев Р.Г. О возможности экспертной диагностики склонности к суициду / Р.Г. Ардашев // Закон и право. – 2012. – № 11. – С. 97–98.

29. Ардашев Р.Г. О некоторых процессуальных нарушениях в ситуациях посткриминального суицида убийц / Р.Г. Ардашев // Закон и право. – 2012. – № 4. – С. 95–96.

30. Ардашев Р.Г. Посткриминальный суицид убийц в России: недостатки предварительного следствия и прокурорского надзора / Р.Г. Ардашев // Закон и жизнь (Республика Молдова). – 2012. – № 9. – С. 43–44.

31. Ардашев Р.Г. Классификация посткриминального суицида серийных убийц / Р.Г. Ардашев, Н.Н. Китаев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 2. – С. 35–39.

32. Ардашев Р.Г. Посмертные судебно-психиатрические экспертизы лиц, умертвляющих детей (аспект посткриминального суицида) / Р.Г. Ардашев, Н.Н. Китаев // Закон и право. – 2013. – № 4. – С. 99–100.

33. Ардашев Р.Г. Проблемы восстановления механизма преступления по материальной обстановке места происшествия в ситуациях посткриминального суицида убийц / Р.Г. Ардашев // Современные проблемы юридической науки: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей. Челябинск, 3–4 мая 2013 г. – Челябинск, 2013. – Ч. 2. – С. 235–236.

34. Архипова А.Н. Международная практика расследования убийств при отсутствии трупа потерпевшего / А.Н. Архипова // Криминалистика в системе правоприменения: материалы конф. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 27-28 окт. 2008 г. – М., 2008. – С. 203–206.

35. Архипова А.Н. Актуальные вопросы судебно-гидрологической экспертизы / А.Н. Архипова, Н.Н. Китаев, В.Н. Китаева // Академический юридический журнал. – 2010. – № 3 (41). – С. 44–48.

36. Архипова А.Н. Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы в ситуациях, когда труп потерпевшего не обнаружен или подвергался уничтожению / А.Н. Архипова, Н.Н. Китаев // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Юридические науки. – Симферополь, 2009. – Т. 22 (61), № 1. – С. 255–261.

37. Архипова А.Н. О подмене «нетрадиционных» приемов раскрытия преступлений лженаучными рекомендациями / А.Н. Архипова, Н.Н. Китаев // Вестник криминалистики. – 2011. – № 1. – С. 18–23.

38. Бабаева Э.У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию / Э.У. Бабаева. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 311 с.

39. Баев О.Я. Основы криминалистики: курс лекций / О.Я. Баев. – М.: ЭКЗАМЕН, 2001. – 288 с.

40. Байковский С.Б. Способность к действию при безусловно смертельном повреждении / С.Б. Байковский // Вопросы теории и практики судебной медицины. – Чита, 1959. – С. 85–87.

41. Банщиков В.М. Медицинская психология: учебник / В.М. Банщиков, В.С. Гуськов, И.Ф. Мягков. – М.: Медицина, 1967. – 239 с.

42. Барсегянц Л.О. Современное состояние судебно-медицинского исследования вещественных доказательств и пути развития / Л.О. Барсегянц // Судебно-медицинская экспертиза. – 2004. – № 5. – С. 25–27.

43. Бегалиев К.А. Теоретические вопросы осмотра места происшествия / К.А. Бегалиев, В.И. Попов // Вопросы борьбы с преступностью / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М., 1983. – Вып. 39. – С. 58–66.

44. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений / Д.И. Бедняков. – М.: Юрид. лит., 1991. – 206 с.

45. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: в 3 т.; Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации: пособие для преподавателей, адъюнктов, соискателей и слушателей учебных заведений МВД СССР / Р.С. Белкин. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1979. – 407 с.

46. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. / Р.С. Белкин. – М.: Юристъ, 1997. – 3 т.

47. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики / Р.С. Белкин. – М.: НОРМА, 1999. – X, 486 с.

48. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие / Р.С. Белкин. – 3-е изд., доп. – М.: Закон и право, 2001. – 837 с.

49. Белодубровская М. Отсчет утопленников / М. Белодубровская // Вне закона. – 2008. – № 42. – С. 12.

50. Бобров В.Г. К вопросу о делах оперативного учета / В.Г. Бобров // Оперативник (сыщик). – 2007. – № 3. – С. 19–22.

51. Богданова Л.Н. Выявление латентных убийств в ходе прокурорских проверок / Л.Н. Богданова // Уголовное право. – 2011. – № 5. – С. 109–114.

52. Бородин С.В. Мотивы и причины самоубийств / С.В. Бородин, А.С. Михлин // Актуальные проблемы суицидологии: сб. ст. / отв. ред. проф. А.А. Портнов. – М., 1978. – С. 28–43. – (Труды Московского НИИ психиатрии; т. 82).

53. Бочков Н.П. Количественный дерматоглифический метод диагностики болезни Дауна / Н.П. Бочков, А.Г. Буланов, Г.Г. Бураковский // Вопросы охраны материнства и детства. – 1972. – Т. 17. – № 6. – С. 2–6.

54. Браиловский В.В. Опыт био-социального исследования убийц (по материалам мест заключения Северного Кавказа) / В.В. Браиловский. – Ростов н/Д, 1929. – 178 с. – (Тр. Сев.-Кавказ. ассоц. науч.-исслед. ин-в ; № 71, вып. 11).

55. Бруханский Н.П. Самоубийцы: социально-психиатрическое обследование 359 случаев оконченных и неоконченных самоубийств с 1 декабря 1923 г. по 31 мая 1924 г. в городе Москве / Н.П. Бруханский прив.-доц. 1 МГУ; с предисл. Н.А. Семашко и вступ. статьей проф. П.Б. Ганнушкина. – Л.: Прибой, 1927. – 109 с.

56. Булацель П.Ф. Самоубийство с древнейших времен до наших дней: ист. очерк. филос. воззрений и законодательств о самоубийстве / П.Ф. Булацель. – 2-е изд. – СПб.: паровая типо-лит. (бар. Криденер), 1900. – 2, 206, VII с.

57. Бурак О.Б. К вопросу об инсценировке убийств / О.Б. Бурак // Следственная практика. – М, 1960. – Вып. 41. – С. 158–162.

58. Бурданова В.С. Использование негативных обстоятельств при расследовании убийств / В.С. Бурданова // Вопросы борьбы с убийствами: материалы науч.-практ. конф. Москва, 7–9 февр. 1968 г. / отв. ред. Ф.Ю. Бердичевский [и др.]. – М., 1969. – С. 85–90.

59. Бурданова В.С. Причины ошибок, допускаемые при осмотре места происшествия и проведении судебно-медицинской экспертизы по делам об убийствах/ В.С. Бурданова // Раскрытие тяжких преступлений против личности: материалы науч.-практ. конф. / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М., 1973. – Ч. 1. – С. 71–73.

60. Бурданова В.С. Следственное значение повреждений на трупах лиц, покончивших жизнь самоубийством / В.С. Бурданова, В.Ф. Коржевская // Актуальные вопросы теории и практики судебной медицины: сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т усоверш. врачей им. С.М. Кирова; ред.: О.Х. Поркшеян [и др.]. – Л., 1975. – Вып. 135. – С. 23.

61. Бурданова В.С. Процессуальные и тактические вопросы проверки обстоятельств самоубийств / В.С. Бурданова // Вестник Ленинградского университета. Сер. экономики, философии и права. – 1966. – Вып. 1, № 5. – С. 126–131.

62. Бурыка Д.А. Особенности выявления криминальных инсценировок на стадии возбуждения уголовного дела: монография / Д.А. Бурыка, Д.А. Глотов. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 176 с.

63. Валеев М.Х. Осмотр места происшествия и трупа при подозрении на инсценировку самоповешения / М.Х. Валеев, А.Г. Борисова // Южно-Уральские криминалистические чтения / М-во образования РФ, Башк. гос. ун-т ; редкол.: Л.Л. Каневский [и др.]. – Уфа, 2000. – Сб. № 8. – С. 56–61.

64. Вандер М.Б. Некоторые особенности расследования преступлений в сложной криминальной обстановке / М.Б. Вандер // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. – 2001. – № 3. – С. 114–120.

65. Варданян А.В. Посткриминальное поведение и элементы криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьей 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (часть 1) / А.В. Варданян, А.С. Андреев // Юристъ-Правовед. – 2016. – № 2 (75). – С. 21–27.

66. Васильев В.Л. Юридическая психология / В.Л. Васильев. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 649 с.

67. Васильева Н.В. О границах понятия «психические нарушения» в контексте применения статьи 22 УК РФ / Н.В. Васильева // Проблемы социальной психологии XXI столетия / под ред. В.В. Козлова. – Ярославль, 2001. – Т. 1. – С. 113–114.

68. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого: понятие, предмет и методика изучения / Н.Т. Ведерников. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. – 174 с.

69. Видонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев: метод. рекомендации / Л.Г. Видонов. – Горький: Прокуратура Горьк. обл., 1978. – 122 с.

70. Власенко В.Г. Криминалистическая версия и ее значение для раскрытия и расследования преступлений / В.Г. Власенко // Становление правового порядка в Российском государстве: реальность и перспектива (социально-правовые проблемы): сб. науч. ст. – Саратов, 1995. – С. 200–203.

71. Возгрин И.А. Введение в криминалистику. История, основы теории, библиография / И.А. Возгрин; Ассоц. Юрид. центр, С.-Петерб. юрид. акад. – СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. – 275 с.

72. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия / Т.С. Волчецкая. – Калининград: Калининград. ун-т, 1997. – 248 с.

73. Волчецкая Т.С. Генезис, современные тенденции и перспективы развития криминалистической ситуалогии на современном этапе / Т.С. Волчецкая // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: мат-лы Международ. научно-практич. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности, посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии. – Калининград, 2012. – С. 15–20.

74. Волчецкая Т.С. Роль, этапы и перспективы ситуационного подхода в современной криминалистике // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД РФ, 2016 С. 3-10.

75. Волынский А.Ф. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) / А.Ф. Волынский, В.П. Лавров // Организованное противодействие раскры-

тию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: материалы науч.-практ. конф. Руза, 29–30 окт. 1996 г. – М., 1997. – С. 93–95.

76. Выдрина Н.В. Особенности мотивации самоубийств / Н.В. Выдрина // Актуальные проблемы правоведения в современный период: сб. ст. / под ред. В.Ф. Воловича. – Томск, 1993. – Ч. 2. – С. 133–134.

77. Гавриловский В.П. К вопросу об анатомических изменениях на трупах самоубийц / В.П. Гавриловский // Судебно-медицинская экспертиза / Нар. ком. Здравоохранения; под ред. д-ра Я. Лейбовича. – М., 1929. – Кн. 11 – С. 59–60.

78. Гайсина Д.А. Генетические факторы риска суицидального поведения / Д.А. Гайсина, З.Л. Халилова, Э.К. Хуснутдинова // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2008. – Т. 108, № 1. – С. 87–91.

79. Галяшина Е.И. Перспективы развития автороведческой экспертизы в России / Е.И. Галяшина, Е.И. Ермолова // Судебная экспертиза. – 2005. – № 3. – С. 5–10.

80. Гидрология и гидрохимия морей и устьев рек: сб. науч. тр. / ред. И.П. Беляева. – М.: Гидрометеоиздат, Моск. отд-ние 1970. – 158 с. – (Тр. гос. океаногр. ин-та; вып. 101).

81. Гидрология суши / Н.А. Соломенцев [и др.]. – 2-е изд. перераб. и доп. – Л.: Гидрометеоиздат, 1976. – 432 с.

82. Гидрология Байкала и других водоемов: сб. ст. / АН СССР, Сиб. отд-ние, Лимнол. ин-т; отв. ред. В.И. Верболов. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984. – 166 с.

83. Гвоздев И.М. О самоубийстве с социальной и медицинской точки зрения / И.М. Гвоздев. – Казань: Университет. тип., 1889. – 45 с.

84. Гельвиг А. Современная криминалистика (методы расследования преступлений) / Альберт Гельвиг; пер. с нем. Е. Л-ской; под ред. и с предисл. П.И. Люблинского. – М.: Право и жизнь, 1925. – 100 с. – (Криминалистики / под общ. ред. проф. М.Н. Гернета, П.И. Люблинского, А.Н. Трайнина; № 1).

85. Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений / И.Ф. Герасимов; Свердл. юрид. ин-т. – Свердловск: Сред. Уральск. кн. изд-во, 1975. – 184 с.

86. Гернет М.Н. Преступность и самоубийство во время войны и после нее / М.Н. Гернет. – М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1927. – 270 с. – (Моральная статистика; вып. 2).

87. Говорин Н.В. Суицидальное поведение: типология и факторная обусловленность / Н.В. Говорин, А.В. Сахаров. – Чита: изд-во «Иван Федоров», 2008. – 178 с.

88. Говорин Н.В. Алкогольный фактор в криминальной агрессии и аутоагрессии / Н.В. Говорин, А.В. Сахаров, А.С. Гаймоленко. – Чита: изд-во «Иван Федоров», 2009. – 184 с.

89. Голинков Д.Л. «Осложненное» дело / Д.Л. Голинков // Следственная практика. – М., 1966. – Вып. 72. – С. 106–124.

90. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика / А.Ю. Головин. – М.: ЛексЭст, 2002. – 305 с.

91. Головин А.Ю. Ситуационный анализ (подход) как познавательный метод в криминалистике и деятельности по расследованию преступлений / А.Ю. Головин, М.В. Баранов // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: мат-лы Международ. научно-практич. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности, посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии. – Калининград, 2012. – С. 34–37.

92. Голунский С.А. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений / С.А. Голунский, Б.М. Шавер; под ред. А.Я. Вышинского; Ин-т права Акад. наук СССР. – М.: Юриздат, 1939. – 372 с.

93. Голунский С.А. Техника и методика расследования преступлений. Вып. 1 / С.А. Голунский, Г.К. Рогинский; ред. М.С. Строгович. – М.: Сов. законодательство, 1934. – 21 с.

94. Голунский С.А. Методика расследования дел об убийствах / С.А. Голунский // Социалистическая законность. – 1937. – № 5. – С. 57–63.

95. Гольст Г.Р. Осмотр места происшествия и другие неотложные действия / Г.Р. Гольст, Г.Н. Мудьюгин // Расследование убийств: метод. пособие / отв. ред. Г.Н. Александров. – М., 1954. – С. 33–114.

96. Гордон Г.И. Современные самоубийства / Г.И. Гордон // Русская мысль. – 1912. – № 5. – С.74–93.

97. Гордон Э.С. Факторы, снижающие эффективность применения специальных познаний в форме экспертизы при расследовании дел об убийствах / Э.С. Гордон // Актуальные аспекты судебной медицины / Удм. отд-ние Рос. о-ва судеб. медиков, Ижев. гос. мед. ин-т; под ред. В.И. Витера. – Ижевск, 1992 – Вып. 2. – С. 8–14.

98. Гродзинский, М.М. Улики в советском уголовном процессе / Проф. М.М. Гродзинский. – М.: Юрид. изд-во, 1945. – 121 с. – (Ученые труды / Всесоюз. ин-т юрид. наук НКЮ СССР; вып. 7).

99. Громов В. Расследование дел об убийствах: пособие для следователей / В. Громов, В. Кочубинский, В. Савицкий; под ред. А.Я. Вышинского; Прокуратура СССР, Метод. совет. – М.: Юрид. изд-во, 1938. – 186 с.

100. Гросс П. Розыскные меры, принимаемые на основании результатов осмотра места происшествия при убийствах / П. Гросс // Экспертиза при расследовании преступлений. – Вильнюс, 1967. – Вып. 6. – С. 135–156.

101. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Ганс Гросс. – М.: Лекс Эст, 2002. – 1046 с.

102. Гульдан В.В. Основные типы мотивации противоправных действий у психопатических личностей / В.В. Гульдан // Вестник МГУ. Сер. 14, Психология. –1984. – № 1. – С. 31–45.

103. Густов Г.А. Исследование места происшествия / Г.А. Густов // Вопросы совершенствования предварительного следствия: сб. ст / Ин-т усовер-

шенствования следств. Работников органов Прокуратуры и МВД; отв. ред. А.П. Филиппов. – Л., 1971. – С. 47–60.

104. Густов Г.А. Комплексный подход к раскрытию убийства: учеб. пособие / Г.А. Густов. – Л.: Ин-т усовершенств. следств. работников при Прокуратуре и МВД, 1988. – 104 с.

105. Густов Г.А. Программно-целевой метод организации раскрытия убийств: учеб. пособие / Г.А. Густов. – СПб.: Ин-т повышения квалификации прокурор.-следств. работников Ген. прокуратуры РФ, 1993. – 122 с.

106. Густов Г.А. О применении специальных знаний при розыске трупов людей / Г.А. Густов, Н.Н. Китаев, Р.Г. Ардашев // Закон и жизнь (Молдова). – 2012. – № 5. – С. 10–12.

107. Давыдов Л.К. Водоносность рек СССР, ее колебания и влияние на нее физико-географических факторов / Л.К. Давыдов. – Л.: Гидрометеоиздат, 1947. – 162 с.

108. Дело К.Д. Семенчука и С.П. Старцева: стеногр. отчет заседаний Верховного Суда РСФСР 16-23 мая 1936 г. / под ред. А.Я. Вышинского [и др.]. – Л.: изд-во Главсевморпути, 1936. – 560 с.

109. Дементьев В.В. Инсценировка преступления: сущность и методы раскрытия / В.В. Дементьев, В.В. Степанов. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 169 с.

110. Диагностика суицидального поведения: метод. рекомендации / М-во здравоохранения, Моск. НИИ психиатрии; сост. А.Г. Амбрумова, В.А. Тихоненко. – М., 1980. – 48 с.

111. Доброгаева М.С. Экспертиза исключительных состояний / М.С. Доброгаева // Социалистическая законность. – 1986. – № 12. – С. 33–35.

112. Доля Е. Формирование и реализация метода доказывания при производстве по уголовным делам / Е. Доля // Законность. – 2013. – № 5. – С. 44–50.

113. Дубоносов Е.С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 442 с.

114. Дубровский М. О самоубийствах / М. Дубровский, А. Липкин // Революция и культура. – 1929. – № 5. – С. 33–36.

115. Дюркгейм Э. Самоубийство: социол. этюд / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А.Н. Ильинского. – СПб.: Союз, 1998. – 492 с.

116. Егоров Н.Н. Изучение тактических приемов осмотра места происшествия – обязательное условие подготовки экспертов / Н.Н. Егоров // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 14 - 15 февр. 2007 г. – М., 2007. – С. 224–226.

117. Енгалычев В.Ф. Посмертная судебно-психологическая экспертиза / В.Ф. Енгалычев // Прикладная юридическая психология / под ред. А.М. Столяренко. – М., 2001. – С. 420–430.

118. Енгалычев В.Ф. Посмертная судебно-психологическая экспертиза: новые возможности и решения / В.Ф. Енгалычев // Теория и практика судеб-

ной экспертизы в современных условиях: материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 25-26 янв. 2011 г. / Моск. гос. юрид. акад. имени О.Е. Кутафина. – М., 2011. – С. 616–617.

119. Ермаков Н.П. Виды судебно-психологической экспертизы / Н.П. Ермаков, Н.Н. Китаев, И.А. Конопак. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. – 44 с.

120. Ефремов И.А. Тафономия и геологическая летопись. Кн. 1. Захоронение наземных фаун в палеозое / И.А. Ефремов. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 179 с. – (Труды Палеонтологического института / Акад. наук СССР; т. 24).

121. Ефремов И.А. Что такое тафономия? / И.А. Ефремов // Природа. – 1954. – № 3. – С. 48–54.

122. Железняк Н.С. Ну, кому это надо? (Некоторые размышления об уровне работы по делам оперативного учета в России) / Н.С. Железняк // Оперативник (сыщик). – 2012.– № 2. – С. 11–15.

123. Жиляев В.И. Взаимодействие органов следствия и дознания при раскрытии и расследовании тяжких преступлений / В.И. Жиляев // Криминалистика и судебная экспертиза: республ. междувед. науч.-метод. сб. / отв. ред. А.Е. Яворский. – Киев, 1981. – С. 11–15.

124. Заблоцкий-Десятовский П.П. Врачебно-полицейские и судебно-медицинские изыскания об утопленниках / соч. Заблоцкого, Имп. С.-Петерб. мед.-хирург. акад. экстраорд. проф. – СПб, 1845. – 4,71 с.: 4 л. ил. – (Из журн.: Записки по части врачебных наук. 1845; кн. 3).

125. Загрядская А.П. Судебно-медицинская оценка способности к активным действиям при смертельных механических повреждениях: метод. рекомендации / А.П. Загрядская, Д.Е. Джемс-Леви. – Горький: ГМИ, 1978. – 55 с.

126. Загрядская А.П. Судебно-медицинское исследование изолированных клеток и микрочастиц тканей животного происхождения / А.П. Загрядская, А.Л. Федоровцев, Е.И. Королева. – М.: Медицина, 1984. – 104 с.

127. Зайцева С.А. Достоверность и вероятность доказательств / С.А. Зайцева, Н.А. Громов, В.А. Пономаренков // Следователь. – 1999. – № 7. – С. 11–17.

128. Закатов А.А. Ложь и борьба с нею / А.А. Закатов. – Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984. – 192 с.

129. Законы Ману: пер. с санскрит. / пер. С.Д. Эльмановича, провер. и испр. Г.Ф. Ильиным. – М.: Вост. лит., 1960. – 361 с.

130. Захарова В.О. Раскрытие преступлений: к вопросу о понятии / В.О. Захарова // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – № 6. – С. 292–293.

131. Звертаев Н.А. Формы специальных знаний и основные направления их использования по уголовным делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет / Н.А. Звертаев // Вестник криминалистики. – Вып. 2 (46). – 2013. – С. 76–83.

132. Звечаровский И.Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование: монография / И.Э. Звечаровский. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1993. – 124 с.

133. Звягин В.Н. Судебно-медицинские аспекты дерматоглифики кистей и стоп / В.Н. Звягин, И.Б. Тарасов // Судебно-медицинская экспертиза. – 1989. – № 2. – С. 14–17.

134. Зеленковский С.П. О вероятностно-статистическом моделировании признаков лица, совершившего убийство / С.П. Зеленковский // Криминалистика и судебная экспертиза: республ. междувед. науч.-метод. сб. / отв. ред. А.Е. Яворский. – Киев, 1982. – Вып. 25. – С. 21–35.

135. Зеленковский С.П. Уголовно-процессуальное и криминалистическое значение изучения личности потерпевшего при расследовании убийств / С.П. Зеленковский // Криминалистика и судебная экспертиза: республ. междувед. науч.-метод. сб. / отв. ред. А.Е. Яворский. – Киев, 1977. – С. 21–28.

136. Зеленский В.Д. Организация расследования: понятие и направления реализации на досудебном следствии // Криминалистическое сопровождение расследования преступлений : проблемы и пути их решения 2016. С. 208-211.

137. Зеленский В.Д. Следственная ситуация и организация отдельного расследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 9. С. 89-93.

138. Зеленский В.Д., Куемжиева С.А., Общие положения криминалистической методики. Монография Краснодар, 2015.

139. Зеневич Г.В. Анализ так называемых расширенных самоубийств при меланхолических состояниях / Г.В. Зеневич. – Л.: Изд-во науч. работ психиатр больницы им. Балинского, 1938. – 21 с.

140. Зенкович В.П. Монография о речных устьях / В.П. Зенкович // Природа. –1953. – № 9. – С.123 –125. – Рец. на кн.: Устья рек / И.В. Самойлов. – М.: Географгиз, 1952. – 527 с.

141. Зинин А.М. Криминалист в следственных действиях / А.М. Зинин. – М.: Экзамен, Право и Закон. – 2004. – 144 с.

142. Зискинд Д.И. Дегенерация черепа как фактор, помогающий ставить дифференциальный диагноз между убийством и самоубийством / Д.И. Зискинд // Судебно-медицинская экспертиза / Нар. ком. Здравоохранения; под ред. д-ра Я. Лейбовича. – М.-Л., 1930. – Кн. 14. – С. 48–50.

143. Зуйков Г.Г. Развитие криминалистического учения о способе совершения преступления и проблема способа сокрытия преступления / Г.Г. Зуйков / Повышение эффективности расследования преступления и проблема способа сокрытия преступления // Повышение эффективности расследования преступлений. – Иркутск, 1986. – С. 50–56.

144. Зороастров О.М. Судебно-медицинские аспекты исследований кожных узоров как маркеров предрасположенности к наркомании и сопровождающим ее суицидам / О.М. Зороастров [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. – 2009. – № 4. –С. 41–43.

145. Иваненко С.А. Дерматоглифика суицидентов: характеристика и значение в решении экспертных задач / С.А. Иваненко, А.П. Божченко, И.А. Толмачев // Судебно-медицинская экспертиза. – 2011. – Т. 54. – № 5. – С. 26–29.

146. Иванов О.В. Агрессия и суицидальное поведение: нейропсихологические аспекты / О.В. Иванов, А.Ю. Егоров // Неврологический вестник им. В.М. Бехтерева. – Казань, 2012. – Т. 44, № 3. – С. 15–28.

147. Ильченко Ю.И. Некоторые вопросы восстановления механизма преступления по материальной обстановке места происшествия / Ю.И. Ильченко // Сборник статей аспирантов и соискателей Казахского гос. университета. – Алма-Ата, 1965. – Вып. 8, ч. 2. – С. 145–147.

148. Исаенко В.Н. Идентификация неопознанных трупов / В.Н. Исаенко // Законность. – 2001. – № 6. – С. 25–29.

149. Калиновский К.Б. Презумпция согласия родственников на прекращение дела умершего / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. – 2012. – № 3. – С. 9.

150. Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию / В.Н. Карагодин. – Свердловск: УрГУ, 1992. – 176 с.

151. Каргин А.М. Личностные факторы суицидального поведения у пациентов кризисного стационара, совершивших суицидальные попытки / А.М. Каргин, А.Б. Холмогорова, В.Ф. Войцех // Социальная и клиническая психиатрия. – 2009. – Т. 19, № 4. – С. 15–20.

152. Качаев А.К. Значение материалов уголовных дел для экспертизы исключительных состояний / А.К. Качаев, Н.Н. Иванец // Вопросы организации и проведения судебно-психиатрических экспертиз в уголовном процессе. – М., 1973.– С. 29–34.

153. Качур А.М. Организация розыска лиц, пропавших без вести: учеб. пособие / А.М. Качур, В.Ю. Фролов. – Омск: ОВШМ МВД СССР, – 1987. – 90 с.

154. Кербиков О.В. К учению о динамике психопатий // Избранные труды / О.В. Кербиков; отв. ред. Г.К. Ушаков. – М., 1971. – С. 163–185.

155. Кирлиан С.Д. В мире чудесных разрядов / С.Д. Кирлиан, В.Х. Кирлиан. М.: Знание, 1964. – 40 с.

156. Кислов М.А. Программа для установления давности наступления смерти на месте происшествия / М.А. Кислов, М.В. Парешин, Л.М. Курзин // Судебная медицина. – 2015. – Т. 1. – № 2. – С. 49–50.

157. Китаев Н.Н. Судебно-психологическая экспертиза при изобличении инсценировок несчастных случаев и самоубийств / Н.Н. Китаев // Законность. – 1995. – № 12.– С. 15–16.

158. Китаев Н.Н. О возможности использования следователем медицинских характеристик арестованных обвиняемых для получения правдивых показаний / Н.Н. Китаев // Сибирские криминалистические чтения: сб. науч. тр. – Иркутск, 1998. – Вып. 8. – С. 19–22.

159. Китаев Н.Н. Посткриминальный суицид убийц / Н.Н. Китаев // Социально-экономические и правовые проблемы Восточно-Сибирского региона на пороге третьего тысячелетия: материалы науч.-практ. конф., 13–17 мая 1998 г. / Е.Г. Пугачева [и др.]; редкол.: Г.С. Гаверов [и др.]. – Иркутск, 1998. – С. 70–72.

160. Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок / Н.Н. Китаев. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 388 с.

161. Китаев Н.Н. Экспертные психологические исследования в уголовном процессе: проблемы, практика, перспективы / В.Н. Китаев, В.Н. Китаева. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. – 427 с.

162. Китаев Н.Н. Криминалистическое значение предсмертных писем убийц, покончивших суицидом / Н.Н. Китаев, Р.Г. Ардашев // Российский следователь. – 2012. – № 20. – С. 2–4.

163. Китаева В.Н. Значение посмертной психолого-психиатрической экспертизы виновного лица по делам об убийствах прошлых лет / В.Н. Китаева // Российский следователь. – 2000. – № 1. – С. 2–3.

164. Китаева В.Н. Судебно-психологическая экспертиза при определении посткриминального суицида как улики поведения / В.Н. Китаева // Законность. – 2002. –№ 1.– С. 38–40.

165. Китаева В.Н. Животные и преступления: уголовно-правовое и криминалистическое исследование / В.Н. Китаева. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. – 282 с.

166. Китаев-Смык Л.А. О стрессе умирания / Л.А. Китаев-Смык // Вопросы психологии. – 2008. – № 5. – С. 121–125.

167. Ковалев А.И. Роль улик поведения в планировании расследования убийств / А.И. Ковалев // Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений: межвуз. сб. науч. тр. / Свердловский юрид. ин-т; ред. И.Ф. Герасимов [и др.]. – Свердловск, 1980. – С. 72–77.

168. Ковалев А.И. Улики поведения (исторический обзор) / А.И. Ковалев // Развитие советского права: докл. конф. правоведов: материалы итоговой науч. конф. новосиб. фак. / Свердл. юрид. ин-т. – Свердловск, 1972. – С. 46–50.

169. Ковалев А.И. Роль улик поведения в планировании расследования убийств / А.И. Ковалев // Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений. Свердловск, 1980. С. 72–74.

170. Ковалев М.И. Правовые проблемы защиты жизни, здоровья и генетического достоинства человека / М.И. Ковалев. – Екатеринбург: УрГЮА, 1996. – 82 с.

171. Козусев А.Ф. Надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности / А.Ф. Козусев // Законность. – 1997. – № 2. – С. 19–22.

172. Колкутин В.В. Случай обнаружения спермы на одежде спустя 70 лет / В.В. Колкутин, Э.Л. Магнушевская // Военно-юридический вестник Приволжского региона: сб. науч. тр. – Самара, 2005. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 176.

173. Колмаков В.П. Методическое письмо о методах установления личности расчлененного трупа / В.П. Колмаков. – Харьков, 1947.

174. Конончук Н.В. О психологическом смысле суицидов / Н.В. Конончук // Психологический журнал. – 1989. – № 5. – С. 95–102.

175. Концевич И.А. Судебно-медицинская диагностика странгуляций / И.А. Концевич. – Киев: Здоровья, 1968. – 155 с.

176. Кореневский Ю.В. Судебная практика и совершенствование предварительного расследования / Ю.В. Кореневский. – М.: Юрид. лит., 1974. – 112 с.

177. Корецкий Д.А. Идеологические проблемы борьбы с преступностью / Д.А. Корецкий // Законность. – 2004. – № 5. – С. 2–6.

178. Коржевская В.Ф. Убийства, установленные при судебно-медицинском исследовании трупа / В.Ф. Коржевская // Актуальные вопросы теории и практики судебной медицины: сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т усоверш. врачей им. С.М. Кирова; ред.: О.Х. Поркшеян [и др.]. – Л., 1975. – Вып. 135. – С. 22.

179. Котов Д.П. Роль логической программы в совершенствовании доказывания обстоятельств, имеющих психологическую природу / Д.П. Котов // Научные и практические проблемы уголовного судопроизводства в свете судебно-правовой реформы: материалы науч.-практ. конф. 1–2 июля 1988 г. / ВНИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, Удм. гос. ун-т им. 50-летия СССР; отв. ред. Д.А. Бойков. – Ижевск, 1989. – С. 64–66.

180. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза / М.М. Коченов // Справочник следователя: практ. пособие. – М., 1992. – Вып. 3: Практическая криминалистика: подготовка и назначение судебных экспертиз. – С. 176–184.

181. Коченов, М.М. Психология допроса малолетних свидетелей / М.М. Коченов, Н.Р. Осипова. – М.: Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1984. – 34 с.

182. Кочетова Т.А. Законодательные основы защиты прав лиц с психическими отклонениями / Т.А. Кочетова, И.В. Новоженина // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2007. – № 1. – С. 171–174.

183. Красавин С.М. Установление последовательности действий при комбинированном способе самоубийства / С.М. Красавин, Е.Г. Колпащиков // Судебно-медицинская экспертиза. – 1987. – № 4. – С. 61.

184. Крачнаков В.Э. Своевременный и тщательный осмотр места происшествия и трупа – залог успешного раскрытия убийства / В.Э. Крачнаков // Следственная практика. – М., 1976. – Вып. 112. – С. 79–85.

185. Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2008. – 943 с.

186. Кручинина И.В. Алиби. Теоретические проблемы и их прикладное значение в уголовном судопроизводстве / Н.В. Кручинина, В.И. Шиканов – Иркутск: Иркут. ун-т, 1992. – 200 с.

187. Крюков А.И. К вопросу о причинах самоубийства / А.И. Крюков // Неврология и психиатрия: сб. ст. – Орел, 1923. – С. 286–297. – (Тр. Гос. мед. ин-та в Москве; т. 1, вып. 1).

188. Крюков А.И. О дегенерации черепа / А.И. Крюков // Архив криминологии и судебной медицины. – Харьков, 1927. – Т. 1, кн. 2-3. – С. 706.

189. Кубе Э. К вопросу о вооружении надзирателей / Э. Кубе // Тюремный вестник. – 1908. – № 5. – С. 424–428.

190. Кудрявцев И.А. Клинико-психологические маркеры суицидального риска / И.А. Кудрявцев, Е.З. Декало // Российский психиатрический журнал. – 2012. – № 4. – С. 29–35.

191. Куликов И.В. Разоблаченная инсценировка самоубийства / И.В. Куликов // Следственная практика. – М., 1960. – Вып. 40. – С. 104–112.

192. Лаврухин С.В. Понятие криминалистики / С.В. Лаврухин // Государство и право. – 1998. – № 4. – С. 74–80.

193. Лаврухин С.В. Механизм поведения подозреваемого и обвиняемого / С.В. Лаврухин // Вестник криминалистики. – 2010. – № 1. – С. 23–29.

194. Лаврухин С.В. Механизм поведения преступника / С.В. Лаврухин. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 472 с.

195. Ландышев Н.П. Осмотр участка водной поверхности, являющегося местом происшествия / Н.П. Ландышев // Криминалистика и судебная экспертиза: республ. междувед. науч.-метод. сб. / отв. ред. А.Е. Яворский. – Киев, 1966. – С. 45–49.

196. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика: науч.-практ. и учеб. пособие / А.М. Ларин. – М.: БЕК, 1996. – 192 с.

197. Ласый Е.В. Анализ предсмертных записок и протоколов расследования по факту суицида: связь факта употребления алкоголя и анамнеза злоупотребления алкоголем с триггерами и мотивами суицида / Е.В. Ласый, М.В. Новодворская, Р.А. Евстигнеев // Социальная и клиническая психиатрия. – 2012. – Т. 22, № 4. – С. 57–62.

198. Лебедев И.П. О самоубийстве в нормальном и болезненном состоянии / орд. С.-Петерб. Николаев. воен. госпиталя И.П. Лебедев. – СПб: типолит. П.И. Шмидта, 1888. – 39 с.

199. Лебедев И.П. О самоубийстве с медицинской точки зрения / Илья Лебедев, орд. С.-Петерб. Николаев. воен. госпиталя. – СПб.: тип. С.Н. Худекова, 1897. – 50 с.

200. Леви И.М. О следственном аппарате / И.М. Леви // Вестник советской юстиции. – 1928. – № 21.– С. 635.

201. Левченко Е.А. Косвенные доказательства в деле об убийстве / Е.А. Левченко // Предварительное следствие. – Вып. 1 (7). – 2010. – С. 133–146.

202. Ленц А.К. Криминальные психопаты (социопаты) / проф. А.К. Ленц; с предисл. проф. В.П. Осипова. – Л.: Рабочий суд, 1927. – 59 с.

203. Леонтьев А. Убийство или самоубийство? / А. Леонтьев // Судебно-медицинская экспертиза / Нар. ком. Здравоохранения; под ред. д-ра Я. Лейбовича. – М., 1927. – Кн. 5. – С. 92–96.

204. Лисиченко В.К. О понятии негативных обстоятельств и механизме их возникновения / В.К. Лисиченко, А.С. Зеленковский // Криминалистика и судебная экспертиза / отв. ред. В.Ф. Бойко. – Киев, 1989. – Вып. 39. – С. 3–10.

205. Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности: методология криминалистических исследований / А.Ф. Лубин; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Ниж. юрид. ин-т. – Н. Новгород: НЮИ МВД России, 1997. – 335 с.

206. Лузгин И.М. Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение: метод. разраб. для слушателей 5 курса веч. отд-ния МФЮЗО / И.М. Лузгин, В.П. Лавров. – М., 1980. – 32 с.

207. Лукьянчиков Е.Л. Использование специальных знаний при розыске пропавших без вести лиц / Е.Л. Лукьянчиков, В.П. Цильвик // Криминалистика и судебная экспертиза / отв. ред. В.Ф. Бойко. – Киев, 1990. – Вып. 40. – С. 46–52.

208. Ляшенко В.Е. К вопросу о продолжительности жизни при абсолютно смертельных повреждениях / В.Е. Ляшенко // Сборник трудов научного общества судебных медиков и криминалистов Казахстана. – Алма-Ата, 1961. – Вып. 4. – С. 34.

209. Мавлюдов А.К. Осмотр места происшествия по делам об авариях на водном транспорте / А.К. Мавлюдов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 106 с.

210. Майлис Н.П. Экспертные исследования узлов / Н.П. Майлис// Социалистическая законность. – 1982. – № 2. – С. 48–49.

211. Макаренко И.А. К вопросу о понятии следственных ситуаций// В сборнике: Научные записки Международного гуманитарного университета сборник. Ответственный редактор К.В. Громовенко. 2016. С. 60-63.

212. Маковеев Д.В. «Сыворотка правды» / Д.В. Маковеев // Следственная практика / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной Прокуратуре РФ; отв. ред. А.И. Алексеев. – М., 2004. – Вып. 2 (163). – С. 98–106.

213. Махова И.В. К вопросу об оценке достоверности показаний / И.В. Махова // Вестник криминалистики. – 2009. – Вып. 2 (30). – С. 79–85.

214. Медицинские технологии, используемые при производстве судебно-медицинских экспертиз: сб. мед. технологий / сост. В.А. Клевно. – М.: Компания «Планета Земля», 2012. – 396 с.

215. Мельник В.В. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы / В.В. Мельник, В.В. Яровенко. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1991. – 157 с.

216. Милявский В.А. Раскрытие инсценированного самоубийства / В.А. Милявский // Следственная практика. – М., 1962. – Вып. 57. – С. 124–129.

217. Михайлов А.И. Обыск / А.И. Михайлов, Г.С. Юрин. – М.: Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1971. – 91 с.

218. Михайлов Ф. Самоубийство не освобождает от ответственности / Ф. Михайлов // Суд идет! – 1929. – № 4. – С. 199–202.

219. Молин Ю.А. Судебно-медицинская экспертиза повешения / Ю.А. Молин. – СПб.: НПО «Мир и семья-95», 1996. – 333 с.

220. Молин Ю.А. Способность к самостоятельным целенаправленным действиям при повреждениях груди, живота, таза, конечностей / Ю.А. Молин // Осмотр трупа на месте его обнаружения: руководство для врачей / Э.П. Александров [и др.]. – СПб., 1997. – С. 223–234.

221. Морев М.В. Факторы риска суицидального поведения и их преодоление / М.В. Морев // Проблемы развития территории. – 2013. – Вып. 1 (53). –С. 98–108.

222. Морев М.В. Динамика суицидальной смертности населения России: региональный аспект / М.В. Морев, Ю.Е. Шматова, Е.Б. Лобов // Суицидология. – 2014. – Т. 5. – №1 (14). – С. 3–11.

223. Мудьюгин Г.М. Расследование убийств, замаскированных инсценировками / Г.М. Мудьюгин. – М.: Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1973. – 157 с.

224. Мужчины, обвиненные в убийствах (клинико-социальная характеристика) / Т.Б. Дмитриева [и др.] // Агрессия и психическое здоровье / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.В. Шостаковича. – СПб, 2002. – С. 18–22.

225. Муравьев Н.С. Разоблачение инсценировки самоповешения / Н.С. Муравьев // Следственная практика. – М., 1958. – Вып. 34. – С. 22– 29.

226. Мухин Г.Н. Криминалистическое моделирование личности неустановленного преступника и его преступного поведения / Г.Н. Мухин, О.Г. Каразей, Д.В. Исютин-Федотков. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 208 с.

227. Мягков А.Ю. Структура и динамика незавершенных самоубийств / А.Ю. Мягков, Е.Ю. Смирнова // Социологические исследования. – 2007. – № 3. – С. 89–97.

228. Мягков А.Ю. Темпоральные характеристики самоубийств / А.Ю. Мягков // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 83–92.

229. Наговский В.Л. К вопросу о выявлении замаскированных убийств / В.Л. Наговский // Судебная медицина и пограничные области: сборник / НИИ судебной медицины отв. ред. Н.В. Попов. – М.; Л., 1934. – С. 49–52.

230. Неелеман Й. Суицидальность: расстройство, не признающее границ / Й. Неелеман, М.Х. де Грот // Социальная и клиническая психиатрия. – 2007. – № 2. – С. 25–30.

231. Нечаев В.В. Организационно-правовые основы взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания / В.В. Нечаев. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 196 с.

232. Николайченко В.В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления как объект криминалистического исследования / В.В. Николай-

ченко; под ред. В.И. Комиссарова. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Сарат. гос. акад. Права», 2005. – 174 с.; Ч. 2. – 2006. – 250 с.

233. Новик В.В. Криминалистические аспекты процесса доказывания при дефиците доказательств / И.В. Новик // Вестник криминалистики. – 2003. – Вып. 3. – С. 54–62.

234. Овечкин В.А. Общие положения методики расследования убийств, скрытых инсценировками / В.А. Овечкин. – Харьков: Харьковский юрид. ин-т, 1975. – 64 с.

235. Огиевский А.В. Гидрология суши (общая и инженерная) / А.В. Огиевский. – 3-е изд., испр. и перераб. – М.: Сельхозгиз, 1952. – 516 с.

236. Ольхин П.М. Последние дни самоубийц: 2-е изд. кн. «О самоубийстве» (в медицинском отношении) / П.М. Ольхин. – СПб.: Тип. Б-ки мед. наук д-ра М. Хана, 1863. – 451 с.

237. О купеческом сыне Александре Шапошникове, сужденном за покушение на убийство и на самоубийство // Русские уголовные процессы / сост. А. Любавский. – СПб., 1867. – Т. 3. – С. 94–106.

238. Онгирский Б. Статистические итоги самоубийств / Б. Онгирский // Дело. – 1873. – № 11. – С. 1.

239. Определение механизма наступления смерти при странгуляционной механической асфиксии морфологическими методами / А.В. Лузин [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. – 2005. – № 1. – С. 3–7.

240. Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве / Ю.К. Орлов. – М.: Проспект, 2016. – 213 с.

241. Осколкова С.Н. К вопросу о суицидальном поведении больных шизофренией, совершивших агрессивные общественно-опасные деяния / С.Н. Осколкова, О.И. Печенкина // Российский психиатрический журнал. – 2009. – № 1. – С. 10–15.

242. Осмотр места происшествия: учеб. пособие / под ред. В.Ф. Статкуса. – М.: ЭКЦ МВД России, 1995. – 211 с.

243. Осмотр места происшествия: практ. пособие / под ред А.И. Дворкина. – М.: Юристъ, 2000. – 335 с.

244. Осмотр трупа на месте его обнаружения: практ. руководство / под ред. А.А. Матышева. – СПб.: Лань, 1997. – 283 с.

245. Осмотр места происшествия и трупа: справ. / под ред. А.А. Матышева. – СПб.: НПО «Профессионал», 2011. – 532 с.

246. Остроумов С. Критерии оценки раскрытия преступлений / С. Остроумов, С. Панченко // Социалистическая законность. – 1976. – № 9. – С. 51–53.

247. Панфиленко О. А. О состоянии и деятельности советской судебно-медицинской экспертизы в 20-е годы / О.А. Панфиленко // Судебно-медицинская экспертиза. – 1988. – № 4. – С. 58–59.

248. Паперно И.Б. Самоубийство как культурный институт / И.Б. Паперно. – М.: Новое лит. обозрение, 1999. – 252 с.

249. Перепечина И.О. Недостоверные экспертные заключения и их роль в вынесении ошибочных приговоров / И.О. Перепечина // Теория и практикасудебной экспертизы в современных условиях: материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 25–26 января 2011 г. / Моск. гос. юрид. акад. имени О.Е. Кутафина. – М., 2011. – С. 263–267.

250. Пермяков А.В. Диагностические, технические врачебно-экспертные ошибки / А.В. Пермяков // Современные вопросы судебной медицины и экспертной практики: сб. ст. / под ред. А.В. Пермякова и В.И. Витера; Удм. науч. о-во судебных медиков. Ижев. гос. мед. ин-т. – Ижевск, 1975. – Вып. 3. – С. 192–199.

251. Перспективы медицинской генетики / Р. Витковски [и др.]; под ред. Н.П. Бочкова. – М.: Медицина, 1982. – 400 с.

252. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография / И.Л. Петрухин. – М.: Проспект, 2009. – 192 с.

253. Печерникова Т.П. Исключительные состояния в судебно-психиатрической практике / Т.П. Печерникова, М.С. Доброгаева // Судебно-медицинская экспертиза. – 1986. – № 3. – С. 43–46.

254. Печерникова Т.П. Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза «по факту смерти» / Т.П. Печерникова, Т.Н. Туденева // Российский психиатрический журнал. – 2004. – № 2. – 15–20.

255. Пиголкин Ю.И. К вопросу о диагностике депрессивных состояний / Ю.И. Пиголкин, В.Д. Гончарук // Судебно-медицинская экспертиза. – 1997. – Т. 40, № 4. – С. 41–42.

256. Пичкалева Г.И. Взаимодействие следователя и работников органа дознания при осмотре места происшествия / Г.И. Пичкалева // Деятельность следователя и прокурора на первоначальном этапе расследования убийств. – М., 1987. – С. 40–41.

257. Положий Б.С. Факторы риска повторных суицидальных действий у больных с психическими расстройствами / Б.С. Положий, Н.И. Распопова // Российский психиатрический журнал. – 2011. – № 5. – С. 45–49.

258. Померанц В. Дефекты дознанческой работы: (заметки практиканта) / В. Померанц // Административный вестник. – 1928. – № 12. – С. 32–36.

259. Пономаренко Ю.В. Применение метода криминалистической ретроспекции при проведении проверок по фактам смерти / Ю.В. Пономаренко // Научные труды молодых ученых, аспирантов, студентов: материалы 58 науч. конф. аспирантов и студентов Белорусского гос. ун-та. Минск, 25-26 апр. 2001 г. – Минск, 2001. – Ч. 2. – С. 133–136.

260. Попов В.И. Осмотр места происшествия: учеб. пособие / В.И. Попов; ред. В.А. Хван; Казах. гос. ун-т им. С.М. Кирова. – М.: Юрид. лит., 1959. – 231 с.

261. Попов В.Л. Судебно-медицинская казуистика / В.Л. Попов. – Л.: Медицина: Ленингр. отд-ние, 1991. – 299 с.

262. Попов П.М. Общественная опасность больных шизофренией с суицидальными тенденциями / П.М. Попов, И.В. Самсонова // Судебно-

психиатрическая экспертиза: сб. науч. тр. / ЦНИИ судеб. психиатрии им. В.П. Сербского; под ред. Г.В. Морозова. – М., 1979. – № 32. – С. 64–73.

263. Попов П.М. Особенности судебно-психиатрической экспертизы и принудительного лечения больных шизофренией с суицидальными тенденциями / П.М. Попов // Материалы конференции, посвященной вопросам принудительного лечения и реадаптации психически больных. Москва, 22–23 июня / М-во здравоохранения СССР, Центр. науч.-исслед. ин-т судебной психиатрии им. проф. В.П. Сербского, Моск. гор. психиатр. больница № 5. – С. 36–37.

264. Призов В.С. Способность к активным действиям при смертельных механических повреждениях / В.С. Призов, А.Б. Андрейкин // Судебно-медицинская экспертиза. – 1988. – № 1. – С. 50.

265. Причины преступности: из лекции о психологии преступления и преступников, прочитанной доктором Голлэндером в этиологическом обществе в Англии // Тюремный вестник. – 1908. – № 4. – С. 363–368.

266. Продль Г. Преступление без наказания. Буржуазная юстиция на службе бизнеса: очерки / Гюнтер Продль. – М.: Юрид. лит., 1981. – 229 с.

267. Продль Г. «Личная катастрофа» Пауля Бломберга // Плата за молчание: сб. очерков о судеб. процессах на Западе / Гюнтер Продль. – М.: Моск. рабочий, 1989. – С. 375–397.

268. Прозоров Л.А. Самоубийства в тюрьмах и около тюрем по данным 1906/07 г. / Л.А. Прозоров // Медицинское обозрение. – 1908. – № 12. – С. 56–74.

269. Протасевич А.А. Кровь как структурный элемент следовой обстановки на месте происшествия: очерки теории и практики следственной работы / А.А. Протасевич, Д.А. Степаненко, В.И. Шиканов. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. – 189 с.

270. Протасевич А.А. Моделирование в реконструкции расследуемого события: очерки теории и практики следственной работы / А.А. Протасевич, Д.А. Степаненко. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1997. – 208 с.

271. Протопопов А.Л. Расследование убийств в ситуации сокрытия трупа / А.Л. Протопопов, А.Н. Архипова, Н.Н. Китаев. – Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2016. – 130 с.

272. Прошутин В.Л. Случай сохранения способности к активным действиям при смертельной черепно-мозговой травме / В.Л. Прошутин, С.И. Ковалев // Актуальные аспекты судебной медицины: сб. ст. / Удм. отд-ние Рос. о-ва судеб. медиков, Ижев. гос. мед. ин-т; под ред. В.И. Витера. – Ижевск, 1992. – С. 87–88.

273. Раскрытие убийств: монография / под ред. С.В. Лаврухина. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 504 с.

274. Расследование доведения до самоубийства: метод. пособие / авт.-сост. В.С. Бурданова. – Л.; М.: Ин-т усовершенствования следств. работников, 1982. – 56 с.

275. Расследование многоэпизодных убийств, совершенных на сексуальной почве: науч.-метод. пособие / под ред. А.И. Дворкина. – М.: Экзамен, 2003. – 416 с.

276. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей: учеб. пособие / А.Р. Ратинов. – М.: Высш. шк. МООП СССР, 1967. – 292 с.

277. Рубежанский А.Ф. Характер и сроки развития трупных изменений в воде / А.Ф. Рубежанский, С.В. Савченко // Криминалистика и судебная экспертиза / отв. ред. В.Ф. Бойко. – Киев, 1990. – Вып. 40. – С. 92–96.

278. Руководство по расследованию убийств / Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности; отв. ред. С.И. Гусев; рук. авт. кол.: А.М. Ларин, Г.Н. Мудьюгин. – М.: Юрид. лит., 1977. – 608 с.

279. Рязанцев С.В. Танатология – наука о смерти / С.В. Рязанцев. – СПб.: Изд-во «Восточно-Европейский Институт Психоанализа», 1994. – 380 с.

280. Сабитов Р.А. Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения им преступления и вынесения ему приговора / Р.А. Сабитов. – М.: «Юрлитинформ», 2013. – 368 с.

281. Саврасов Л.А. Мотив в убийстве / Л.А. Саврасов // Пролетарская революция и право. – 1918. – № 8–10. – С. 36–45.

282. Самищенко С.С. Комплексные судебно-медицинские и криминалистические ситуационные исследования при установлении обстоятельств смерти человека / С.С. Самищенко, А.В. Фонарев // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 14–15 февр. 2007 г – М., 2007. – С. 430–434.

283. Саньков В. Недостатки в первоначальных следственных действиях по делам об умышленных убийствах / В. Саньков // Законность. – 2001. – № 3. – С. 17–19.

284. Сапожников Д.И. Самосожжения в русском расколе (со второй половины XVII века до конца XVIII): историч. очерк по архив. док / Д.И. Сапожников. – М.: Унив. тип., 1891. – 170 с.

285. Сапожников Ю.С. Криминалистика в судебной медицине / Ю.С. Сапожников. – К.: Здоровья, 1970. – 267 с.

286. Сафонова Н.А. Спорные вопросы понятия «самоубийство» / Н.А. Сафонова // Российский юридический журнал. – 2000. – № 4. – С. 42–45.

287. Сафронов В.А. К вопросу об удавлении петлей и симуляции повешения / В.А. Сафронов// Сборник научных работ кафедры судебной медицины Ленинградского педиатрического медицинского института. – Л., 1958. – С. 122–129.

288. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: науч.-практ. пособие / Ф.С. Сафуанов. – М.: Смысл: Фирма «Гардарика», 1998. – 190 с.

289. Сафунов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза лица, окончившего жизнь самоубийством / Медицинская и судеб-

ная психология: курс лекций / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. – 3-е изд. – М.: Генезис, 2009. – 606 с.

290. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза / Ф.С. Сафуанов. – М.: Юрайт, 2014. – 421 с.

291. Селиванов Н.А. Привлечение специалистов к расследованию (обзор практики по материалам следственых органов прокуратуры) / Н.А. Селиванов. – М.: Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1973. – 40 с.

292. Селиванов Н.А. Математические методы в собирании и исследовании доказательств / Н.А. Селиванов. – М.: Юрид. лит., 1974. – 120 с.

293. Селиванов Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования / Н.А. Селиванов // Социалистическая законность. – 1977. – № 2. – С. 56–59.

294. Селиванов Н.А. Допрос потерпевшего (до наступления смерти или при покушении на убийство) // Справочник следователя: практ. пособие / Н.А. Селиванов [и др.] – М., 1990. – Вып. 2: Практическая криминалистика: расследование отдельных преступлений. – М., 1990. – С. 354–355.

295. Семенов В.В. Использование возможностей судебных экспертиз при расследовании убийств, скрытых инсценировками / В.В. Семенов // Криминалистика XXI столетия. – Харьков, 2010. – С. 480–483.

296. Семеногов В.В. Использование возможностей судебных экспертиз при расследовании убийств, скрытых инсценировками / В.В. Семеногов // Криминалистика XXI столетия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Харьков, 25–26 нояб. 2010 г. – Харьков, 2010. – С. 477– 480.

297. Сидоров А.С. К вопросу о понятии и содержании раскрытия преступлений / А.С. Сидоров // Вестник криминалистики. – 2011. – Вып. 2. – С. 105–109.

298. Сидоров П.И. Особенности осмотра трупа и места происшествия при сексуальных самоубийствах / П.И. Сидоров, А.Г. Соловьев, Г.Б. Дерягин // Судебно-медицинская экспертиза. – 2001. – № 1. – С. 35–36.

299. Сидоров П.И. Клиническая психология: учебник / П.И. Сидоров, А.В. Парняков. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 879 с.

300. Сикорский И.А. Эпидемические вольные смерти и смертоубийства в Терновских хуторах (близ Тирасполя): психол. исслед. проф. психиатрии и нерв. болезней при ун-те св. Владимира И.А. Сикорского. – Киев: журн. «Вопр. нервно-психич. Медицины», 1897. – 4, 99 с.

301. Ситковская О.Д. Психология свидетельских показаний / О.Д. Ситковская. – М.: НИИ ГП РФ , 2007. – 84 с.

302. Скичко О.Ю. Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии / О.Ю. Скичко. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 181 с.

303. Смахтин Е.В, Механизм защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений криминалистическими средствами // Lex Russica 2016. N 10. С.155-163.

304. Смахтин Е.В., Смирнова И.Г. обеспечение защиты прав потерпевшего уголовно-процессуальными и криминалистическими средствами при реализации назначения уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2015. Т. 9. № 2. С. 359-369.

305. Смирнов Н. Предварительное следствие по циркулярам и инструкциям Министерства юстиции, циркулярным указам Правительствующего сената и решениям общих собраний 1-го и кассационных департаментов Правительствующего сената, последовавшим в 1866-1888 гг.: прил.: правил об отчетности судеб. следователей, правил о приеме и расходовании поступающих к ним сумм и образцов делопроизводства судеб. следователей / сост. Н. Смирнов (б. судеб. следователь). – СПб.: Д.В. Чичинадзе, ценз. 1888. – 4, XII, 91 с.

306. Смирнов Н. Частота признаков от самоповешения на вскрытии / Н. Смирнов // Судебно-медицинская экспертиза. – М., 1928. – Кн. 9. – С. 41–44.

307. Смирнов В.П., Смирнова Т.Г. Актуальные вопросы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) суицида / В.П Смирнов, Т.Г. Смирнова // Криминалистъ. – 2013. – №1 (12). – С. 78–80.

308. Современные возможности исследования следов-наложений на вещественных доказательствах / А.Л. Федоровцев [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. – 2005. – Т. 48, № 1. – С. 39–43.

309. Сорокин В.С. Приспособление для обнаружения трупов на дне водоемов / В.С. Сорокин // Самодельные приборы и приспособления для работы прокурора-криминалиста / Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупр. преступности, Следств. упр. Прокуратуры СССР. – М., 1966. – С. 29–30. – (В помощь прокурору-криминалисту / Науч.-исслед. ин-т криминалистики Прокуратуры СССР; вып. 11).

310. Соснин В.А. Психология суицидального терроризма в XXI веке: исторические параллели и современные геополитические тенденции / В.А. Соснин // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32, № 4. – С. 30–44.

311. Состояние и перспективы разработки вопросов судебно-медицинской танатологии / В.Г. Науменко [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. – 1989. – № 3. – С. 11–14.

312. Спиридонов В.А. Установление рода насильственной смерти – это компетенция судебно-медицинской экспертизы? / В.А. Спиридонов, Ю.Г. Забусов // Актуальные аспекты судебной медицины / Ижев. гос. мед. акад; под ред. В.И. Витера. –Ижевск, 1995. – Вып. 4. – С. 9–11.

313. Статкус В.Ф. Кто в России обязан раскрывать преступления? / В.Ф. Статкус // Вестник криминалистики. – 2006. – № 3. – С. 54–58.

314. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе: научное издание / М.С. Строгович. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 383 с.

315. Судебная медицина / под ред. проф. В.М. Смольянинова. – М.: Медицина, 1975. – 344 с.

316. Судебно-медицинская трактовка повреждений, возникших в ближайшее время до и после наступления смерти / А.Б. Гребеньков [и др.] // Современные вопросы судебной медицины / под ред. Т.М. Федченко. – Владивосток, 2001. – С. 100–103.

317. Судебно-медицинские аспекты исследований кожных узоров как маркеров предрасположенности к наркомании и сопровождающим ее суицидам / О.М. Зороастров [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. – 2009. – № 4. – С. 41–42.

318. Татаренко В.А. Статистико-вероятный метод определения степени достоверности экспертных выводов / В.А. Татаренко // Судебно-медицинская экспертиза. – 1990. – № 2. – С. 47–48.

319. Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений: монография / Т.Д. Телегина. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 148 с.

320. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) / под ред. Е.Р. Россинской. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2016. – 368 с.

321. Типовые версии по делам об убийствах: справ. пособие / Н.А. Селиванов, Л.Г. Видонов; Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупр. преступности. – Горький, 1981. – 56 с.

322. Тишин В.С. Функциональное состояние высших отделов центральной нервной системы перед наступлением насильственной смерти и содержание углеводов в печени трупа/ В.С. Тишин // Судебно-медицинская экспертиза. – 1961. – № 2. – С. 6–10.

323. Тишутина И.В. Об общей характеристике противодействия расследованию / И.В. Тишутина // Вестник криминалистики. – 2013. – Вып. 1 (45). – С. 24–31.

324. Толстолуцкий В.Ю. Выдвижение версий с помощью компьютерной программы «ФОРВЕР» / В.Ю. Толстолуцкий, А.М. Шувалова // Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 23 мая 2013 г.). – В 2 ч. – М., 2013. Ч. 2. – С. 357–361.

325. Толстухина Т.В. Проблемы использования специальных знаний специалиста в стадии возбуждения уголовного дела / Т.В. Толстухина, И.В. Устинова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 1-2. – С. 79–86.

326. Трегубов Л.З. Эстетика самоубийства / Л.З. Трегубов, Ю.Р. Вагин. – Пермь: КАПИК, 1993. – 267 с.

327. Трофимов А.А. О практике расследования уголовных дел об убийствах и причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, по которым трупы потерпевших не обнаружены / А.А Трофимов // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы регион. ежегод. науч.-практ. конф. / Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2006. – Вып. 6. – С. 146–150.

328. Туребаев О.Н. Установление давности образования пятен крови / О.Н. Туребаев // Судебно-медицинская экспертиза. – 1986. – № 1. – С. 47–49.

329. Федоров М.И. К вопросу об амнезии после странгуляционной асфиксии / М.И. Федоров // Судебно-медицинская экспертиза. – 1958. – № 3. – С. 41–44.

330. Федоров Ю.Д. Выдвижение и проверка версий в ходе осмотра места происшествия при раскрытии убийств / Ю.Д. Федоров // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы: материалы научной конференции / Науч.-исслед. лаб. суд. экспертизы при Тадж. гос. ун-те им. В. И. Ленина; отв. ред. Я.М. Яковлев. – Душанбе, 1962. – Сб. 2. – С. 122–124.

331. Фетисова Л.Н. Влияние семейных факторов на формирование суицидального поведения подростков / Л.Н. Фетисова // Альманах сестринского дела. – 2011. – Т. 4, № 1–2. – С. 29–32.

332. Формирование и динамика байкальских вод / В.И. Верболов [и др.]; отв. ред. М.Н. Шимараев, Н.П. Ладейщиков; АН СССР, Сиб. отд-ние, Лимнол. ин-т. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. – 116 с.

333. Франк Л.В. О самоубийстве и его предупреждении (опыт конкретно-социологического микроисследования) / Л.В. Франк, Н.А. Ин // Вопросы криминалистики и криминологии / отв. ред. Я.М. Яковлев. – Душанбе, 1968. – С. 61–80.

334. Фролкин Н.П. К вопросу о понятии взаимодействия следственных и оперативно-розыскных подразделений при расследовании преступлений / Н.П. Фролкин, В.Ф. Козлов // Оперативник (Сыщик). – 2010. – № 4 (25). – С. 16–18.

335. Фролов, В.М. Умышленное убийство с инсценировкой несчастного случая / В.М. Фролов // Следственная практика / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прокуратуры РФ; гл. ред. А.И. Алексеев. – М., 2003. – Вып. 1(158). – С. 59–68.

336. Учеватов А. Самоубийства и органы дознания / А. Учеватов // Рабоче-крестьянская милиция. – 1924. – № 7–8. – С. 21–23.

337. Хазиев Ш.Н. Возможности судебно-трасологической экспертизы / Ш.Н. Хазиев // Социалистическая законность. – 1991. – № 12. – С. 35–37.

338. Халиков А.Н. Оперативное сопровождение предварительного расследования / А.Н. Халиков // Законность. – 2004. – № 8. – С. 25–27.

339. Халиков А.Н. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности / А.Н. Халиков. – Москва: Юрлитинформ, 2007. – 301 с.

340. Халиков А.Н. Психологические псевдоэкспертизы / А.Н. Халиков // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 23–24 мая 2012 г. / Волгогр. акад. МВД России. – Волгоград, 2012. – С. 356–360.

341. Халфин В.С. Самоубийство (по материалам ЦАУ НКВД) / В.С. Халфин // Рабоче-крестьянская милиция. – 1924. – № 1. – С. 17–19.

342. Хитров А.А. Определение самоубийства по следам на руках / А.А. Хитров // Судебная медицина и пограничные области: сборник / НИИ судебной медицины отв. ред. Н.В. Попов. – М.; Л. 1934. – С. 166.

343. Холодковская Е. Значение материалов уголовных дел для судебно-психиатрического заключения / Е. Холодковская, Р. Коканбаева // Социалистическая законность. – 1983. – № 3. – С. 49–50.

344. Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза: монография / - Москва: Юрлитинформ, 2010.– 416 с.

345. Хоменок В.П. Исследование пятен крови 46-летней давности / В.П. Хоменок, А.Ф. Друзь, Т.О. Хоменок // Судебная травматология и новые экспертные методы борьбы с преступлениями против личности: тез. докл. пятой расшир. науч.-практ. конф. Науч. о-ва судеб. медиков и криминалистов ЛитССР. Вильнюс, 25-26 авг. 1981 г. – Каунас, 1981. – С. 168–169.

346. Целибеев Б.А. Психиатрическое обследование лиц, совершивших суицидальную попытку / Б.А. Целибеев // Судебно-медицинская экспертиза. – 1966. – № 1. – С. 30– 34.

347. Цимбалист Л.Д. Разоблаченная инсценировка самоубийства / Л.Д. Цимбалист // Следственная практика. – М., 1963. – Вып. 58.– С. 91–97.

348. Ципковский В.П. Осмотр места происшествия и трупа на месте его обнаружения: пособие / В.П. Ципковский. – Киев: Госмедиздат, 1960. – 320 с.

349. Черваков В.Ф. Вопросы судебной медицины и экспертизы в трудах Амбруаза Паре / В.Ф. Черваков // Сборник трудов бюро Главной судебно-медицинской экспертизы и кафедры судебной медицины Ереванского мединститута. – Ереван, 1956. – С. 36–48.

350. Чистова Л.Е. Пространственно-временные отношения и причинная связь в расследовании преступлений / Л.Е. Чистова // Вестник криминалистики. – 2010. – Вып. 1 (33). – С. 137–142.

351. Шаламов М.П. О роли версий при расследовании убийств / М.П. Шаламов // Вопросы борьбы с убийствами: материалы науч.-практ. конф. Москва, 7-9 февр. 1968 г. / Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности; отв. ред. Ф.Ю. Бердичевский. – М., 1969. – С. 82–84.

352. Щукина Е.Я. О практике привлечения специалистов судебно-психиатрических экспертных учреждений (отделений) к участию в доследственной проверке материалов (в порядке ст. 144 УПК РФ): информационное письмо / Е.Я. Щукина, А.А. Ткаченко, С.Н. Шишков. – М., 2011. – 8 с.

353. Шишов Е. Об использовании специальных познаний для получения криминалистически значимой информации в ходе расследования / Е. Шишов// Уголовное право. – 2001. – № 4. – С. 80–82.

354. Шнейкерт Г. Тайна преступника и пути к ее раскрытию / Г. Шнейкерт. – М.: Право и жизнь, 1925. – 64 с.

355. Шохин Т. Случай с «немыми свидетелями» / Т. Шохин // Вестник полиции. – 1908. – № 26.– С. 8–9.

356. Эдель Ю.П. Исследование причин ошибочной диагностики смертельных травм (по судебно-медицинским материалам) / Ю.П. Эдель // Судебно-медицинская экспертиза. – 1958. – № 4. – С. 34–36.

357. Эритс Х.Г. Значение заболеваний при суицидальных случаях / Х.Г. Эритс // Актуальные вопросы судебной медицины и патологической анатомии: материалы IV расшир. науч.-практ. конф. судебных медиков и патологоанатомов ЭССР / отв. ред. А.А. Лукаш; Тарт. гос. ун-т ; Ин-т эксперим. и клинич. медицины М-ва здравоохранения ЭССР, Науч. о-во судебных медиков ЭССР, Науч. о-во патологоанатомов ЭССР. – Таллин, 1975. – С. 134–136.

358. Яблоков Н.П. Способы преодоления противодействия следствию при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных организованными преступными формированиями / Н.П. Яблоков // Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчинского [и др.]. – М.: ИНФРА-М, 1996. – С. 282–296.

359. Якимов И.Н. Криминалистика: руководство по уголовной технике и тактике / И.Н. Якимов. – М.: НКВД РСФСР, 1925. – X, 430 с.

360. Яновская Э.В. О предупреждении общественно опасных действий, совершаемых больными шизофренией по бредовым мотивам / Э.В. Яновская // Судебно-медицинская экспертиза. – 1966. – № 3. – С. 47–52.

361. Яровенко В.В. Криминалистическая дерматоглифика: монография / В.В. Яровенко. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2011. – 237 с.

III. Диссертации и авторефераты диссертаций

362. Аистов И.А. Использование следов биологического происхождения при расследовании преступлений: 12.00.09: автореф. дис. … канд. юрид. наук / И.А. Аистов; Сарат. юрид. ин-т МВД РФ. – Саратов, 2000. – 24 с.

363. Аменицкая Н.А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в раскрытии и расследовании преступлений (в ОВД): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.А. Аменицкая; Нижегор. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2006. – 201 с.

364. Андреев А.С. Ложное алиби и криминалистические методы его разоблачения: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.С. Андреев; Юрид. ин-т МВД РФ. – Ростов н/Д, 2001. – 195 с.

365. Баранов Е.В. Криминалистическая сущность инсценировок и методы их разоблачения при расследовании преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.В. Баранов; Акад. МВД СССР. – 1977. – 22 с.

366. Березутский Е.Ю. Актуальные вопросы теории и практики исследования материальной обстановки места убийства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.Ю. Березутский; Моск. гос. юрид. акад. – М., 2001. – 27 с.

367. Болдырева О.В. Значение влияния микроорганизмов на следы крови при судебно-медицинской экспертизе вещественных доказательств: авто-

реф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.24; 03.00.07 / О.В. Болдырева; 2 Моск. гос. мед. ин-т им. Н.И. Пирогова. – М., 1989. – 15 с.

368. Бурданова В.С. Расследование уголовных дел об убийствах, замаскированных инсценировкой самоубийства и дел о доведении до самоубийства (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.С. Бурданова; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Л., 1966. – 15 с.

369. Быстряков Е.Н. Криминалистические и организационные основы деятельности следователей, органов дознания и сведущих лиц на первоначальном этапе расследования тяжких преступлений против личности: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е.Н. Быстряков. – Саратов, 1988. – 19 с.

370. Варфоломеев Е.В. Противодействие расследованию убийств, совершаемых военнослужащими, и кримналистические методы его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.В. Варфоломеев; Юрид. ин-т МВД РФ. – М., 2002. – 184 с.

371. Гельманов Г.А. Криминалистическое значение способа сокрытия преступления против жизни и здоровья граждан и методы его разоблачения: дис. … канд. юрид. наук. М., 1982.

372. Гилод В.М. Клинико-социальные и клинико-психопатологические характеристики вариантов суицида у пациентов кризисного стационара: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.18 / В.М. Гилод; Моск. науч.-исслед. ин-т психиатрии. – М., 2002. – 24 с.

373. Дамов Ю.В. Правовые и организационно-тактические вопросы раскрытия аппаратами уголовного розыска умышленных убийств: дис. … канд. юрид. наук / Ю.В. Дамов. – М., 1987. – 156 с.

374. Дементьев В.В. Научные и практические проблемы расследования инсценировки как способа сокрытия преступления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.В. Дементьев; Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 2004. – 224 с.

375. Донцов В.В. Теоретические и методические основы установления лица, совершившего убийство: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.В. Донцов; ВНИИ пробл. укрепления законности и правопорядка. – М., 1989. – 19 с.

376. Дуткин М.П. Гносеологические основания изучения суицида: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.01 / М.П. Дуткин; Акад. наук Респ. Саха (Якутия). – Якутск, 2006. – 26 с.

377. Еремин, С.Н. Заключение специалиста как новый вид доказательства в уголовном судопроизводстве (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / С.Н. Еремин; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2004. – 28 с.

378. Ермолаева Е.Г. Суицид и преступность: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.Г. Ермолаева; Сарат. юрид. ин-т МВД России. – Саратов, 2007. – 236 с.

379. Есин С.Н. Криминалистическое обеспечение розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / С.Н. Есин; Моск. ун-т МВД России. – М., 2009. – 30 с.

380. Жардецкий А.Н. Аутоагрессивное поведение обвиняемых (типология, судебно-психиатрическая оценка, прогноз): дис. … канд. мед. наук: 14.00.18 / А.Н. Жардецкий; Гос. науч. центр соц. и судеб. психиатрии им. В.П. Сербского. – М., 2003. – 234 с.

381. Жардецкий А.Н. Аутоагрессивное поведение обвиняемых: (типология, судебно-психиатрическая оценка, прогноз): автореф. дис. … канд. мед. наук: 14.00.18 / А.Н. Жардецкий; Гос. науч. центр соц. и судеб. психиатрии им. В.П. Сербского. – М., 2003. – 28 с.

382. Зимин Р.В. Содействие органов дознания следователю при производстве предварительного следствия: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Р.В. Зимин. – М., 2008. – 24 с.

383. Звягин А.И. Противодействие расследованию убийств по найму и криминалистические методы его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.Н. Звягин; Акад. упр. МВД РФ. – М., 2004. – 195 с.

384. Зороастров М.О. Судебно-медицинские аспекты динамики и генетических основ самоубийств у жителей Тюменского региона: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.24 / М.О. Зороастров; Моск. гос. мед.-стоматолог. ун-т. – Москва, 2006. – 25 с.

385. Ивахов П.И. Криминалистические проблемы расследования и предупреждения убийств в современных условиях: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / П.И. Ивахов; Калинингр. юрид. ин-т МВД России. – Калининград, 2003. – 28 с.

386. Кагин Е.К. Криминалистические основы розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.К. Кагин; Свердл. юрид. ин-т им. Р.А. Руденко. – Свердловск, 1982. – 18 с.

387. Килессо Е.Г. Методика расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего: первоначальный этап расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.Г. Килессо; / С.-Петерб. юрид. ин-т генер. прокуратуры РФ. – СПб, 2004. – 219 с.

388. Каплан Л.С. Взаимодействие следователя с органами дознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Л.С. Каплан; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2000. – 26 с.

389. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / В.Н. Карагодин; УрГЮА. – Екатеринбург, 1992. – 353 с.

390. Китаева В.Н. Судебно-психологическая экспертиза при расследовании тяжких преступлений против личности: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.Н. Китаева; Байкал. гос. ун-т экон. и права. – Иркутск, 2002. – 241 с.

391. Ковалев А.И. Улики поведения и их роль в расследовании преступления: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.И. Ковалев; Свердл. юрид. ин-т. – Свердловск, 1974. – 26 с.

392. Ковалев А.И. Улики поведения и их роль в расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.И. Ковалев; Свердл. юрид. ин-т. – Свердловск, 1974. – 175 с.

393. Комлев В.А. Прогнозирование аутоагрессивного поведения осужденных в исправительных учреждениях: дис. … канд. психол. наук: 19.00.06 / В.А. Комлев; С.-Петерб. ун-т МВД РФ. – СПб, 2010. – 215 с.

394. Котов В.В. Организационные и тактические основы взаимодействия следователя и органов дознания при производстве отдельных следственных действий: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.В. Котов. – Екатеринбург, 2007. – 36 с.

395. Королько Л.Ф. Морфологические изменения некоторых тканей и органов при повешении с различными положениями петли: автореф. дис. … канд. мед. наук: 14.00.24 / Л.Ф. Королько. – Л., 1976. – 22 с.

396. Корчагин А.А. Расследование убийств, связанных с исчезновением лиц женского пола: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.А. Корчагин; Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2003. – 25 с.

397. Кудрявцева А.В. Проблемы использования судебно-медицинских познаний в расследовании преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 19.00.09 / А.В. Кудрявцева. – Алматы, 1993. – 22 с.

398. Кузнецов В.В. Инсценировка как способ сокрытия преступления: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В.В. Кузнецов. – М., 1977. – 23 с.

399. Кузнецов В.Е. Этапы развития отечественной дореволюционной суицидологии: психиатрический и междисциплинарный аспекты: автореф. дис. … канд. мед. наук: 14.00.18 / В.Е. Кузнецов; Моск. НИИ психиатрии. – М., 1987. – 22 с.

400. Лапин И.А. Факторы риска повторного суицидального поведения женщин с умеренно выраженными и тяжелыми депрессивными расстройствами: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.18 / И.А. Лапин; Моск. науч.-исслед. ин-т психиатрии. – М., 2005. – 27 с.

401. Лапшин В.Е. Место происшествия как объект экспертного исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.Е. Лапшин; Нижегор. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2003. – 28 с.

402. Лопатин А.А. Суициды и парасуициды (клинико-эпидемиологические и социально-организационные аспекты): автореф. дис. … д-ра мед. наук: 14.00.18: 14.00.33 / А.А. Лопатин; Кемер. гос. мед. акад. – М., 2000. – 38 с.

403. Лубин А.Ф. Взаимодействие участников идентификационно-поисковой деятельности: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Ф. Лубин; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1981. – 16 с.

404. Малыхина Н.И. Криминалистические методы и средства установления лица, совершившего преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.И. Малыхина; Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 2007. – 26 с.

405. Мальцев А.С. Особенности расследования убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.С. Мальцев; Рост. юрид. ин-т МВД РФ. – Ростов-на-Дону, 2012. – 26 с.

406. Мартыненко Р.Г. Коммуникативное противодействие расследованию: способы, выявление, преодоление: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Р.Г. Мартыненко; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2004. – 25 с.

407. Миронова Е.А. Поведение преступника: криминалистический и процессуальный аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е.А. Миронова. – М., 1997. – 32 с.

408. Мишин Е.С. Прижизненное течение странгуляционной асфиксии при различных положениях петли (экспериментальное исследование): автореф. дис. … канд. мед. наук: 14.00.24 / Е.С. Мишин; Ленингр. сан.-гигиен. мед. ин-т. – Л., 1975. – 22 с.

409. Мишин Е.С. Судебно-медицинская экспертиза удавления петлей: автореф. дис. … докт. мед. наук: 14.00.24 / Е.С. Мишин. – СПб., 1997. – 30 с.

410. Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Г.Н. Мудьюгин; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1962. – 17 с.

411. Надоненко О.Н. Криминалистическое значение следов биологического происхождения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.Н. Надоненко; Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2002. – 22 с.

412. Нечепаев В.В. Особенности раскрытия и расследования убийств, совершаемых по найму с учетом пространственно-временных факторов: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.В. Нечепаев. – Воронеж, 2008. – 24 с.

413. Пелипас В.Е. Суицидальные явления в клинике некоторых форм психопатии: автореф. дис. … канд. мед. наук / В.Е. Пелипас; Центр. науч.-исслед. ин-т судебной психиатрии им. В.П. Сербского. – М., 1971. – 22 с.

414. Петросян В.О. Использование криминалистических методов и средств в розыске без вести пропавших граждан: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.О. Петросян; Юрид. ин-т МВД России. – М., 1998. – 186 с.

415. Пирбудагов Г.Н. Противодействие расследованию преступлений против жизни и здоровья: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Г.Н. Пирбудагов; Моск. ун-т МВД РФ. – М., 2010. – 195 с.

416. Подпоринова Е.Э. Судебно-медицинская экспертиза удавлений руками: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.24 / Е.Э. Подпоринова; Санкт-Петерб. гос. мед. академия. – СПб., 1997. – 21 с.

417. Полтавцева Л.И. Интеграция достижений психологии в криминалистику: дис. … д-ра. юрид. наук: 12.00.09 / Л.И. Полтавцева; Волгогр. акад. МВД России. – Волгоград, 2003. – 381 с.

418. Полякова И.В. Особенности ситуационных реакций и психогенных депрессий в суицидологической практике: автореф. дис. … канд. мед. наук: 14.00.18 / И.В. Полякова; Моск. НИИ психиатрии. – М., 1987. – 19 с.

419. Пономаренко Ю.В. Применение метода криминалистической ретроспекции при расследовании преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.В. Пономаренко; Акад. М-ва внутр. дел Республики Беларусь. – Минск, 2003. – 21 с.

420. Прокопенко Б.Л. Особенности расследования убийств, совершенных осужденными в местах лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Б.Л. Прокопенко; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2009. – 24 с.

421. Решняк М.Г. Деятельность следователя и органа дознания по розыску и установлению местопребывания обвиняемого: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Акад. управления МВД России. – М., 1998. – 23 с.

422. Рывкин С.Ю. Особенности расследования и предупреждения убийств, совершенных военнослужащими: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / С.Ю. Рывкин; Волг. акад. МВД России. – Волгоград, 2005. – 30 с.

423. Рывкин С.Ю. Особенности расследования и предупреждения убийств, совершенных военнослужащими: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / С.Ю. Рывкин; Волг. акад. МВД России. – Волгоград, 2005. – 178 с.

424. Спиридонов В.А. Комплексное судебно-медицинское и социально-гигиеническое исследование самоубийств (по материалам Республики Татарстан): автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.24 / В.А. Спиридонов; Рос. гос. мед. ун-т. – М., 1996. – 24 с.

425. Стулин О.Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.Л. Стулин; СПб. юрид. ин-т. – СПб, 1999. – 171 с.

426. Тарасов М.Ю. Расследование уголовных дел об убийствах: процессуальные и криминалистические вопросы: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.Ю. Тарасов; Моск. гос. юрид. акад. - Москва, 2003. – 25 с.

427. Терещук Ф.А. Особенности расследования насильственных преступлений с летальным исходом потерпевшего в больнице: автореф. дис. … канд. юрид. наук 12.00.09 / Дальневост. гос. ун-т / Ф.А. Терещук. – Владивосток, 2006. – 21 с.

428. Тимонина И.В. Установление заказного характера убийства и использование моделей при его расследовании: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.В. Тимонина; Сарат. гос. ак. права. – Саратов, 2007. – 22 с.

429. Тимофеева А.В. Криминалистическое моделирование неизвестного преступника по признакам и свойствам, отображаемым в следах преступления: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.В. Тимофеева: Юж.-Ур. гос. ун-т. – Челябинск, 2010. – 26 с.

430. Травкин Е.А. Взаимодействие следователей Следственного комитета Российской Федерации с органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е.А. Травкин. – М., 2011. – 23 с.

431. Фадеев В.И. Расследование инсценировок преступных событий: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.И. Фадеев: Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1998. – 183 с.

432. Фирсов Г.Е. Организационно-тактические основы раскрытия убийств прошлых лет органами внутренних дел: дис. … канд. юрид. наук / Г.Е. Фирсов. – М., 1975. – 177 с.

433. Хараев А.А. Преодоление противодействия расследованию преступлений против собственности: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.А. Хараев; Кубан. гос. аграр. ун-т. – 2005. – Нальчик, 2005. – 179 с.

434. Цильвик В.П. Правовые и организационно-тактические проблемы розыска пропавших без вести лиц (по материалам Украинской ССР): автореф. дис. … канд. юрид. наук / В.П. Цильвик; Киев. высш. шк. МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского. – Киев, 1987. – 25 с.

435. Чайка А.Ю. Организация взаимодействия органов предварительного расследования и дознания по расследованию и раскрытию преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.11 / А.Ю. Чайка; Акад. упр. МВД России. – М.: 2002. – 19 с.

436. Шмидт А.А. Тактические основы распознания ложных показаний и изобличения лжесвидетелей (криминалистическое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.А. Шмидт; Свердлов. юрид. ин-т. – Свердловск , 1973. – 20 с.

437. Шошин С.В. Расследование умышленных убийств, совершенных на бытовой почве: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / С.В. Шошин; Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 2000. – 24 с.

438. Чегодаева С.С. Криминалистическое исследование улик поведения: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / С.С. Чегодаева; Юрид. ин-т МВД России. – М., 2000. – 22 с.

439. Яровенко В.В. Доказывание следователем субъективной стороны убийств: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.В. Яровенко; Свердл. юрид. ин-т. – Свердловск, 1979. – 15 с.

440. Яшин А.В. Постпреступное поведение: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Яшин; Сарат. юрид. ин-т МВД РФ. – Саратов, 2005. – 197 с.

IV. Литература на иностранных языках

441. Bourdin C.E. Du suicide considèrè comme maladie / par C.E. Bourdin. – Batignolles: Hennuyer et Turpin, 1845. – 95 p.

442. Winslow F. The Anatomy of Suicide / ву Forbes Winslow. – London: H. Renshaw, 1840. – XV, 340 p.

443. Furuno J. Studies on the floating corpses in water. Rep. 2. Especially on water temperature, depth of water and heavy load which interfere with floating / J. Furuno // Nihon hōigaku zasshi: the Jap. j. leg. med. – 1965. – Vol. 19, №. 5. – P. 396–399.

444. Furuno J. Studies on the floating of corpses in water. Rep. 3. Actual cases which demonstrated floating time of the drowned corpse / J. Furuno // Nihon hōigaku zasshi: the Jap. j. leg. med. – 1965. – Vol. 19, №. 5. – P. 400–407.

445. Esquirol J.E.D. Des maladies mentales considérées sous les rapports médical, hygiénique et médico-légal / Etienne Esquirol. – Paris: J.-B. Baillière, 1838.– 2 v. and atlas: plates.

446. Lombroso C. L'homme criminel: étude anthropologique et médico-légale: atlas / C. Lombroso, A. Bournet, G. Regnier. – Paris: Félix Alcan, 1887. – 2 p., XXIV, 684 p.

447. Yekeen A. Aderibigbe, Violence in America: A Survey of Suicide Linked to Homicides, Journal of Forensic Sciences 42, no. 4 (1997): 662–665.

V. Справочники и другая литература

448. Библиографический указатель литературы по советской криминалистике за 1966–1986 гг. / Л.В. Батищева [и др.]; под ред. проф. Н.С. Селиванова; НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка. – М.: НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1990. – 244 с.

449. Блейхер В.М. Толковый словарь психиатрических терминов / В.М. Блейхер, И.В. Крук. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 639 с.

450. Большая психологическая энциклопедия / А.Б. Альмуханова [и др.]. – М.: Эксмо, 2007. – 543 с.

451. Большой путеводитель по Библии: пер. с нем. / Г. Беллингер [и др.]. – М.: Республика, 1993. – 479 с.

452. Галазий Г.И. Байкал в вопросах и ответах / Г.И. Галазий. – 2-е изд., испр. и доп. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. – 383 с.

453. Гацихо О.И. Библиографический алфавитно-предметный указатель к сборникам по обмену опытом следственной работы «Следственная практика» (выпуски № 61-73) / О.И. Гацихо // Следственная практика: сб. ст. / Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупр. преступности; гл. ред. Г.И. Кочаров. – М.,1967. – Вып. 76. – С. 74–118.

454. Гернет М.Н. Систематический библиографический указатель литературы по криминалистике / сост. проф. М.Н. Гернет. – Минск: Тип. Акад. наук БССР, 1936. – 62 с.

455. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка В 4 т. Т. 4. Р – V/соч. Владимира Даля. – 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи авт. – СПб; М.: М.О. Вольф, 1882. – 4, 704 с.

456. Еникеев М.И. Общая и социальная психология: энцикл. / М.И. Еникеев. – М.: Приор, 2002. – 559 с.

457. Измайлова Ф.Ш. Библиографический алфавитно-предметный указатель к сборникам «Следственная практика» (вып. № 86-95) / Ф.Ш. Измайлова // Следственная практика: сб. ст. / Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупр. преступности; ред. А.И. Михайлов. – М., 1972. – Вып. 96. – С. 134–167.

458. Капица Л.В. Библиографический алфавитно-предметный указатель к сборникам «Следственная практика» (вып. 116–125) / Л.В. Каица // Следственная практика: сб. ст. / Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предуп. преступности; отв. ред. Н.В. Жогин. – М., 1980. – Вып. 126. – С. 49–103.

459. Криминалистическая энциклопедия: справ. пособие для курсантов, слушателей и преподавателей учеб. заведений МВД, адъюнктов, докторантов, науч. сотр. и практ. работников органов внутрен. дел / авт.-сост. Р.С. Белкин. – М.: Бек, 1997. – 341 с.

460. Наставление врачам при судебном осмотре и вскрытии мертвых тел. – М.: Унив. тип., 1830. – VIII, 174, III с.

461. О причинах неквалифицированного производства первоначальных следственных действий: информационное письмо зам. председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ от 8 июля 2009 г. № 213-75/595-2009.

462. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. – М.: Азъ, 1992. – 955 с.

463. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбах. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 1096 с.

464. Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 гг. / Центр. стат. упр-ние СССР, сектор соц. статистики; сост. М.Н. Гернет; предисл. М.П. Красильников. – М.: ЦСУ СССР, 1929. – 57 с.

465. Самоубийства в СССР. 1922–1925 гг. / Центр. стат. упр. СССР, Отд. моральной статистики; вступ. ст. Д.П. Родин; предисл. М.Н. Гернет. – М.: тип. М.К.Х. им. Ф.Я. Лаврова, 1927. – 77 с. – (Статистика СССР; т. 35, вып. 1).

466. Сборник действующих приказов и инструкций Генерального прокурора СССР / Прокуратура СССР. – М.: Юрид. лит., 1958. – 524 с.

467. Систематический алфавитный указатель неофициального отдела журнала «Тюремный вестник» за XV лет (1893–1907) / сост. под ред. Н.Ф. Лучинского. – СПб.: Типо-лит. С.-Петерб. тюрьмы, 1908. – 96 с.

468. Справочная книга криминалиста / Генер. прокуратура Рос. Федерации, Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка; отв. ред. Н.А. Селиванов. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2000. – XIV, 712 с.

469. Степанова Т.С. Библиографический указатель литературы по советской криминалистике за 1956–1960 гг. / Т.С. Степанова, Н.Б. Алексеева; под ред. А.И. Винберг. – М.: Юрид. лит., 1964. – 144 с.

470. Убийства, замаскированные различными инсценировками // Библиографический предметный указатель к сборникам по обмену опытом следственной работы «Следственная практика» (выпуски № 1–60) / сост. М.М. Буклан, М.И. Арсеньева. – М., 1966. – С. 130–131. – (Следственная практика; вып. 70).

471. Чеботарев А.И. Гидрологический словарь / А.И. Чеботарев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Л.: Гидрометеоиздат, 1978. – 308 с.

472. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскной словарь: учеб. пособие / А.Ю. Шумилов. – М.: Изд. дом Шумиловой И. И., 2008. – 174 с.

473. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А.М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – 607 с.

VI. Интернет-ресурсы

474. Качина Н.Н. Использование знаний в области судебной медицины в оперативно-розыскной деятельности: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / Н.Н. Качина // Актуальные вопросы судебной медицины и медицинского права: мат-лы научно-практич. конф. с международ. участием, посвященной памяти профессора В.О. Плаксина. М., 2011. Режим доступа: http://journal.forens-lit.ru/node/951 (дата обращения: 31.08.2016 г.).

475. Квитко Н. Особенности отдельных видов судебно-психологических экспертиз по факту самоубийства [Электронный ресурс] / Н. Квитко, Е. Холопова // Право и жизнь. 2002. № 46 (2). Режим доступа: http://www.law-n-life.ru/index.php/ru/m-arhiv-ru-ru/m-arhiv1-end-ru-ru (дата обращения: 31.08.2016 г.).

476. Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://мвд.рф/reports/item/9338947/ (дата обращения 01.02.2017 г.).

477. Предотвращение самоубийств. Глобальный императив: доклад ВОЗ, 2014. С. 13 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/world_report_2014/ru. (дата обращения: 31.08.2016 г.).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Аналитическая справка

по итогам опроса следователей СК РФ по проблемам расследования убийств с посткриминальным суицидом подозреваемого (обвиняемого)

Опрошено 63 следователя, ответы опрошенных распределились следующим образом:

1. Приходилось ли Вам расследовать убийства при ситуации посткриминального суицида подозреваемого (обвиняемого) ?
а) да – 43% (27 человек);
б) нет – 57 % (36 человек).

2. Ваше образование?
а) высшее юридическое – 100 % (63 человека);
б) высшее иное – 0% (0 человек).

3. Стаж Вашей работы в указанной должности?
а) менее года – 9,5 % (6 человек);
б) от 1 года до 5 лет – 55,5 % (35 человек);
в) от 5 до 10 лет – 35% (22 человека).

4. В чем, по вашему мнению, заключаются трудности при расследовании убийства, сопряженного с посткриминальным суицидом подозреваемого (обвиняемого)?
а) в сложности установления личности потерпевшего и убийцы, трупы которых обнаружены на месте преступления – 11,1% (7 человек);
б) в отсутствии очевидцев события преступления – 28,5% (18 человек);
в) в необходимости одновременного обнаружения на месте происшествия доказательств и убийства и самоубийства – 57% (36 человек);
г) иные трудности:_____ 39,7 % (25 человек).

5. Является ли, по Вашему мнению, методически правильно проведенный осмотр места происшествия практически единственным способом собирания доказательств по убийствам, сопряженным с посткриминальным суицидом подозреваемого (обвиняемого)?
а) да – 8% (5 человек);
б) нет – 92% (58 человек).

6. В каких случаях, производя осмотр места происшествия, можно предполагать, что произошло убийство при ситуации посткриминального суицида подозреваемого (обвиняемого)?
а) наличие двух и более трупов – 4,8 % (3 человека);
б) двери и окна заперты изнутри – 33,3 % (21 человек);
в) найдена предсмертная записка виновного – 88,8 % (56 человек);
г) орудие совершения преступления находиться в руках предполагаемого убийцы или непосредственно рядом с ним – 71,4 % (45 человек);
д) иные обстоятельства:_____50,7 % (32 человека).

7. Обязательно ли, по Вашему мнению, фотографирование места происшествия:
а) да – 95,2 % (60 человек);
б) нет – 4,8 % (3 человека).

8. Какие вопросы могут выясняться при проверки версии о совершении убийства с последующим посткриминальным суицидом подозреваемого (обвиняемого)?
а) мог ли кто-либо слышать или видеть события преступления? – 100 % (63 человека);
б) не мог ли кто-либо совершить на месте происшествия убийства с инсценировкой посткриминального суицида? – 23,8 % (15 человек);
в) имеется ли предсмертная записка убийцы, в которой сообщается о мотивах убийства и самоубийства? – 100 % (63 человека);
г) кому первому нанесены смертельные ранения? – 100% (63 человека);
д) что является орудием совершения убийства и самоубийства? – 100 % (63 человека);
е) не делал ли убийца после совершения деяния попыток к сокрытию преступления? – 25,4 % (16 человек);
ж) пытался ли убийца оказать после совершения преступления помощь потерпевшему? – 28,5 % (18 человек);
з) иные вопросы:_____ 55,5 % (35 человек).

9. Какие виды судебных экспертиз должны назначаться, по Вашему мнению, при расследовании убийства, сопряженного с посткриминальным суицидом подозреваемого (обвиняемого) ?
а) судебно-медицинскую экспертизу – 100 % (63 человека);
б) психолого-психиатрическую экспертизу – 76,2 % (48 человек);
в) судебно-биологическую экспертизу вещественных доказательств – 100 % (63 человека);
г) трасологическую экспертизу – 46 % (29 человек);
д) баллистическую экспертизу – 43 % (27 человек);
е) иные виды судебных экспертиз:_____ 12,7% (8человек).

10. Какие признаки инсценировки суицида Вы можете назвать?
а) при нахождении трупа в петле (самоповешение):

_____
_____
_____

б) при наличии колото-резаных повреждений на трупе:

_____
_____
_____

в) при обнаружении трупа с огнестрельным ранением и огнестрельного оружия рядом:

_____
_____
_____

При ответе на вопрос № 10:
на пункт «а» только 8 % (5 человек) дали удовлетворительный ответ;
на пункт «б» удовлетворительно ответили 11,1 % (7 человек);
на пункт «в» достаточно полно ответили 74,6 % (47 человек)[1].

11. Хранятся ли в организации, где Вы работаете, вещественные доказательства по убийствам прошлых лет (нераскрытым; подозреваемый находится в розыске), на которых могут находиться следы биологического происхождения ?
а) да – 76,2 % (48 человек);
б) нет – 23,8 % (15 человек).

12. Какие лица, по Вашему мнению, подлежат допросу при расследовании убийства сопряженного с посткриминальным суицидом подозреваемого (обвиняемого) ?
а) родственники потерпевшего и подозреваемого – 100 % (63 человека);
б) соседи потерпевшего и подозреваемого – 100 % (63 человека);
в) сослуживцы потерпевшего и подозреваемого – 92 % (58 человек);
г) знакомые потерпевшего и подозреваемого – 100 % (63 человека);
д) медицинские работники – 17,4 % (11 человек);
е) иные лица_____ 19 % (12 человек).

---

[1] При оценке ответов следователей в заполненных ими анкетах использовались источники: Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками, М., 1973. С. 68-103; Сапожников Ю.С. Криминалистика в судебной медицине. Киев, 1970. С. 71-222; Концевич И.А. Судебно-медицинская диагностика странгуляций. Киев, 1968; Татаренко В.А. Статистико-вероятный метод определения степени достоверности экспертных выводов // Судебно-медицинская экспертиза. 1990. № 2. С. 47-48; Ципковский В.И. Осмотр места происшествия и трупа на месте его обнаружения. Киев, 1960. С. 107-132, 161-197, 235-251; Осмотр трупа на месте его обнаружения: Практическое руководство. Под ред. А.А. Матышева. СПб., 1997. С. 97-112, 118-138. – *Прим. авт.*

13. Что, на Ваш взгляд, может побудить убийцу совершить суицид?
а) страх перед уголовным наказанием и его неотвратимостью – 88,8 % (56 человек);
б) внезапное раскаяние в совершенном убийстве – 39,7 % (25 человек);
г) бесцельность попыток сокрытия совершенного убийства – 28,5 % (18 человек);
д) иные причины:_____ 23,8 % (15 человек).

14. Какие документы могут указать на мотивы совершения убийства и самоубийства правонарушителя?
а) предсмертная записка – 93,6 % (59 человек);
б) дневник – 25,4 % (16 человек);
в) медицинская документация (история болезни, амбулаторные карты) – 14,3 % (9 человек);
г) личное дело – 17,4% (11 человек);
д) письма (иная корреспонденция) – 20,6 % (13 человек);
е) иные документы:_____ 44,4 % (28 человек).

15. Считаете ли Вы законным не возбуждать уголовное дело по факту убийства, если правонарушитель покончил с собой на месте преступления или в близи от него?
а) да – 23,8 % (15 человек);
б) нет – 76,2 % (48 человек).

Приложение 2

Аналитическая справка

по итогам опроса оперативных работников МВД РФ по проблемам расследования убийств с посткриминальным суицидом подозреваемого (обвиняемого)

Опрошено 56 оперативных сотрудников, ответы опрошенных распределились следующим образом:

1. Приходилось ли Вам участвовать в расследовании убийств при ситуации посткриминального суицида подозреваемого (обвиняемого)?
а) да – 32,1 % (18 человек);
б) нет – 67,9 % (38 человек).

2. Приходилось ли Вам проводить оперативно-розыскные мероприятия по делам об убийствах и фактах суицида?
а) да – 100% (56 человек);
б) нет – 0% (0 человек).

3. Ваше образование?
а) высшее юридическое – 53,6 % (30 человек);
б) высшее иное – 19,6 % (11 человек);
в) неоконченное высшее – 21,4 % (12 человек);
г) среднее специальное – 5,3 % (3 человека).

4. Стаж Вашей работы в указанной должности?
а) менее года – 7,1 % (4 человека);
б) от 1 года до 5 лет – 62,5 % (35 человек);
в) от 5 до 10 лет – 30,4 % (17 человек).

5. В каких случаях при проведении осмотра места происшествия можно предполагать, что произошло убийство при ситуации посткриминального суицида подозреваемого (обвиняемого)?
а) наличие двух и более трупов – 8,9 % (5 человек);
б) двери и окна заперты изнутри – 41,1 % (23 человека);
в) найдена предсмертная записка виновного – 94,6 % (53 человека);
г) орудие совершения преступления находиться в руках предполагаемого убийцы или непосредственно рядом с ним – 85,7 % (48 человек);
д) иные обстоятельства:_____ 44,6 % (25 человек).

6. Какие лица, по Вашему мнению, подлежат допросу (опросу) при расследовании убийства сопряженного с посткриминальным суицидом подозреваемого (обвиняемого)?
а) родственники потерпевшего и подозреваемого – 100% (56 человек);
б) соседи потерпевшего и подозреваемого – 89,9 % (47 человек);
в) сослуживцы потерпевшего и подозреваемого – 80,3% (45 человек);
г) знакомые потерпевшего и подозреваемого – 100% (56 человек);
д) медицинские работники – 21,4 % (12 человек);
е) иные лица_____ 14,3 % (8 человек).

7. Какие сведения о потерпевшем и предполагаемом убийце необходимо выяснять у лиц, с которыми они общались ранее:
а) сведения биографического характера – 100 % (56 человек);
б) иные личностные сведения о потерпевшем и предполагаемом убийце (физические, психологические, иные) – 100 % (56 человек);
в) об обстоятельствах и возможных причинах убийства и самоубийства – 100 % (56 человек);
г) способен ли предполагаемый убийца на совершение данного преступления– 80,3% (45 человек);
д) были ли ранее знакомы потерпевший и предполагаемый убийца – 100 % (56 человек);
е) в каких отношениях были потерпевший и предполагаемый убийца – 100 % (56 человек);
ж) иные сведения:_____ 60,7 % (34 человека).

8. Приходилось ли Вам прибегать к опросу тяжелораненых (умирающих) лиц?
а) да – 57,1 % (32 человека);
б) нет – 42,9 % (24 человека).

9. Сталкивались ли Вы с категоричным запретом медицинских работников по опросу тяжелораненых (умирающих), что впоследствии завершилось смертью пострадавших лиц, усугубивший процесс установления истины?
а) да – 25 % (14 человек);
б) нет – 75 % (42 человека).